ISSN 2500–3682

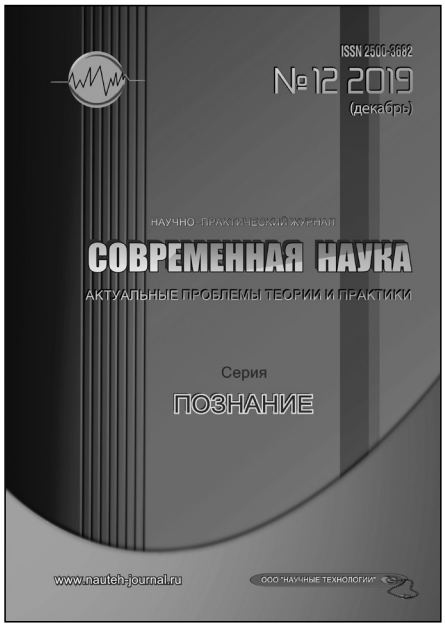
СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ
№ 12 2019 (ДЕКАБРЬ)

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 09.00.00, 19.00.00, 24.00.00)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
А.В. Романов

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

Подписано в печать 20.12.2019 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 755-1913
e-mail: redaktor@nauteh.ru
http: //www.nauteh-journal.ru

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

Серия: Познание № 12 декабрь 2019 г

© Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики». Серия «Познание».

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филос.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филос.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Иконникова Светлана Николаевна — д.филос.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н, профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н, доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филос.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филос.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филос.н, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филос.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н, доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филос.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филос.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н, профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филос.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филос.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр — Михайлович д.псх.н, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филос.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

СОДЕРЖАНИЕ CONTENTS

Культурология

Воркина К. С., Кодама Н., Саркисова Д. А. — Японские календарные системы и их влияние на приметы и традиции народа

Vorkina K., Kodama N., Sarkisova D. — Japanese calendar systems and their influence on the omens and traditions of the people. 5

Ефимова Л. С., Шкурко Н. С., Афанасьев Н. В., Антонова В. Н., Баишев И. И., Протопопов С. С. — Промысловая культура народа саха в системе тюрко-монгольских охотничьих культов

Efimova L., Shkurko N., Afanasev N., Antonova V., Baishev I., Protopopov S. — Commercial culture of the sakha people in the system of the turko-mongol hunting cult. 9

Ли М. — Изображение культуры и символики Тибета в масляной живописи Китая

Li M. — Image of the culture and symbolism of Tibet in China oil painting. 15

Полева Ю. В., Саркисян И. Ф. — К проблеме интерпретации мифологемы «жертва» в современной массовой культуре: сравнительный анализ

Poleva Yu., Sarkisyan I. — The problem of interpretation of the "victim" mythology in the modern mass culture: a comparative analysis 19

Саврей В. Я. — Россия в истории мировых цивилизаций и её национальное предназначение

Savrey V. — Russia in the history of the world civilizations and Russian national mission. 25

Юй Чжэньюань — Тенденции и перспективы региональных культурных обменов между Россией и Китаем

Yu Zhenyuan — Trends and prospects of regional cultural exchanges between China and Russia 32

Психология

Вертягина Е. А. — Волевые характеристики субъекта зависти: гендерный аспект

Vertyagina E. — Strong-willed characteristics of the subject of envy: gender aspect. 36

Гатич Л. В. — Подростковая агрессия при материальном благополучии и духовном одиночестве

Gatich L. — Adolescence aggression with material well-being and spiritual loneliness. 41

Главатских М. М., Помыткина Т. Ю. — Особенности социальных представлений врача и пациента друг о друге как фактор напряженности в их системе отношений

Glavatskikh M., Pomytkina T. — Features of social perceptions of a doctor and a patient about each other as a factor of tension in their relationship system 46

Григорьян М. Р. — Аутокомпетентность педагога и практическое наставничество. акмеологическая экспертиза в современном образовании

Grigorian M. — Teacher's auto competence and practical mentivity. acmeological examination in modern education. 52

Ермолаев В. В., Воронцова Ю., Четверикова А. И. — К вопросу о критериях сформированности навыков психической саморегуляции у водителей

Yermolaev V., Voroncova J., Chetverikova A. — To the question of criteria for mental self-regulation skills formation at car drivers 56

Жижина М. В. — Новые направления медиапсихологических исследований в контексте трансформации медиакультуры

Zhizhina M. — New directions of media psychological research in the context of media culture transformation. 61

Златина А. А. —
Роль психологического благополучия
в Вооруженных Силах Российской Федерации

Ziatina A. — The role of psychological well-being
in the Armed Forces Russian Federation 67

Мещеряков Д. А. — Динамика характеристик
отношения к риску и рискованности
курсантов военного вуза на разных этапах
военной социализации

Meshcheryakov D. — The dynamics of risk
attitudes and riskiness of military university cadets
at different stages of military socialization 70

Никифорова С. В., Живаева Ю. В., Стоянова Е. И. —
Возможности психологического
тренинга с использованием блока
биомеханической стимуляции мимических
паттернов лица в оптимизации самоотношения
у женщин зрелого возраста

Nikiforova S., Zhivaeva J., Stoyanova E. —
Possibilities of psychological training using
a block of biomechanical stimulation of facial
expression patterns in optimizing self-attitude
in women of mature age 77

Пеньков В. Е., Волочков И. В. —
Когнитивно-телесная психотерапия
как необходимое условие устойчивости личности

Penkov V., Volochkov I. — Cognitive-body
psychotherapy as a necessary condition
for stability of personality 84

Помазан И. А. — Становление личностной зрелости

Pomazan I. — The formation of personality maturity 88

Соколовская И. Э., Волочков И. В. —
Психотехнология познания себя
и современного мира – системный гедонизм

Sokolovskaya I., Volochkov I. —
Psychotechnology of knowledge of self
and modern peace – systemic hedonism..... 91

Философия

Опёнков М. Ю., Тетенков Н. Б. —
Вычислительная физика и космология

Openkov M., Tetenkov N. —
Computational physics and cosmology 96

Саврей В. Я. — Философия истории
как путь к постижению смысла мирового
культурно-цивилизационного процесса

Savrey V. — The philosophy of history
as a way to comprehend the meaning
of the world cultural and civilizational process 101

Саркисян И. Ф., Полева Ю. В. —
Проблема выявления сущности мифа
в рамках апофатической парадигмы

Sarkisyan I., Poleva Yu. — The problem
of identifying the essence of myth within
the apophatic paradigm 107

Яковлева Е. В. — К вопросу
об определении сущности и особенностей
профессионально-личностной
саморегуляции специалиста
в сфере адаптивной физической культуры

Yakovleva K. — To the question
of determining the essence and features
of the professional-personal self-regulation
of a specialist in the field of adaptive physical culture..... 111

Информация

Наши авторы. Our Authors..... 114

Требования к оформлению
рукописей и статей для публикации в журнале 116

ЯПОНСКИЕ КАЛЕНДАРНЫЕ СИСТЕМЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПРИМЕТЫ И ТРАДИЦИИ НАРОДА

JAPANESE CALENDAR SYSTEMS AND THEIR INFLUENCE ON THE OMENS AND TRADITIONS OF THE PEOPLE

K. Vorkina
N. Kodama
D. Sarkisova

Summary. The article discusses main calendar systems that have been used in Japan for centuries: wareki (from the founding of the state), gengō (from the motto of the reigning emperor), seireki (Gregorian calendar). Much attention is paid to the sexagenary cycle of jukkan-junishi, which came to Japan from China and had a great influence on the traditional views of the Japanese. The authors also dwell on the Japanese weekly cycles shichi-yō and roku-yō used in Japan and consider the omens and customs associated with them.

Keywords: wareki, seireki, kōki, gengō, nengō, go-gyō, jukkan-junishi, shichi-yō, roku-yō, calendar systems, calendars, Japan, week, sexagenary cycle, omens, traditions.

Воркина Ксения Сергеевна
Старший преподаватель, Российский университет дружбы народов (Москва)
ksenya_japan@mail.ru
Кодама Наоко
Ассистент, Российский университет дружбы народов (Москва)
nkodama@mail.ru
Саркисова Дарья Алексеевна
Ассистент, Российский университет дружбы народов (Москва)
sarkisovadaria@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные календарные системы, которые использовались в Японии на протяжении веков: варэки (от основания государства), гэнгō (по девизу правящего императора), сэйрэки (григорианский календарь). Большое внимание уделено шестидесятилетнему циклу дзюккан-дзюниси, пришедшему в Японию из Китая и оказавшему большое влияние на традиционные представления японцев. Авторы также останавливаются на применяемых в Японии недельных циклах сити-ē и року-ē и рассматривают связанные с ними приметы и обычаи.

Ключевые слова: варэки, сэйрэки, кōки, гэнгō, нэнгō, го-гē, дзюккан-дзюниси, сити-ē, року-ē, календарные системы, календарь, Япония, неделя, шестидесятилетний цикл, приметы, традиции.

Календарь — это система счисления больших промежутков времени, основанная на периодичности видимых движений небесных тел [6]. С помощью календаря древние народы учились находить закономерности явлений природы и применять свои знания в быту. Особенное значение это приобрело в земледельческом обществе.

Однако, кроме чисто практического значения, календарь имел и более глубокий смысл. По своей сути он является выражением «ритмической памяти человечества», имел и имеет огромную мифологическую основу и религиозное значение.

С календарем связаны многие поверья, приметы народов разных стран и культур. И в наше время календарь остается одним из главных источников и элементов гаданий.

На протяжении времен в Японии существовали разные системы летоисчисления. Причем, помимо распространённых по всему миру лунного, лунно-солнечного и григорианского календаря, там сложились собственные календарные системы, в том или ином виде имеющие хождение до сих пор.

Первая из них, *кōки* (皇紀), или *варэки* （和暦）берет за точку отчета дату основания японского государства легендарным императором Дзимму, потомком богини солнца Аматэрасу, в 660 год до н.э. Эта система была разработана с целью формирования чувства национальной гордости [4, с. 16] и была в ходу до 40-х годов XX в. [7, с. 30].

Вторая исконно-японская система летоисчисления *гэнгō* (元号), или *нэнгō* (年号) подразумевает последовательную смену эпох в соответствии с девизом правящего императора. Впервые *гэнгō* была применена в 645 г., когда император Котоку провозгласил начало эпохи Тайка (大化、«великие преобразования»). Хотя в 1873 г. в Японии была принята европейская система летосчисления (西暦、*сэйрэки* — «западный календарь»), в 1979 г. парламент принял закон об обязательном употреблении *нэнгō* в официальных документах [5, с. 12]. Поэтому и в настоящее время эта система находит отражение в японском быту: название эпохи можно увидеть в правительственных отчетах, периодике и пр.

Для определения названия новой эпохи существовала специальная процедура. Ученые выискивали в древ-

Таблица 1

Небесный столб	Он-ёми	Кун-ёми	Инь-ян	Элемент	Направление
甲	кō	кино-э 甲	ян	дерево	восток
乙	оцу	кино-то乙	инь		
丙	хэй	хино-э丙	ян	огонь	юг
丁	тэй	хино-то丁	инь		
戊	вō	цутино-э戊	ян	земля	центр
己	ки	цутино-то 己	инь		
庚	кō	кано-э 庚	ян	золото	запад
辛	син	кано-то辛	инь		
壬	дзин	мидзуно-э 壬	ян	вода	север
癸	ки	мидзуно-то 癸	инь		

Таблица 2

1	2	3	4	5	6
子	丑	寅	卯	辰	巳
нэ	уси	тора	у	тацу	ми
мышь	корова	тигр	заяц	дракон	змея
7	8	9	10	11	12
馬	羊	申	酉	戌	亥
ума	хицудзи	сару	тори	ину	и
лошадь	овца	обезьяна	петух	собака	кабан

них китайских книгах «мудрые» иероглифы и представляли свои находки на рассмотрение аристократам, которые выбирали некоторые из них и показывали императору (сейчас эту функцию осуществляет парламент). Император бросал жребий, который свидетельствовал о воле богов.

В период правления одного императора, вследствие необыкновенных явлений природы, бедствий, таинственных предзнаменований или поверий, могло смениться несколько эпох. Подобная практика прекратилась в 1868 г., когда было установлено, что смена эпох будет осуществляться только в случае смерти императора, при вступлении в должность его наследника. С тех пор первый день после смерти императора стали считать первым днем новой эпохи.

1 мая 2019 года император Хэйсэй передал трон наследному принцу при жизни, обозначив начало эпохи Рэйва (令和, «прекрасная гармония»). Впервые иероглифы были выбраны из древнеяпонского источника — поэтической антологии «Манъёсю» [9].

Наибольшее влияние на поверья и приметы японского народа оказал шестидесятеричный календарь, пришедший в Японию из Китая в конце VII века. Такая система летоисчисление сформировалась на основе китайской философии *у-син* (五行, яп. *го-гё̄*). Согласно *го-гё̄*, всё, что происходит в мире, зависит от состояния пяти элементов природы: дерева (木、яп. *ки*), огня (火, яп. *хи*), земли (土, яп. *цути*), золота (金, яп. *кин*) и воды (水, яп. *мидзу*). В каждом элементе воплощается *инь-ян* — единство противоположностей, разрушительных и созидательных сил. Так получается 10 «небесных столбов» — *дзиккан*, 十干 (*дзи* — десять, *кан* — столб). В японской календарной системе каждый элемент делился на две ипостаси: *э* («старший брат», *ян*) и *то* («младший брат», *инь*), таблица 1.

Помимо *дзиккан* существуют *дзюниси* (十二支), 12 «земных ветвей», которые соотносятся с 12 знаками китайского зодиака (таблица 2).

Десятизнаковый *дзюккан* и двенадцатизнаковый *дзюниси* были объединены в шестидесятеричный цикл. Первоначально предполагалось создать 120-дневный цикл (10х12), однако он показался слишком длинным, и его решили сократить вдвое. По правилам, в рамках одного цикла любой из двенадцати знаков *дзюниси* не мог сочетаться одновременно с 2 знаками *дзиккан*, принадлежащих одной стихии. То есть если, например, знак мыши совпадал с «кино-э», он уже не мог совпадать с «кино-то» и т.п.

На календаре *дзюккан-дзюниси* также отразилось влияние философии *го-гё̄*. Так, мышь и кабан ассоции-

Таблица 3

понедельник	вторник	среда	четверг	пятница	суббота	воскресенье
луна	Марс	Меркурий	Юпитер	Венера	Сатурн	солнце
-	огонь	вода	дерево	золото	земля	-

руются с водой, тигр и кролик — с деревом, змея и лошадь — с огнем, обезьяна и петух — с золотом, корова, дракон, овца и собака — с землей.

В Японии *дзюккан-дзюниси* использовался не только для указания лет, но и месяцев, дней, времени суток, сторон света. Знаки зодиака применялись для обозначения часов в сутках — 12 промежутков по 2 часа, каждому из которых соответствовал свой знак, или «страж». Каждому промежутку приписывались определенные характеристики («успех», «достижение», «беспорядок» и т.д.). «Эта система, использовавшая также данные о времени рождения того или иного человека, широко применялись в гадании. «Стражи», расписанные по кругу («по циферблату»), служили также для обозначения направлений. Например, «мышь», соответствуя «страже» «полночь», была также указателем северного направления» [4, с. 15]. Можно сказать, что из этого вырос культ *Хбидзин* (方位神), богов направления, которые, согласно представлениям *го-гё̄*, могут оказывать влияние на судьбу человека [8].

Сейчас система летоисчисления *дзюккан-дзюниси* практически забыта и находит свое отражение лишь в сохранившихся традициях и поверьях. Так, шестидесятилетие, как полный цикл, считается главным юбилеем японца. В качестве другого примера влияния *дзюккан-дзюниси* на повседневную жизнь можно привести падение рождаемости в 1966 г., вошедшее в историю как Хиноэ-ума (丙馬, огненная лошадь). Оба иероглифа, обозначающие 43-й год 60-лесятилетнего цикла, причисляют к стихии огня. Поэтому считается, что женщина, родившаяся в такой год, слишком агрессивна и приносит мужу несчастья, сокращая его жизнь. В результате, поскольку предугадать пол ребенка заранее невозможно, в 1966-м году под влиянием суеверий многие японцы отказались продолжать свой род, желая своим будущим дочерям лучшей судьбы [11].

Важнейшая роль в календаре отводится неделе — повторяющемуся циклу дней. Современные названия дней недели — 月曜日 (*гэцуё: би* — понедельник), 火曜日 (*каё: би* — вторник), 水曜日 (*суйё: би* — среда), 木曜日 (*мокуё: би* — четверг), 金曜日 (*киньё: би* — пятница), 土曜日 (*доё: би* — суббота) и 日曜日(*нитиё: би* — воскресенье) — проникли в Японию в VIII веке. Однако в то время они не обозначали непосредственно дни недели, а были элементами календаря, использовавшегося для гаданий. Такой календарь возник в Китае и назывался *сити-ё̄* (七曜, т.е. «семидневка»).

Сити-ё̄ также испытал на себе влияние *го-гё̄*. Считается, что каждый из пяти элементов природы связан с движением соответствующих им планет: Юпитера, Марса, Сатурна, Венеры и Меркурия. При изобретении календаря *сити-ё̄*, к пяти планетам добавили солнце и луну. Так, каждый день недели стал соотноситься с определенным небесным телом и элементом стихии (таблица 3).

Древнейшая дошедшая до нас рукопись с использованием *сити-ё̄* (дневник Фудзивара Митинага) относится к X веку. С XII века выстроилась современная очередность дней недели, однако, повсеместно *сити-ё̄* используется с XVII века и до сегодняшнего дня.

Самым же распространенным календарем, используемым для гаданий в современной Японии, является шестидневный цикл *року-ё̄* (六曜, «шестидневка»).

Зародившись в Древнем Китае, *року-ё̄* пришел в Японию в XIV веке. Тогда он применялся, в первую очередь, не для деления недели на дни, а для дробления суток на удачные или неудачные временные промежутки. В середине XIX века *року-ё̄* начали использовать в его современном виде. С того момента он стал тесно связан с бытом народа, поверьями и приметами.

Сэнсё (先勝, «*сэн*» — «впереди», «*сё*» — «победа»): удачный день для решения дел, которые не терпят отлагательств. Нужно торопиться осуществить свои замыслы, т.к. вторая половина дня неудачна.

Томобики (友引, «томо» — «друг» и «хику» — «тянуть»): утро и вечер — хорошее время для всех начинаний. Однако полдень несет неприятности.

Сэмбу (先負, «сэн» — «впереди», «бу» — «поражение»): день, когда лучше сидеть дома и не принимать поспешных решений. После полудня — очень хорошее время.

Буцумэцу (仏滅, «буцу» — «Будда», «мэцу» — «распадаться»): очень плохой день. Нельзя начинать новых дела. Если заболеть в буцумэцу, болезнь будет длиться долго. Похороны и юридические операции не проводятся.

Тайан (大安, «тай» — «большой», «ан» — «покой»): лучший день в неделе. Все начинания принесут удачу и успех.

Сякку (赤口, «сяку» — «красный», «ку» — «рот»): плохой день. Только полуденное время может принести удачу. Следует остерегаться огня и лезвий.

Упоминание времени суток в толкованиях дней *року-ё̄* проистекает из традиции почасового календаря в соответствии с зодиакальными символами.

Очередность дней в *року-ё̄* определяется лунным календарем. 1 января и 1 июля по лунному календарю (то есть дни первого и шестого новолуний года) обязательно приходятся на *сэнсё*. Следовательно, 2 января и 2 июля будет *томобики*, 3 января и 3 июля — *сэнбу* и т.д. С наступлением нового месяца меняется точка отчета: 1 февраля и 1 августа приходятся на *томобики*; 1 марта и 1 сентября — на *сэнбу* и т.д.

Календарь *року-ё̄* оставил в народных поверьях яркий след. Так, считается, что на *томобики* лучше не назначать похороны. Буквальное значение иероглифов в этом слове — «тянуть друга». Похороны в такой день, по древним представлениям, принесут новую беду. Свадьбы играют чаще всего в *тайан*. На *буцумэцу* свадьбы, как правило, не назначаются.

Сегодня в Японии используются европейский григорианский календарь и недельная седмица, однако, в народной памяти, в поверьях, загадках, гаданиях по-прежнему сильны традиции лунно-солнечного календаря и средневековой цикличности дней. О силе традиции говорит хотя бы тот факт, что в словаре пословиц и поговорок мы не найдем ни одной пословицы или поговорки о современных днях недели. Многие праздники современной Японии отмечаются в строгом соответствии с древними (в том числе календарными) традициями.

Японская календарная система особенно интересна тем, что она не просто приняла наследие Китая, но и трансформировала, обогатила его, создав один из совершеннейших календарей на собственной почве. Календарная символика — это не слепое поклонение судьбе, а назидательный урок и бесценный опыт, который продолжает передаваться из поколения в поколение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базюлькина О. Д. Японские календарные системы и традиционные праздники мацури / Молодой ученый. 2012. № 10. С. 410–413.
2. «Ва но коёми» кара миэтэкуру нихондзин но сикитари то фу: сю: (Японские ритуалы и обычаи, происходящие из «Японского календаря»)/ Токио: Кавадэ Сёбо: Синся. 2010. 224 с.
3. Иикура Харутакэ. Нихондзин но сикитари — сё: гацу, гё: дзи, мамэмаки, тайан китидзицу, якудоси…ни комэрарэта тиэ то кокоро (Мудрость и сердце в японских ритуалах — новогодние церемонии, разбрасывание бобов, удачные дни, плохие годы и т.д.) / Токио: Сюббанся. 2007. 200 с.
4. История Японии / Под ред. А. Е. Жукова.— М.: Институт востоковедения РАН, 1998.— Т. 1. С древнейших времён до 1968 г.— 659 с.
5. История Японии: Учебник для студентов вузов / Под ред. Д. В. Стрельцова.— 2-е изд., испр. и доп.— М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018.— 592 с.
6. Календарь [Электронный ресурс] / Большой Энциклопедический словарь. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/144946 (дата обращения: 24.9.2019)
7. Маркарьян С. Б., Молодякова Э. В. Праздники в Японии обычаи, обряды, социальные функции/ М.: Наука, 1990.
8. Нихон но коёми (японский календарь) [Электронный ресурс]/ National Diet Library, Japan. URL: https://www.ndl.go.jp/koyomi/index.html (дата обращения: 24.9.2019)
9. Син гэнго ва «рэйва» камбо: тё: кан га ко: хё: (Генеральный секретарь Кабинета министров Японии объявил название новой эры «Рэйва») [Электронный ресурс] / Нихон кэйдзай симбун (Японская экономическая газета). URL: https://www.nikkei.com/article/DGXMZO43166560R00C19A4000000/ (дата обращения: 24.9.2019)
10. Синмэйкай кодзи котовадза дзитэн дайнихан (Новый толковый словарь этимологии пословиц, 2-е издание) / Токио: Сансэйдо: хэйсю: дзё. 2016. 864 с.
11. Akabayashi, Hideo. "Who suffered from the superstition in the marriage market? The case of Hinoeuma in Japan." (2006) [Электронный ресурс] / URL: http://www.cirje.e.u-tokyo.ac.jp/research/workshops/micro/documents/micro0717.pdf (дата обращения: 16.9.2019)

© Воркина Ксения Сергеевна (ksenya_japan@mail.ru),
Кодама Наоко (nkodama@mail.ru), Саркисова Дарья Алексеевна (sarkisovadaria@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОМЫСЛОВАЯ КУЛЬТУРА НАРОДА САХА В СИСТЕМЕ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ ОХОТНИЧЬИХ КУЛЬТОВ

COMMERCIAL CULTURE OF THE SAKHA PEOPLE IN THE SYSTEM OF THE TURKO-MONGOL HUNTING CULT

L. Efimova
N. Shkurko
N. Afanasev
V. Antonova
I. Baishev
S. Protopopov

Summary. The article is devoted to the study of traditional rites of the commercial culture of the Sakha people, which has a number of typical similarities with the rituals of the hunting practice of the Turkic-Mongolian peoples of Siberia. The authors give the names of mythological host spirits and analyze hunting rites, including their verbal part — taboo vocabulary. To do this, the article analyzes the names of mythological host spirits and presents a concise description of the hunting and hunting rituals, including their verbal part — taboo vocabulary (ritual texts). In the traditions of the archaic cult of the worship of the bear among the Sakha people, the participation of adolescents in a bear hunt is the main component of initiation.

Keywords: commercial cult, archaic vocabulary, taboo, ritual poetry of the Turkic-Mongolian peoples of Russia, bear cult, Sakha people, sacred rituals.

Ефимова Людмила Степановна
Д.филол.н., Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск
Ludmilaxoco@mail.ru
Шкурко Наталья Сергеевна
К.ф.н., доцент, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск
shkurko@mail.ru
Афанасьев Ньургун Вячеславович
К.филол.н., доцент, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск
n.v.afanasev@mail.ru
Антонова Венера Николаевна
К.п.н., доцент, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск
antonova.venerochka@mail.ru
Баишев Иннокентий Игнатьевич
К.п.н., доцент, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск
ii.baishev@s-vfu.ru
Протопопов Семен Семёнович
К.культурологии, доцент, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск
ssprotopopov@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению традиционных обрядов промысловой культуры народа саха, имеющей ряд типических схождений с ритуалами охотничьей практики тюрко-монгольских народов Сибири. Авторы приводят имена мифологических духов-хозяев и анализируют охотничьи обряды, включая их вербальную часть — табуированную лексику. Для этого в статье проведен анализ имен мифологических духов-хозяев и представлена сжатая характеристика охотничье-промысловых ритуалов, включая их вербальную часть — табуированная лексика (обрядовые тексты). В традициях архаичного курса поклонения медведю у народа саха участие подростков в охоте, медвежьей выступает значимым компонентом инициационного комплекса.

Ключевые слова: промысловый культ, архаическая лексика, табу, обрядовая поэзия тюрко-монгольских народов России, медвежий культ, народ саха, сакральные ритуалы.

Культы поклонения

Охотничьи культы — это многогранный культурологический феномен, оставивший значительный след в истории всех народов. Если охотничью культура авторы трактуют как совокупность достижений человечества в области охотничьего промысла и всего того опыта, который был накоплен за время существования и активности человека-охотника, то промысловую культуру следует дифференцировать более узко, как правильное осуществление процесса охоты, включающего в себя осуществление подготовительных мероприятий, выслеживание, преследование, добычу зверя и обработку трофея или другой охотничьей продукции.

Процесс охоты трактовался в мифологизированном сознании предков тюрко-монгольских народов Сибири

Таблица 1

Алас, алас, алас! *Одус биишту От-эне,* *кырык башту кыс-эне,* *Чийди болзо, быжырган,* *Тоңды болзо, ээриткең,* *Ада болуп айлана түш,* *Эне болуп ээлип түш!* *Алкыш-быйан беригер!* *Ак Дьайык азык-түлүк персин!* *Алтайга чыккайзым —* *Казык персин!* *Агын сууды кечкезин –* *Кечү перзин!*	*Алас, алас, алас!* *Тридцатиголовая Огонь-мать,* *Сорокаголовая девушка-мать,* *Сырое — сваришь,* *Мёрзлое —* *Отцом моим, обходя спустись,* *Матерью моей, овладевая спустись!* *Благословение отдавай!* *Ак Дьайык пищу-мясо подаст,* *На Алтай пришёл –* *Обряд казык подаст!* *Течение воды перейти –* *Переправу подаст!* [4, с. 100]

Таблица 2

Хада гэшхэхэ гэжэ *Халюу гэшхэжэ яба,* *Бута гэшхэхэ гэжэ* *Булга гэшхэжэ яба.* *Ая зөөлэн, ашаа хүндэ ябаггы,* *Боошхоор дүүрэн оомольтой…,*	*Вместо горки* *На выдру наступай,* *Вместо кочки* *На соболя наступай.* *Пусть будет у вас мягок путь и тяжел воз,* *Пусть добыча у вас будет богатая… [6, с. 151]*

как обмен дарами, в котором равноценными партнерами выступали человек и природа. Отсюда значительное число типических схождений, связанное с представлениями об харыстаах кыыллар — *оберегаемых зверях*, на которых в определенное время года ограничивались сроки охоты (лось, благородный олень, горный баран, заяц, боровая дичь, все пушные), с практикой проведения охотничьих обрядов для инициации молодежи. По мнению С.Г. Жамбаловой, первое участие молодого человека в охоте маркировало его переход в категорию взрослых мужчин и входило в инициационный комплекс. В результате этого мальчики проходили обряд посвящения в охотники [17, с. 107].

Так, подготовительная часть к охоте у алтайцев, у тувинцев, у хакасов, бурят и якутов начиналась с обряда очищения. Обряд очищения алтайцев выражался в лексике *алкышов*, адресанты провозглашали «Алас, алас, алас!», что знаменовало начало обрядовых действий очищения. Народы Алтая, как и якуты, после обряда освящения, обращались к духу-хозяину огня «*Одус биишту От-эне, кырык башту кыс-эне*» (таблица 1).

Во время обряда почитания и угощения огня все монголоязычные народы произносили благопожелания, в которых вслух перечисляли все, что преподносили духу огня для передачи своих прошений могущественным духам и божествам [5, с. 9].

У хакасов «охотничий промысел сопровождался от начала до конца обрядами почитания горных духов — *таг ээзи*» [6, с. 11]. Обряд встречи убитого пушного зверя с почестями описан у бурят и якутов. Так, старейшими бурятскими охотниками, чтобы «охота была удачной, совершались различные обряды, дополненные общими юроолами, в которых звучали пожелания богатой добычи: «*Ая зөөлэн, ашаа хүндэ ябаггы, Боошхоор дүүрэн оомольтой* (Пусть будет у вас мягок путь и тяжел воз, Пусть добыча у вас будет богатая)» (таблица 2) [6, с. 150].

По традиционным представлениям тюрко-монгольских народов Сибири духи-хозяева охотничьих угодий любили слушать в хорошем исполнении песни, сказки, предания, отрывки эпических сказаний. Адресанты при проведении обрядов обязательно угощали духа-хозяина тайги: алтайцы вешали жертвенные полоски — *джаламу*, тувинцы преподносили *чаламу*, а якуты приносили в подарок священную веревку, сплетенную из конского волоса — *саламу* — и праздничную пищу.

Рассмотрим более подробно технику исполнения данного обряда угощения в традициях народа саха. Обряд угощения духа — хозяина охоты выполнялся в лесу или в доме. Изготовлялись атрибуты: салама — 2–3метровая волосяная веревка, в 7–9 местах (нечетное количество) украшенная перьями совы или лоскутками материи, 7–9 кусками заячьей шкуры или беличьих хвостов и деревянными макетами охотничьих снастей. Если

обряд проводился в доме (на зимовке), мастерился деревянный идол-*эһэкээн* — высотой 30–40 см, которого одевали в заячью шкуру. В качестве угощения предлагались: молочная пища-*суораттаах тума*, каша–*саламат* из заваренной в кипящей сметане муки, куски внутреннего жира коровы, топленое масло и др.

Салама вешали на двух и деревьях чуть выше уровня плеч человека на видном месте. Затем угощали жиром изображение духа-хозяина охоты и произносили алгыс — благопожелание с восхвалением и обещанием дара. Угощение — своеобразный аванс за будущую удачу на охоте — проносилось через огонь или просто разбрасывалось на четыре стороны.

Образ духа-хозяина тайги присутствует в мифологии всех тюрко-монгольских народов Сибири. У алтайских охотников его называли *Агаш ээзи*, у теленгитов он имел собственное имя *Санай*, у тубаларов — *Саныр*, у кумандийцев — *Шалыг, у хакасов — Агас ээзи («лесной хозяин»)*. В обрядовой поэзии тувинцев *дух тайги* не персонифицирован, что Н. А. Алексеев констатировал в ходе полевых изысканий: «нет главного духа-хозяина тайги» [8, с. 280]. Буряты обращались к хозяину тайги как к *Баяну Хангай бабай* [9, с. 15].

В якутской мифологии полное имя духа-хозяина тайги звучит как *Баай Байанай Барыылаах тойон*. При рассмотрении этимологии данного имени Э. К. Пекарский, Г. В. Попов разделяли мнение академика В. В. Радлова, сравнившего якут. *Байанай* с алт. *пайана* от *пай «*богатый» + *ана* « мать» [12, с. 62]. Но первое предположение о связи якутского *Байаная* с алтайскими божествами сделал С. В. Ястремский, полагавший, что «бог охоты назван *Байанай* — как раз тем именем, которое встречается среди названий божества среди алтайских тюрков» [13, с. 196]. Позднее Г. У. Эргис выводил *Бай-байан* в значении «богатый, богатство», указывая, что образ, вынесенным древними якутами из первоначальной родины, был сохранен и развит на Лене и на Вилюе [14, с. 125].

Духу-хозяин якутской тайги имел множество обликов, в которых отразились представления разнородных и разноязычных потомков якутских родов, расселившихся в трех долинах северных рек. В юго-западных районах Якутии Байоная представляли, как «тунгусообразного бородатого, обросшего седыми или рыжими, иногда черными волосам старика», в Центральной Якутии и в группе западных районов — это «очень веселый шумливый старик, обросший седыми волосами и седой бородой», «великан преклонных лет в дохе, в костюме охотника, он очень добрый и великодушный, выручает людей от голодной смерти». и на Северо-Западе Баай Байанай — веселый старик с внешностью таежного охотника. Вилюйские якуты почитали его в облике огромного медведя и обращались к нему *Эһэкээн* или *Сээркээн Сэһэн*.

Якуты полагали, что у духа-хозяина тайги имеется много братьев. В обращениях алгысов охотники упоминали такие имена духов-хозяев, как: *Баай Барыылаах Баай Байанай, Эрбэс Боотур, Өндөлүкү Бөкөөнөй, Элип Хандаҕай, Кураҕаччы Сүүрүк, Куралай Бэргэн*, каждый из которых был наделен специальными эпитетами. Имеющиеся материалы обрядовой поэзии подтверждают, что духов-хозяев тайги было несколько, но главенство среди них принадлежит Баай Барыылааху Байанаю.

В алгысах охотники просили хозяев тайги и леса сопутствовать промыслу, помочь в охоте. В просительной части *алгысов* четко прослеживается иносказательный характер охотничьих обрядов. Охотники пользовались табуированной лексикой, отличащей метафоричностью. Например, просили пригнать *үрүҥ-хара түүлээххин* букв. « бело-чёрного пушистого» (т.е. пушных зверей), *адаар (эргэнэ) муостаахххын «*развилисторогатого», *атырдьах атахтаахххын «*виланогатых», *бодоҥноох тобуктаахххыь «*выпуклоколенных», *дьороҕоно сотолооххун «*длинноголенных» — т.е. лосей, оленей.

Табуированная лексика была характерна и для тюркских охотников. У хакасов возник обычай «хазынас» или «хазындас» (по-алтайски «кайындаш»), запрещающий называть вещи своими именами для того, чтобы уважать хозяев тайги как старших родственников и чтобы они не понимали смысл разговора [6, с. 11]. Тувинский охотник также просил *дазыл дег мыйыстыындан «*из имеющих, как корень, (разлапистые) панты», *дазагар эмиглиинден «*из имеющих (большое) вымя, с раскоряченными ногами», *соп чиир чилиглиинден* «из имеющих костный мозг», *сорулаар чаглыындан «*из имеющих (много) жирного мяса» [15, с. 60].

В промысловых обрядах тюрко-монгольских народов Сибири имеется ряд общих черты: очищение участников и их оружия, угощение духов-хозяев вкусной едой, умелое исполнение для них хороших песен, сказок, преданий или отрывкой эпоса (кая или хая).

Так, в якутских алгысах дух-хозяин тайги *Баай Барыылаах тойон* персонифицирован, имеет богатую эпитетацию. Охотники обращались к нему, наделяя его эпитетами: *байдам тутуу, барылы кэскил, баттах сарын*. Просительная часть жанров обрядовой поэзии тувинцев и якутов отличалась табуированной лексикой. А обряды встречи убитого пушного зверя с почестями, с соответствующими благопожеланиями были характерны только у бурят и у якутов.

Таблица 3

Тойон эһэм, *Эн итии суолгун ирдээбэтэҕим, Тоҥ суолгун тордооботоҕум,* *Кэтит суолгун кэспэтэҕим, Уһун суолгун оймооботоҕум* *Тойон эһэ (хотун эһэ), Кэтит суолгун кэспэтэҕим, Уһун суолгун оймооботоҕум* *Удьуорум туххары* *Уорда намырай!* *Туун тулаайахпын,* *мунүр муҥнаахпын,* *Такыр таҥнаахпын, Хат тыанан, хаптаһын быстыаҕынан* *халбарыйыаххын,* *Уллуҥах устата уларыйыаххын, Сыалыһар балык быарын быарданыаххын,* *Үүс-киис түүтүн* *түүлэниэххин төһөлөөх буолуой?* *Тойон эһэм,* *туохха миэхэ туулаатыҥ?* *Өбүгэм үйэтиттэн ыла бэйэм үйэбэр диэри* *Эһиги тоҥ суолгутун* *тобулбут буруйбут суоҕа, Ириэнэх суолгутун ирдиэбит айыыбыт суоҕа, Кэтит суолгутугар кэнчиэлээри* *кэнтик кэбиспиппит суоҕа,* *Уһун суолгутугар* *оһоллоору уоттаах сааны утары туппуппут суоҕа,* *Барар сиргитигэр бааһырдаары* *бадаар быраҕыппыт суоҕа, Күөдүлгэхтиир сиргитигэр* *күнтэн сүтэрээри күлүмэн* *охсубуппут суоҕа,* *Арҕаххыт айаҕын* *атыллаабыт аньыыбыт суоҕа,*	*Господин дедушка,* *Твой широкий путь я не топтал,* *По твоему длинному пути не бродил ни я, ни мои предки,* *На широкий след не наступал,* *Длинный след не нарушал* *Господин дедушка мой (госпожа моя),* *На широкий след не наступал, длинный след не нарушал* *В продолжающемся своем роде* *Смягчи свой гнев!* *я — круглый сирота,* *я — совсем несчастный,* *я — горемычный!* *О, если бы ты в глубь леса, как сквозь щель между досками, отодвинулся,* *На ширину подошвы отстранился, Подобно печени Налима смягчился,* *уподобился (нежному)* *пуху соболя!* *Господин дедушка мой,* *чему мне обратиться?* *С предков наших* *до моих дней* *Ваши остывшие следы искать, не имели вины,* *теплые следы наследить, не имели грехов,* *Широким вашим следам, чтобы нацелить на вас, не оставляли палочку,* *Долгим вашим следам, чтобы убивать вас, не держали огненного ружья,* *Вашему пути, чтобы вас ранить, острогу не оставляли,* *Вашим просторам, чтобы уничтожить вас, ловушку не сооружали,* *Берлогу вашу прошагать, не имеем грехов,*
Хата, тойон эһэм, *мин ааттаһыыбын истэн аһын,*	*Ну-ка, господин мой,* *услышь мои моления,*
Сыралҕаннаах сытыы *болот сырайыҥ сылаанньыйдын,* *Уллуҥах устата* *уларыйан көр,* *Хардаҕас устата халбарыйан* *абыраа!*	*Грозное лицо твоё усмирится,* *На ширину подошвы отстраниться попрошу,* *На ширину щели уходив,* *спаси!* [16, с. 53–55]

Медвежий культ

В исследованиях охотничьих культов значимое место — по степени сакральности и социального статуса — имеют обряды, связанные с медведем. Культу этого могучего обитателя всей таежно-тундровой и горно-таежной полосы Сибири, посвящена довольно обширная литература, как классическая (Г. М. Василевич, И. А. Худяков, В. М. Ионов, А. Е. Кулаковский, В. Л. Серошевский, М. В. Ядринцев), так и современная (Н. А. Алексеев, Л. С. Ефимова, В. В. Илларионов, К. Д. Уткин, И. С. Цыренова).

В отличие от большинства тюрко-монгольских племен Сибири, тех же тунгусов или шорцев, у мужчин народа саха охота на медведя была своеобразным видом экстремального спорта, к участию в которой допускался не каждый состоявшийся охотник. По отношению к будущему объекту охоты не никогда не говорили прямо «медведь», а пользовались иносказаниями тыа тойоно –«лесной господин», кырдьа5ас — «старик» и др. Руководитель медвежьей охоты — эсэхит — отбирал себе учеников не только физически сильных, но наделенных достаточной нервной закалкой и хладнокровием. Высоко ценились быстрота реакций, ловкость и находчивость. Еще одно отличие якутского варианта охоты от тунгусского — медведя добывали в берлоге [3, с. 16].

В обстановке полной секретности все участники собирались в жилище руководителя охоты и, молча, двигались к берлоге, неся на плечах заготовленные жердяные затычки. Подойдя, руководитель спешил засунуть в устье берлоги все подаваемые по эстафете затычки и только тогда приступал к пробуждению спящего медведя (Этого требовал охотничий кодекс — сражаться с готовым к бою противником. Также существовало поверие, что надо разбудить убиваемого медведя, чтобы потом души убитых медведей не нападали на участников охоты во время ночного сна, когда те будут беспомощными).

Алгыс пробуждения медведя

Таблица 3. В проснувшегося медведя стреляли по очереди. До массового применения огнестрельного оружия, медведя умерщвляли ударами копья-пальмы, что было намного сложнее и опасней из-за отчаянной самозащиты хозяина берлоги. Если медведю удавалось вырваться из берлоги, на него пускали опытных собак-медвежатниц, разрезав веревочную привязь ударом охотничьего ножа (на облаву брали не менее двух якутских лаек-медвежатниц. Специально выдрессированные лайки погибали только из-за глубины снега, малочисленности стаи и неразрезанной привязи на шее).

Спускаться в берлогу за убитым зверем назначался самый младший по возрасту из участвующих впервые на облаве — древняя этнопедагогическая традиция проверка качества воспитания храбрости и хладнокровия у инициирующегося в мир взрослых профессионалов. Подобное испытание в свое время проходили все участники облавы.

Сразив медведя, охотники придавали туше вид спящего человека, разводили неподалеку костер и — после угощения огня — приступали к свежеванию, приговаривая: «Вспотел старик, надо бы раздеть». Перед разделкой туши опытные охотники заставляли молодых членов охотничьей «команды», ранее не участвовавших в медвежьей охоте, совершить ритуал инициации — отведать еще теплую кровь зверя, становясь новым членом братства медвежьих охотников (следовало обмакнуть палец в рану и слизать с него кровь).

Процессе свежевания сопровождался имитацией участниками вороньего крика: «Хаах! Хаах!», чтобы душа медведя поверила, что убийство было совершено не людьми, а воронами. Данный обряд, очевидно, связан с поверьем о происхождении медведя от женщины; поэтому зверь отнесен в разряд оберегаемых зверей, душами-кут которых ведает дух — хозяин охоты Баай Байанай.

Таким образом, в промысловых обрядах тюрко-монгольских народов Сибири имеется ряд общих черты: очищение огнем участников и их оружия, обряды почитания духов-хозяев тайги и гор, угощение духов-хозяев ритуальной едой, умелое исполнение для них песен, сказок, преданий или отрывков эпических сказаний.

Просительная часть обрядовой поэзии тувинцев и якутов была насыщена табуированной лексикой. Обряды встречи убитого пушного зверя с почестями, с соответствующими благопожеланиями были характерны только для охотничьих ритуалов бурят и якутов.

У народа саха особое место — по степени сакральности и социального статуса — отводилось обрядам, связанным с архаичным культом медведем. Якутские фольклористы и культурологи трактуют медвежью охоту и как своеобразный вид экстремального спорта, к участию в котором допускались избранные охотники — своеобразная элита мастеров промысла, и как ритуал инициации перспективных юношей, вступающих в мужское сообщество.

Сопровождаемая молениями духу тайги, ритуалами и сакральными алгысами, медвежья охота по-якутски требовала от участников храбрости, мужества, хладнокровия, так как проходила в берлоге, в тесном пространстве которой зверь имел преимущества в защите.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батоева Д. Б. Обряды в традиционной культуре бурят / Д. Б. Батоева, Г. Р. Галданова, Д. А. Николаева. М.: Наука, 2002. 220 с.
2. Серошевский В. Л. Якуты. Опыт этнографического исследования / В. Л. Серошевский. Якутск, Бичик, 1993. С. 284–292.
3. Цыренова И. С. Медведь в традиционной культуре бурят: Историко-генетические и культурно-семантические аспекты: автореферат дис. … кандидата исторических наук: 07.00.07 / Цыренова Ирина Станиславовна; [Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН]. Улан-Удэ, 2005. 20 с.
4. Алтай алкыштар. Алтайские благопожелания / Сост. К. Е. Укачина, Е. Е. Ямаева. Горно-Алтайск: Изд-во «Ак Чечек», 1993. 114 с.
5. Афанасьев Н. В. Мифологический образ духа огня в фольклоре якутов: типология, функции, лексический код: автореферат дис. … кандидата филологических наук: 10.01.09 / Афанасьев Ньургун Вячеславович; [Место защиты: Адыг. гос. ун-т]. Майкоп, 2017. 22 с.
6. Бутанаев В. Я. Архаические обычаи и обряды саянских тюрков / В. Я. Бутанаев, Ч. В. Монгуш. Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2005. 200 с.
7. Бардаханова С. С. Малые жанры бурятского фольклора. Пословицы, загадки, благопожелания. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1982. 208 с.
8. Алексеев Н. А. Этнография и фольклор народов Сибири. Новосибирск: Наука, 2008. 494 с.
9. Дампилова Л. С. Шаманские песнопения бурят: символика и поэтика. Автореф. дисс… на соискание ученой степени доктора филол. наук (На правах рукописи). Улан-Удэ, 2005. 43 с.
10. Алексеев Н. А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX — нач. XX в.в. Новосибирск: Наука, 1975. 198 с.
11. Колодезников С. К. Обряды и представления якутов, связанные с охотой // Илин, 1991. № 2. С. 20–21.
12. Попов Г.В. К этимологии некоторых имен божеств якутской мифологии // Фольклор и современная культура: сборник научных материалов. Якутск: изд-во ЯНЦ СО РАН, 1991. С. 62–65.
13. Ястремский С. В. Образцы народной литературы якутов. Том VII. Л.: АН СССР, 1929. 226 с.
14. Эргис Г. У. Очерки по якутскому фольклору. М.: Издательство «Наука», 1974. 402 с.
15. Юша, Ж. М. Обрядовая поэзия тувинцев: структура и семантика. Новосибирск: ООО «Апельсин», 2009. 166 с.
16. Ионов В. М. Медведь по воззрениям якутов // Живая старина. 1915. Прил. 3. С. 53–55.
17. Жамбалова С. Г. Традиционная охота бурят. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 174 с.

© Ефимова Людмила Степановна (Ludmilaxoco@mail.ru), Шкурко Наталья Сергеевна (shkurko@mail.ru),
Афанасьев Ньургун Вячеславович (n.v.afanasev@mail.ru), Антонова Венера Николаевна (antonova.venerochka@mail.ru),
Баишев Иннокентий Игнатьевич (ii.baishev@s-vfu.ru), Протопопов Семен Семёнович (ssprotopopov@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Северо-восточный федеральный университет им М. К. Аммосова

ИЗОБРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРЫ И СИМВОЛИКИ ТИБЕТА В МАСЛЯНОЙ ЖИВОПИСИ КИТАЯ

IMAGE OF THE CULTURE AND SYMBOLISM OF TIBET IN CHINA OIL PAINTING

Li Mengdie

Summary. The cultural traditions of Tibet and China are an important symbol of the differences between countries expressed by artists in oil painting. Thanks to the efforts of Chinese masters from generation to generation, Chinese oil paintings have gradually formed their own language of painting. This phenomenon is worthy of attention from art critics.

The relevance of the topic today is the need to analyze the symbols of Tibet, the specifics of their understanding and presentation in oil painting by Chinese artists. The theme of Tibet in the fine arts remains unstudied and attracts the attention of representatives of a new generation of Chinese artists.

Keywords: Tibet, China, culture, artist, art, nation, traditions, oil painting, color, symbolism.

Ли Мэнде
Аспирант, Дальневосточный федеральный университет
663038125@qq.com

Аннотация. Культурные традиции Тибета и Китая — это важный символ различия между странами, выраженные художниками в масляной живописи. Благодаря усилиям китайских мастеров из поколения в поколение китайские картины маслом постепенно сформировали свой собственный язык живописи. Это явление достойно внимания со стороны искусствоведов.

Актуальность темы заключается в необходимости анализа символов Тибета, специфики их осмысления и презентации в масляной живописи китайскими художниками. Тема Тибета в изобразительном искусстве остается до конца не изученной и привлекает к себе внимание представителей нового поколения китайских художников.

Ключевые слова: Тибет, Китай, культура, художник, искусство, нация, традиции, живопись маслом, цвет, символика.

В современном китайском искусстве существует много работ, концепция и эстетика которых затрагивают сердце зрителя. Основная причина такого явления заключается в том, что китайские художники обладают превосходными художественными навыками и уникальным творческим мировоззрением. Дополнительная ценность их творений аргументируется тем, что они содержат в себе элементы национальной культуры и истории. Именно в этом заключается очарование китайской живописи, показывающей красоту восточного изобразительного искусства и культуры.

В Китае существует тысячелетняя традиционная культура, которая глубоко затрагивает каждого местного жителя. Поэтому и художники по-своему выражают личные чувства к Родине и нации. Китайская культура — одна из древнейших на планете [1, с. 5]. Как сказал Лу Синь: «Есть местные неповторимые особенности, которые с большей вероятностью станут известны всему миру» [2, с. 81]. Из обозначенного видно, что и уникальный стиль живописи китайской нации также имеет большое значение.

Известные китайские художник и теоретик искусства Лин Фэнмянь и Донг Сивен выступали за изучение и утверждение западных техник живописи, а также за интеграцию западного живописного искусства с китайскими традициями. Неоспоримым остается и тот факт, что они внесли положительный вклад в развитие китайской масляной живописи для национализации.

Тибетская культура в Китае и китайской живописи является самой популярной из-за ее символических, таинственных цветов и интересной истории. В китайской живописи уже сформировался уникальный этнический стиль, связанный с Тибетом. Существует ряд специфических причины, по которым художники решили рисовать Тибет, и их можно обозначить следующим образом: 1) художник любит гуманитарные науки Тибета; 2) обычаи Тибета более эмоциональны и религиозны; 3) уникальность и красота одежды Тибета.

Применение китайских традиционных культурных элементов в изобразительном творчестве является проявлением национальных особенностей, например, тибетская тематика в живописи Китая. Известными сегодня являются такие китайские живописцы, воспевшие тибетскую культуру и историю, как Чжан Ли («Ганнаньские тибетские женщины на фестивале»); Юй Сяодун («Праздник лампад»); Хань Лежан («Перед гонкой»); Пань Шисюнь («Жаксиделе»); Дун Сивэнь («Коллекция Цинфэн Праздник Ванго»); Ай Саинь («Ветер дул

нежно»); Энь Гуаньчжи («Конференция Фа Маулум»); Пэй Чжуан Синь («Храм»); Хань Юйчэнь («Сила веры»). Все они содержат культурные элементы и символику Тибета.

Изображенные художниками люди одеты в одежду с национальными символами Тибета (Цима, молитвенные флаги, масляные лампы, серьги, украшения, головные уборы, украшения на талии, украшения на спине, узоры и т. д). Акцент в картинах поставлен на культурные детали с символикой цветов этнического стиля искусства.

Все это дает возможность увидеть, что китайская национальная культура может в определенном смысле поддерживать тесную связь с созданием масляной живописи. Живопись маслом не может существовать независимо от эстетики и эстетического вкуса, и она нуждается в теоретической поддержке.

Свидетельством уважения и любви китайских живописцев к тематике Тибета стало проведение выставок тибетской живописи. Они регулярно проводились во многих городах Китая в период с 2009 по 2019 года. Так, с 23 по 31 октября 2009 год в Венеции, Италии, и в Миланском дворце Кларичи состоялось «Плато Сноуленд — выставка китайской живописи», на которой представлены 118 картин на тему Тибета, включая гравюры. Масляная живопись, роспись по ткани и китайская живопись. Италия также придает большое значение этой выставке, и 20 итальянских влиятельных СМИ сообщили об этом. Выставка получила высокий рейтинг [3, с. 13–15].

13 июль 2010 г. в Пекинском центре международного культурного обмена прошла выставка «Очаровательный Тибет — первая выставка живописи маслом в Пекине» [4].

В 2011 году заслужили внимание зрителей три важных тибетских национальных художественных выставки. 14 июня 2011 г. художественная выставка, посвященная 60-летию мирного освобождения Тибета, 215 экспонатов, выставленных в Китайском народно-революционном военном музее.

17 сентября 2011 г. состоялась экспозиция «Очаровательный Тибет — выставка современных художников-живописцев». Она проходила в Национальном художественном музее в Пекине [5].

26 октября 2011 года в Пекине был открыт первый художественный конкурс «Хемей Тибет», на котором было представлено более 150 экспонатов и 50 работ, отмеченных наградами (Пекин, Военный музей Пекина). 04 декабрь 2013 г. «Тибетские песни в облаках» — выставка серии культурных тем Тибета, (Пекин, Музей Искусств, Пекин Таймс).

30 мая 2015 года в Художественном музее Феникса в Уси открылась выставка «Любовь к плато — выставка живописи Пан Шиксунь», в которой представлено более 50 картин маслом. С 11 по 14 апреля 2016 г. в Лхасе прошла выставка тибетской тематической картины Хань Юйчэнь. 14 июля 2018 года в Художественном музее была торжественно открыта вторая выставка масляной живописи Ассоциации поощрения художеств китайского меньшинства [6].

5 июля 2019 в Дворце Медичи (Флоренция, Италия) состоялась выставка тибетской живописи китайского художника Хань Юйчэня. На этой выставке было представлено 24 картины маслом тибетской тематики, созданные Хань Юйчэнем. Президент Итальянской академии искусств Cristina Acidini прокомментировала работу Хана Юйчена: «один из самых известных художников в Китае, его тибетские работы позволяют итальянской аудитории лучше понять феномен современного искусства в Китае. Это объективное отражение современного искусства китайской живописи, и оно, безусловно, будет иметь сильное и продолжительное влияние в мире итальянского искусства и т.д.» [7].

Эти важные выставки показывают, что современные картины тибетской живописи являются важным средством связи между Китаем и зарубежными странами. Это выдающиеся показатели региональных характеристик изобразительного искусства. С другой стороны, это также доказало, что картины маслом с тибетской тематикой находятся в центре внимания китайских живописцев.

Хорошо известно, что Тибет всегда был объектом различных исследований в мире. Тибет обладает самыми чистыми, красочными цветами, простыми национальными символами, исключительно красивыми костюмами и незабываемыми пейзажами. Можно сказать, что картины с тибетской тематикой полностью соответствуют теории живописи Платона. Также следует сделать вывод, что картины маслом из Тибета имеют очень хорошие отзывы со стороны теоретиков эстетики и искусства.

Прежде всего, региональная культура Тибета заложила некий теоретический фундамент для создания масляной живописи в Китае, обеспечив хорошие условия для творчества. Уникальная региональная природа Тибета и важная позиция духовной поддержки, которую играет тибетский буддизм, тибетский народ — это нация с духовной коннотацией, которая излучает силу национальной культуры.

Она также существует в тибетских картинах, а душа и уникальный художественный язык этих работ являют-

ся высшей задачей живописи. Художественные особенности и культурная сущность в творчестве, тибетская тема живописи — это слияние инноваций и национального духа в новом поколении.

Тибетская история и культура, обычаи и обычаи и традиционное тибетское искусство являются предметом ресурсов современных и современных китайских художников, привлекая творческую страсть бесчисленных художников. Чувство национальной ответственности в контексте культуры и искусства также активно выражают китайские художники. Благодаря наиболее благоприятным ресурсам Китая, создаются картины. Это связано с практикой продвижения китайской масляной живописи и изучения национального стиля. Это испытание временем и выбор истории и художественной миссии.

Живопись маслом Тибета представляет собой идеальное сочетание человека и природы, сокращает время и пространство, использует форму картины маслом в качестве носителя для сохранения невинного характера тибетской нации и выражает абстрактный духовный мир в конкретной теме живописи. Искусство защищает, публикует и продвигает традиционную культуру китайской нации в интуитивной и яркой форме.

Живопись — это язык мира, и он соединяет мир. В современную эпоху глобализации Тибет также постепенно подвергался влиянию и ассимиляции: жизненные привычки тибетцев, ношение костюмов, а также формы и проекты традиционных фестивалей менялись в разной степени. Менее затронуты только географическое положение и религиозные верования тибетцев. Это также главная причина, почему Тибет все еще может поддерживать свою культурную и духовную ценность.

У Тибета есть много символов, например, цветовая символика, и числовая символика, и узоры, символика в храме, в обрядах семьи, символика в календарных обрядах, каждый из которых делает живопись более интересной. В Тибете символы имеют глубокую связь с религией. «卐, номер символа Вань» (или «卐») и «Десять», «Шесть слов мантры», Фа Лин (колокольчик, Дильбу), Фа ку (барабан, Нга), фа ло（Дункар）, Тонг Цинь （Кангдунг）, Цзя Лин (Зурна), сливочное масло лампа, Четки Будды и так далее.

В этом ключе необходимо вспомнить работы известного китайского современного художника Юй Сяодуна. Он преподавал на художественном факультете Тибетского университета с 1984 по 1997 года, имеет 13-летний опыт работы в Тибете и работает над живописью для Тибета с 1984 года. Художник Юй Сяодун хорошо знал и понимал Тибет. Он видел серьезные изменения в Тибете за последние десятилетия.

Как сказал Юй Сяодун в интервью, «Изменение в самом Тибете является очень хорошей творческой темой: внутренние и внешние явления, древние и современные, восточные и западные, а также тибетско-китайская культуры могут встречаться и сталкиваться» [8, с. 84]. Автор считает, что в Китае современные художники выбирают тибетскую тему по важной причине.

Юй Сяодун — очень хороший художник, работы которого завоевали множество наград, и он часто создает масштабные картины. Например, «Фестиваль фонарей», «Паломники», «Паром» и другие выдающиеся произведения характеризуются захватывающими сценами и множеством персонажей, ярко изображающих выражения и динамику героев. С точки зрения стиля живописи он сочетает в себе классицизм и реализм, чтобы сделать живопись более мощной. Искусство всегда добивалось выявления подлинного и глубокого содержания религиозной основы, акцента на его исторических, социальных, политических аспектах, отражающих сущность действительности [9, с. 19].

В произведениях поклонения Будде и паломничеству главная цель — верующие буддисты, их выражения полны верности Будде, и в глазах видна надежда. Раньше мы говорили, что нет предела искусству и культуре, нет предела убеждениям авторов, они обладают неограниченной силой, воздействуют на сердца верующих и держат в руках культовые объекты буддизма: масляные лампы, поворотные палки, Верующие Розария, они показали особую культурную атмосферу Тибета.

Между тем именно эстетика может стать на данном этапе развития культуры квинтэссенцией её содержания, объединяющим культурологическим стержнем, значимым критерием её развития, ибо культура в узком смысле нередко сводится к культуре художественно-эстетической, как сама эстетика — к философии искусства [10, с. 92].

Искусство оказывается «фрондером социализации», ее испытанием и тестированием в той же степени, что и испытанием возможностей тела, а главное — души [11, с. 22].

Подводя итог, можно сказать, что современная китайская живопись маслом использует «национальную культуру» в качестве отправной точки, искусство в целом для передачи нового феномена живописи традиционной национальной культуры. Поэтому масляная живопись имеет более глубокий смысл. Она играет роль в защите, популяризации и продвижении традиционной китайской культуры. Живопись — это невидимый мост, который позволяет китайскому и зарубежному искусству и культуре общаться, активно продвигать китайскую национальную тему масляной живописи в мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградова Н. А. Искусство Китая / Н. А. Виноградова.— М., 1988.— 250 с.
2. Лу Синь. Полное собрание сочинений.— Том 13.— Издательство: Народная литература, 2005.— 704 с. (《鲁迅全集》第13卷，人民文学出版社2005年版，704页).
3. Выставочный отдел Китайской ассоциации художников «Снежное плато — выставка китайской живописи». Выставочный отдел Ассоциации китайских художников, Италия. Арт. 2010.— № 01.013–015. (中国美术家协会展览部“雪域高原 — 中国绘画作品展”意大利纪行. 美术. 2010 年№ 01.013–015).
4. У Цинлан. «Очаровательный Тибет — первая выставка живописи маслом Пинчжун в Пекине» открылась в Пекине / У Цинлан // Китайская Тибетская сеть [Электронный ресурс].— Режим доступа: http://news.99ys.com/index.php?m=content&c=index&a=app_view&id=45112 (дата обращения — 30. 09.2019) (吴清兰. “魅力西藏 — 首届北京品众油画展”在北京开幕. 中国西藏网 http://news.99ys.com/index.php?m=content&c=index&a=app_view&id=45112 (30. 09.2019))
5. Си Гэ. Китайские и тибетские художники рисуют очаровательный Тибет — выставка шарма и современных масляных художников / Си Гэ. [Электронный ресурс].— Режим доступа: http://www.ctibet.org.cn/xzwh/201404/t20140416_2262322.htm. (дата обращения –30. 09.2019) 囍歌. 汉藏画家绘西藏 — 魅力西藏 • 当代油画家作品展. 中国西藏杂志网. http://www.ctibet.org.cn/xzwh/201404/t20140416_2262322.htm. (дата обращения — 30. 09.2019).
6. Китайское изобразительное искусство 1949–2010 года. Художественные произведения Чжунъи Хуася.— [Электронный ресурс].— Режим доступа: http://m.zgshjysw.org/nd.jsp?id=461. (дата обращения — 08.07.2019) 中国美术1949－2010年大事记. 中艺华夏书画家网http://m.zgshjysw.org/nd.jsp?id=461. (08.07.2019)
7. Ли Шаншань. Выставка тибетской масляной живописи Хань Юйчэнь проходит во дворце Медичи / Ли Шаншань // Народная сеть.— [Электронный ресурс].— Режим доступа: http://art.people.com.cn/n1/2019/0706/c41426–31217864.html (дата обращения — 08.07.2019) (李珊珊. 大美至纯 — 韩玉臣西藏题材油画展在美第奇宫举办. 人民网. http://art.people.com.cn/n1/2019/0706/c41426–31217864.html (8. 07.2019)).
8. Пан Чэнцзе. Уокер души на снежном плато — Интервью с профессором Ю. Сяодуном, директором отдела масляной живописи Академии изящных искусств Тяньцзиня, народное искусство / Пан Чэнцзе, Гуань Тяньци.— 2015.— С. 84–85 (潘呈杰 关天舜. 雪域高原上的灵魂行者 — 专访中国美协理事、天津美院油画系教授于小冬. 人民艺术. 2015年. С. 84–85).
9. Корнышева И. Р. Проблема эстетического познания смысловых акцентов религии и искусства / Корнышева Ирэн Робертовна // Вестник Вятского государственного университета.— 2017.— № 4.— С. 15–20.
10. Выжлецов Г. П. Предмет и начало эстетического знания в истории культуры / Выжлецов Геннадий Павлович // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология.— 2014.— Сер. 17.— Вып. 3.— С. 87–94.
11. Кадырова С. В. SELF- management в сфере культуры и искусства: учебное пособие / С. В. Кадырова, Е. А. Немцева, Г. Л. Тульчинский.— СПб: Издательство: «Лань»; Издательство: «Планета мцзыки», 2013.— 224 с.

© Ли Мэнде (663038125@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Дальневосточный федеральный университет

К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МИФОЛОГЕМЫ «ЖЕРТВА» В СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

THE PROBLEM OF INTERPRETATION OF THE "VICTIM" MYTHOLOGY IN THE MODERN MASS CULTURE: A COMPARATIVE ANALYSIS

Yu. Poleva
I. Sarkisyan

The authors analyses the discourse of myths "victim" in popular culture, folklore and modern postfolklore. Conducts comparative analysis of European and Russian systems of values that have shaped different approaches to the interpretation of the concept of "victim", holds the historical and genetic analysis of the value of self-sacrifice in the Russian national culture. Considers the reasons for the ambivalent reflect the concept of "victim" in contemporary popular culture, it analyzes the impact of globalization on national values and priorities earthen cultural traditions. Poses the problem of the interdependence of categories "freedom" and "responsibility" applies to the concept of "self-sacrifice"

Keywords: postfolklor, internetlor, mythology, ideologem "victim", axiology, the Great Patriotic War, mentality.

Полева Юлия Владимировна
К.и.н., старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Волгоградская государственная академия физической культуры»
poleva_yuliya@mail.ru
Саркисян Ирина Феликсовна
К.ф.н., доцент, ФГБОУ ВО «Волгоградская государственная академия физической культуры»
Domuvokzala57@mail.ru

Аннотация. Авторы рассматривают дискурс мифологемы «жертва» в массовой культуре, современном фольклоре и постфольклоре. Проводят компаративный анализ европейских и российских ценностных систем, определивших различие подходов к интерпретации понятия «жертва», проводит историко-генетический анализ ценности самопожертвования в русской национальной культуре. Рассматривают причины амбивалентного отражения понятия «жертва» в современной массовой культуре, анализирует влияние процессов глобализации на национальные ценностные приоритеты и почвеннические культурные традиции. Ставят проблему взаимозависимости категорий «свобода» и «ответственность» применимо к понятию «самопожертвование».

Ключевые слова: постфольклор, интернетлор, мифологема, идеологема, «жертва», аксиология, Великая Отечественная война, менталитет.

Постфольклор — продолжает оставаться неотъемлемой частью современной массовой культуры. Его жизнеспособность определяется его функциями: он, оперируя различными штампами идеологем и мифологем, формирует «генеральные легенды»; определяет основные ценности общества в категориях абсолютного добра и зла. Преемственность постфольклора по отношению к традиционному фольклору характеризуется следующими чертами: система аргументации, узнаваемые сюжеты, схемы, неэлитарность, бытование в массовой среде, самовоспроизводство «снизу», укорененность в обыденном сознании.

Одной из наиболее мифологизированной тем в современной культуре, как и болезненно дискутируемой в современных массмедиа, является дискурс Великой Отечественной войны. Переоценке часто в антагонистических плоскостях подвергаются малейшие нюансы проблематики. Широкий резонанс вызвал провокационный опрос телеканала «Дождь» на тему «Нужно ли было сдать Ленинград, чтобы сберечь сотни тысяч жизней?» в январе 2014 г., который выявил, что современная тенденция сетевых споров направлена не столько на само событие, сколько на ревизию представлений о нем. Среди традиционных ценностей, в российской ментальности высока ценность придется жертвенности. Это отражается в призывах: «Помнить о подвиге людей, которые действительно положили свою жизни на алтарь Победы» или «кощунственно проводить опросы» на эту тему [19]. Есть устойчивый кластер суждений, демонизирующих роль Сталина в событиях Второй Мировой войны, утверждающих, что «такого количества жертв можно было бы избежать, если бы не просчеты Сталина»; также настойчиво проводится тенденция деконструировать мифологему «жертв войны» как некий симулякр. Из традиционной ценности, «народная жертва» принесенная на алтарь победы, превращается в советскую идеологему, реализующую директивную установку политического режима:

«для обновления старого легитимирующего мифа героизируют события советского периода. Преступные и ошибочные шаги советской системы реабилитируются» [14]. Дискуссия о содержании таких сюжетов (не исторических событий, а именно традиции) нередко приобретает агрессивный характер.

С одной стороны, это свидетельствует о том, что традиция стала неоднородна, претерпевает разрыв. Усиливающаяся конфронтация, на наш взгляд, закономерна. Дискурс традиции в постмодернизме отличается от архаики и модерна интенциями агностицизма и неоднозначностью символики. Деконструкция понятий — характерная черта культуры эпохи постмодернизма. Эта игра смыслов отражает также гетерогенность ценностных норм Запада и России. Необходимо отметить также специфические черты, разводящие такие области как фольклор и постфольклор.

Возникает вопрос, в каком ключе должно интерпретировать общее понятие «жертва»: это идеологема, мифологема или все-таки архитипическая универсалия?

Мифологема обеспечивает поддержание культурной практики мифологемы маркирует «своих» и «чужих» в обществе. Через единство мифологической традиции осуществляется интеграция общества, смыслы мифологем запускают единые культурные механизмы. Даже небольшие отклонения в интерпретации способны расколоть культурную традицию, вызвать острые конфликты в обществе, вплоть до уничтожения, или дискриминации социальных групп, признанных девиантными. Например, догматические различия сотериологии в основных христианских конфессиях, что демонстрирует нам история крестовых походов (в том числе 1242 г. на Новгород), история Реформации. Так в протестантизме считается, что жертвы Христа абсолютно достаточно для спасения, дело человека в это верить. В католичестве признается достаточность жертвы Спасителя, но вина перед Богом должна быть искуплена. В православной сотериологии человек должен жить с Богом и в Боге, подразумевается непрестанный духовный труд личности.

Миф в отличие от идеологемы амбивалентен, о чем писал еще Э. Дюркгейм: «нечистая вещь или злая сила часто становится святой вещью или спасительной силой — и наоборот — не изменяя своей природы, но просто посредством изменений внешних условий». Сама возможность этого превращения, подчеркивает он, и конституирует свойство амбивалентности сакрального [10, с. 46]. Так и убийство повреждает природу мира и восстанавливает нарушенное единство через искупительную силу крови жертвы. «Без жертвы нет творения» [15]. Таким образом, понятие жертвы является одной из центральных в архаичном менталитете. Сам космогенезис в мифологии осмысливается через «жертву». Так сотворение мира в скандинавской мифологии происходит из костей великана Имира, в Индии — Пуруша, в Вавилоне из расчлененной Тиамат. Искупительный смысл жертвы имеет легимирующее значение для общества через понятие «сораспятие», «В раю не распятых нет».

Амбивалентность жертвы, может пониматься в различных аспектах. Во-первых, через «профанацию», высмеивание. О ритуальном осмеянии божества писал еще М. М. Бахтин, как магическом акте, обновляющем миф и в тоже время «гротескном реализме» [2]. Трагическое и ужасное может пародироваться и высмеиваться.

Не взирая на предельно канонизированный дискурс «Священной войны» в советский период, феномен народной смеховой культуры не обошел тематику героя-жертвы. Известны многочисленные дуальные конструкты современного городского фольклора. Например, в г. Волгограде на пересечении проспекта Металлургов и ул. Таращанцев стоит памятник советских времен подвигу М. Паникаха, отражающий трагический пафос самопожертвования этого героя. Однако, известно народное название соответствующего памятника, возникшее еще в советский период: «без пяти минут семь» [12] (это время закрытия ликероводочного магазина напротив памятника). Известен анекдот про Александра Матросова, также возникший еще во времена СССР: «23 февраля 1943 года рядовой Александр Матросов, воспитанник детского дома, закрыл амбразуру вражеского дзота своим телом. Спрашивают, какие были последние слова Александра Матросова: «Ах, этот … гололед»! [13].

Другой аспект амбивалентности жертвы выделил К. Г. Исупов, он указал, что жертва подразумевает акт жреца, заклание жертвы, ее пожирание, также обращает внимание, что жертвенность в российской культуре проецируется как христологическая мистерия, переживаемая и как историческая задача России, и на личном уровне, например, у Достоевского [8, С. 111–114]. Эта христоцентричность не является открытием философской мысли XIX в. Идея сораспятия, как оправдания смысла существования, присуща широким социальным движениям, например старообрядчеству. Оправдание страданием стало стержнем духовности старообрядчества: «Истинная церковь всегда гонима»!

Джордж Агамбен, обращаясь к теме жертв концентрационных лагерей, тоже говорит об амбивалентности понятия жертвы, актуализируя древеримский термин homo sacer как изгоя, лишенного защиты и со стороны богов, и со стороны людей. В политическом смысле под Homo sacer он понимает объект повседневного насилия

дозволенного властью, теоретическую модель человека, лишенного всех прав, подобно жертвам концлагерей [1].

В полемику с ним вступает проф. В.А Бачинин и его интерпретация более чем ценна для дальнейшего анализа проблемы. На примере многострального Иова, В.А Бачинин демонстрирует, что положение homo sacer амбивалентно, «находящийся в плачевном состоянии видимого поражения, (он) сохраняет внутреннее достоинство, веру, те принципы, которыми руководствовался и в благополучное время» [3]. Однако Агамбен считает такой подход устаревшим. В его интерпретации: «все люди превращаются в потенциальных homines sacri, в политических животных, не распоряжающихся своими личностями, судьбами, жизнями…» [1]. Концлагерь, как место, где для человека не оставалось «ни Бога, ни истины, ни справедливости» деморализовал многих узников, лишал их воли к жизни [3]. Бачинин В. А. в этой дискуссии подчеркивает роль надличностных ценностей, которые интерпретируются им как вера: «Те, кто убедил себя в том, что Бог «умер», остаются обладателями только лишь своей жалкой nuda vita, которая незамедлительно переходит под патронаж гибельных демонических начал» [3].

Особенности аксиологии свободы в традиционном российском и европейском понимании, это то, что разводит В. А. Бачинина и Дж. Агамбена в интерпретации понятия «жертвы». С точки зрения Агамбена выбор личности пассивен, он зависит, не столько от воли, сколько от условий окружающего мира. Эта идея личности, как пассивной жертвы, Homo sacer Агамбена вполне узнаваема в романе Стайрона «Выбор Софи» [16].

Кульминация драмы связана с эпизодом, где пьяный врач эсэсовец в Освенциме предлагает героине романа решить, кого из детей она оставит жить, а кого отправит в газовую камеру. Иначе в печь будут отправлены оба ребенка. После мучительных колебаний София оставляет сына Яна, но так и не узнает, удалось ли ему выжить. Описывая недолгую послевоенную жизнь Софии, автор прибегает к таким определениям как «обреченность», «безысходность», «покорность». Стайрон считает, что такой конформизм, вплоть до согласия со злом — плод патриархального воспитания, при котором полностью подавляется индивидуальность женщины, Софи — жертва нацизма, создававшим из людей «живых мертвецов», вынуждая их работать на благо нацизма, для уничтожения заключенных, до тех пор, пока их самих не отправят в печь. Автор проводит мысль о своеобразном инфернальном романе между полячкой и дьяволом, демонстрируя потерю веры Софьи, власть тех самых «демонических сил» о которых писал Бачинин. Это внешняя безжалостная сила вызывают надлом личности как у доктора эсесовца, так и у Софии. Нацистский доктор представляется также жертвой, как и несчастная мать.

Этот тип дилеммы в европейских учебниках по этике рассматривается как нерешаемый или неправильный тип дилеммы, потому что к нему невозможно подходить ни с точки зрения деонтической логики, ни с точки зрения иерархии ценностей [16]. Таким образом, у Стайрона внешние обстоятельства играют решающую роль в моральном выборе личности, а следовательно, снимают в той или иной мере ответственность за поступок.

Сломленная потерей всей семьи, не вынеся чувства вины, не обретя опоры для дальнейшей жизни ни в себе самой, ни в любимом человеке, Софи в итоге выбирает самоубийство. И этот акт опять не является вполне самостоятельным. Это всего лишь согласие разделить судьбу с любимым человеком, который лечил и заботился о ней. Безусловно трагическая, полная безысходности история, поведанная Стайроном, показывает необратимый крах личности перед лицом ужасной дегуманизирующей силой нацизма. Она выжила, но жизнь потеряла какую-либо ценность. Это то состояние, о котором писал Дж. Агамбен «homo sacer»: «Пребывающее «по ту сторону» истины и справедливости, оно обладает только «голой жизнью» («nuda vita»), то есть нечестивой, отвергнутой жизнью, которая из-за её нечистоты может быть у него в любой момент безнаказанно отнята… vita sacra — это всего лишь исключенный отовсюду остаток жизни, ставший «бытием-к-смерти», отданный во власть смерти и не подлежащий возврату» [3].

Можем ли мы говорить о таких ценностях, культурных образцах и моделях, которые бы дали конструктивный выход из того экзистенционального ужаса, чрез который прошла героиня романа? Нельзя не заметить, что трагедия потери близких в условиях оккупации затронула миллионы наших соотечественников. За каждую партизанскую диверсию, расстреливались мирные жители, в том числе близкие и родные самих партизан.

Еще 23 июля 1943 г. Гитлер сделал следующее дополнение и разъяснение к директиве № 33. «…всякого рода сопротивление будет сломлено не путем юридического наказания виновных, а если оккупационные власти будут внушать тот страх, который единственно способен отбить у населения всякую охоту к сопротивлению…» [7].

Таким образом, партизаны оказались перед дилеммой — бороться ли с врагом методом диверсий на оккупированной территории, обрекая на смерть близких, или сохранять конформизм по отношению к оккупантам. Обыватели могли выдать ли партизан и таким образом попытаться спасти свою жизнь и жизнь своих детей; или могли пожертвовать как собой, так жизнью близких — для расправы было достаточно просто не донести.

Одна из самых массовых карательных акций против мирного населения произошла 1–2 марта 1943 в селе Корюковка на Черниговщине. В ходе этой расправы, были убито почти семь тысяч человек [17]. Какие ценностные ориентиры привели к тому, что население, жертвуя собой, поддерживало партизан, а партизаны, жертвуя своими детьми, родителями, продолжали борьбу с оккупантами?

Патриотизм, как нравственная сила был центральной ценностью, интегрировавшей советское сообщество, поскольку речь идет о периоде, где идеология уже третье десятилетие насаждало воинствующий атеизм. Ценность индивидуальной жизни, жизни семьи была понижена не только как результат воздействия советской идеологии, но и как элемент традиционного менталитета, опирающегося на приоритет коллективного над индивидуальным. Следующей ценностной категорией, определявшей нравственный выбор советского народа была — Свобода. Эта ключевая категория в России понимается иначе, чем в Европе. Для Софи Завистовской — свобода, это самореализация в музыке, забота о детях, матери, преданность любимому человеку. Это широкое пространство индивидуального комфорта. Где выбор зависит от произвола индивида, можно сказать «произвольная свобода» или «своеволие» в терминологии Н. А. Бердяева, которая интерпретируется им как деструктивная и бесплодная сила [5]. Выбор Софии оказался именно бесплодным. Она потеряла все, что пыталась защитить.

Однако, свобода советского народа, поражавшего немцев своей готовностью к вполне сознательному самопожертвованию, это иной уровень свободы, соединявший в себе такие ценности, как общее благо, эгалитаризм, социальная справедливость — те универсалии, как они понимались в то время. Такая свобода неразрывно связано с понятием ответственности. Или, можно выразиться словами Н. А. Бердяева «воля к правде», как начало нового мира: «Личность восстает против порабощения её общеуниверсальным, объектным, против ложных святынь, …против тирании общества, но она берет на себя ответственность за судьбу всех, всей природы, всех живущих существ, всех страдающих и униженных, всего народа и всех народов. Личность переживает всю историю мира как свою историю» [5].

Уильям Стайрон, проводя в своей книге параллели между расизмом в южных штатах США и нацизмом в Германии, рассматривает участников, вовлеченных в эти движения, как результат воспитания системы, с заданной раз и навсегда системой координат, «как бы их поступки не были нам отвратительны, они всего лишь часть целого, не несущие ответственность за само явление» [16]. Эта предопределенность отраженное эхо протестантского влияния. Современный западный ценностный подход опирается на консеквенционализм и индивидуализм, в то время как в России были традиционны абсолютные нравственные ценности и коллективизм. Западный подход, усвоенный частью российского общества в условиях глобализации, приводит неизбежно к разрыву с почвеннической традицией, что мы и наблюдаем в современных дискуссиях о жертвах войны. Но означает ли подобный разрыв цивилизационную подвижку, начало изменения национальной и культурной идентификации, неизбежное продвижение культурной глобализации, или все же мы должны говорить о ситуационном отклонении?

Возвращаясь к контексту мифологем, мы не должны забывать об основах мировосприятия мифологического пространства, об архаическом восприятии общества себя как единого организма, о коллективизме и органицизме. Это надиндивидуальный подход: индивид может пожертвовать собой во имя выживания коллективной личности.

Различие ценностных подходов России и Запада наиболее ярко выражен в исторической песне «Авдотья-Рязаночка», чья дилемма парадоксально напоминает «Выбор Софии». Героиню русского фольклора татарский хан заставляет сделать «правильный выбор» одного из пленников: сына, брата и мужа, иначе казнены будут все.

Дилемма Рязаночки сходна в некотором роде с дилеммой Софии. Любой выбор Авдотьи, с одной стороны, дает свободу родному человеку, но обрекает остальных двух тяжкой участи. Однако выбор Авдотьи, в отличии от Софии Завистовской возносит ее на пьедестал национальной героини, спасшей сограждан. Она, лирично оплакивает каждого из родственников, но выбирает брата:

Тесно мне отовсюду!
Как без камешка синее море,
Как без кустышка чистое поле!
Как я тут буду выбирати,
Кого на смерть оставляти?!
Мужа ли я покину?
Дитя ли свое позабуду?
Брата ли я отступлюся?.
Не видать мне буде единыя головушки —
Мне милого братца родимого,
Да не видать век да и по веку».

На недоуменный вопрос хана, Авдотья прибегает к деиндивидуализированной аргументации, мотивируя свой выбор тем, что другого брата у нее не будет, а новый муж и сын — возможны [9]. Растроганный хан, вспомнив погибшего брата, отпускает с Авдотьей всех, кого она выберет из пленников.

В своем выборе Авдотья, преодолев личные терзания, подчиняет свою волю традиции, общинным ценностям. Ее поступок соответствует деонтологической логике: «делай, что должно». Архаичные нормы, отдавали приоритет ближайшего родственника брату и сестре. В этой же ценностной системе находился и хан, признавший моральный приоритет выбора Авдотьи. Вознаграждением победительнице в моральном поединке становятся не только семья, но и все сограждане[1].

Мы можем сказать, что Авдотья так же стала жертвой, но не пассивной жертвой обстоятельств, как София Завистовская, а осознанной добровольной жертвой, подчинив свою индивидуальность долгу перед родом. Такая интерпретация жертвенности, получила цивилизационное значение, переосмысленное в наше время. Идеям Н. А. Бердяева созвучно мнение митр. Кирилла: «Я думаю, что жертвенность нашего народа, его природная способность отдавать себя другим явились решающими факторами в формировании огромного имперского евразийского пространства, многорелигиозного и многонационального» [11].

Итак, мы видим два ценностных подхода к понятию жертвенности: пассивная «жертва обстоятельств» и «самопожертвование». При этом именно активное самопожертвование является культурной традицией России, традиционно одобряемой поведенческой установкой. Это осознавалось как русской философской мыслью, так же и многократно отмечалось европейскими военными и историческими деятелями при анализе событий Отечественной войны 1812 г., Крымской войны, Великой Отечественной. Но секрет успеха Авдотьи, советских граждан, сопротивлявшихся германской оккупации не только, в активной позиции самопожертвования, но и в ценностном плане в приоритете общих ценностей над индивидуальными.

Мы уже говорили, что наблюдаются отдельные тенденции по деконструкции традиционного понятия «жертвенность» в современных масс-медиа, где потери Советского Союза в Великой Отечественной войне подаются как глупость или результат преступления. Высокий смысл самопожертвования профанируется и путем принижения результата жертвы, и самой цены. Исчезает активная позиция альтруистического выбора. Герой превращается в марионетку, жертву манипуляции. К этому подталкивает разочарование в глобальной идее социальной справедливости, связанной с крахом Советского Союза. Кризис прежней ценностной системы порождает скептицизм и ревизионизм традиционных устоев, слабо коррелирующихся с ценностями стран «ядра» постиндустриального мира.

Мы не можем отрицать, что презрение к смерти, высокий альтруизм, как проявление патриотизма, являются одной из основ жизнестойкости Российской цивилизации перед различными историческими угрозами. Допустимо ли говорить сегодня об отмирании традиционного понимания ценностных норм; об изменении национального характера? Или эти изменения носят ситуативный характер?

Обращаясь к истории, можно констатировать, что самоотрицание является чертой прозападной части нашей элите, пожалуй, с петровским времен. Это с поразительной точностью описал Н. А. Бердяев: «Русский же — апокалиптик или нигилист… Русское искание правды жизни всегда принимает апокалиптический или нигилистический характер. Это — глубоко национальная черта» [4]. Таким образом, мы можем наблюдать определенную преемственность в самосознании российской интеллигенции, в стремлении к отвержению внутренней национальной идентичности, через восприятие европейской идентичности. Об этом внутреннем конфликте русской интеллигенции писал также и О. Шпенглер, о том, что «Петровство» было и осталось чужеродным телом в русскости. «Чуждый элемент внес яд, от которого могучий корпус заболел и умер. Это был непонятный и недоступный русскому мышлению дух западного рационализма XVIII и XIX вв., которые в форме русского нигилизма вели свое карикатурное и опасное существование в среде городской "интеллигенции"» [6].

Однако за прошедший XX век в российском обществе произошли существенные социальные и культурные изменения, прежде всего, исчезла традиционная, «крестьянская» Россия. Городская среда, создает новые культурные потребности, основа новой российской идентичности формируется в сложных условиях. Однако, внешние вызовы, угрозы создают как раз ту традиционную культурную среду, в которой формировался российский менталитет, это «активирует» традиционные символы и ценности, мифологемы. Национальный менталитет, как элемент структуры массового сознания, обладает высокой устойчивостью, в силу своей статической природы. Он не требует логического обоснования и критического осмысления. На данный момент, учитывая историческую ретроспективу, нельзя говорить об изменении культурной идентичности россиян, скорее можно согласиться с мнением профессора В. В. Тулупова: «Видеть в ситуативных изменениях кардинальное изменение менталитета — значит, допускать методологическую ошибку» [18].

[1] Традиционная форма выражения благосклонности повелителя к победителю в духовном состязании. См.: например, Житие Константина Философа. По итогам хазарской миссии каган отпускает с Константином и Мефодием всех пленных греков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агамбен Дж. — Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь (2011) / Дж. Агамбен// [Электронный ресурс]// Медиатека Предание.ру URL: https://predanie.ru/book/219454-suverennaya-vlast-i-golaya-zhizn/#/toc8 (дата обращения: 11. 12. 2019).
2. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин// Библиотека Гумер. [Электронный ресурс]// URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Baht/intro.php (дата обращения: 11. 12. 2019).
3. Бачинин, В.А. О сакральной жертве / В. А. Бачинин//Клуб Эсхатос [Электронный ресурс] // URL: http://esxatos.com/bachinin-sakralnaya-zhertva (дата обращения: 11 .12. 2019).
4. Бердяев, Н. А. Духи русской революции/ Н. А. Бердяев.— Библиотека «Вехи» [Электронный ресурс]// URL: http://www.vehi.net/berdyaev/duhi.html (дата обращения: 11. 12. 2019).
5. Бердяев, Н.А. О рабстве и свободе человека/ Н. А. Бердяев.— Библиотека «Вехи» [Электронный ресурс]// URL: http://www.vehi.net/berdyaev/rabstvo/041.html (дата обращения: 11 .12. 2019).
6. Голосенко, И.А., Султанов, К. В. Культурная морфология О. Шпенглера о «ликах России»/ И. А. Голосенко, К. В. Султанов// Библиотека Гумер [Электронный ресурс]// URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Article/gol_kult.php (дата обращения: 11 .12 .2019).
7. Из дополнения к директиве ОКВ № 33. [Электронный ресурс]// Нюрнбергский процесс. Преступления против человечности (том 5). Москва «Юридическая литература» 1991. OCR Кудрявцев Г. Г. // URL: http://lib.ru/MEMUARY/1939–1945/NURNBERG/np5.txt (дата обращения: 11 .12. 2019).
8. Исупов, К.Г. «Космос русского самосознания». Жертва/ К. Г. Исупов// Лексикон.— 2007.— № 3.— С. 111–114.
9. Ковпик, В.А, Калугина, А. В. Сборник Былины. Исторические песни. Баллады. Электронная книга/ В.А Ковпик, А. В. Калугина.— 2008.— 150 с.]// URL: http://librebook.ru/byliny__istoricheskie_pesni__ballady/vol3/1 (дата обращения: 11 .12. 2019).
10. Куракин, Д. Ю. Ускользающее сакральное: проблема амбивалентности сакрального и ее значение для «сильной программы» культурсоциологии/ Д. Ю. Куракин// Социологическое обозрение.— Т. 10.— 2011.— № 3.— С. 41–69.
11. Митрополит Кирилл: «Опыт взаимодействия традиционных религий — великое культурно-цивилизационное достояние многонациональной России» [Электронный ресурс]// URL: http://civilg8.ru/6610.php (дата обращения: 11 .12. 2019).
12. Прозвища памятников. Луркоморье// [Электронный ресурс]//– URL: http://lurkmore.to/_/78869#mws_qR0rttQ (дата обращения: 11 .12. 2019).
13. Раскин Иосиф. Энциклопедия хулиганствующего ортодокса [Электронный ресурс]/Иосиф Раскин//URL: https://www.litmir.me/bd/?b=124148 (дата обращения: 11 .12 .2019).
14. Российская академия наук в Будапеште: Великая Отечественная война — «так называемая», Победа — «миф»// 1999–2015 ИА REGNUM [Электронный ресурс]//– URL: http://www.regnum.ru/news/polit/1415885.html#ixzz3XlJjE27U (дата обращения: 11 .12. 2019).
15. Славянская мифология. Энциклопедический словарь.— М.: Междунар. отношения, 2002.— Изд. 2-е.— 512 с.— Энциклопедия символики и Геральдики [Электронный ресурс] // URL: http://www.symbolarium.ru/index.php/Жертва (дата обращения: 11 .12. 2019).
16. Стайрон, У. Выбор Софии/ У. Стайрон// Электронная библиотека RoyalLib.Com [Электронный ресурс]// https://royallib.com/book/stayron_uilyam/vibor_sofi.html (дата обращения: 11 .12. 2019).
17. Трагедия в Корюковке: «Кровь лилась по земле рекой» // Газета.Ru. 01.03.2018. [Электронный ресурс]// URL: https://www.gazeta.ru/science/2018/03/01_a_11666743.shtml (дата обращения: 11.12.2019).
18. Тулупов, В. В. Структура менталитета: к постановке проблемы/ В. В. Тулупов // relga.ru [Электронный ресурс].— № 13 [251] 05.09.2012 // URL: http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3302&level1=main&level2=articles (дата обращения: 11 .12. 2019).
19. «Это провокация и «троллинг»»// Русская народная линия [Электронный ресурс]. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2014/01/29/eto_provokaciya_i_trolling/ (дата обращения: 11 .12. 2019)

© Полева Юлия Владимировна (poleva_yuliya@mail.ru), Саркисян Ирина Феликсовна (Domuvokzala57@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РОССИЯ В ИСТОРИИ МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ И ЕЁ НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

Саврей Валерий Яковлевич
Д.ф.н., профессор, МГУ им. М. В. Ломоносова
vsvry@icloud.com

Аннотация. В статье содержится позитивная оценка культурно-исторической роли России во всемирно-историческом цивилизационном процессе. Среди важнейших знаковых событий, определивших вовлечение России в эллинистическо-византийско-европейскую цивилизацию, называются 862 год — установление Русской государственности, 988 год — принятие Киевской Русью христианства, конец XV века — возвышение Московской Руси как преемницы Византии, начало XVIII века — выход России на международную политическую арену, 1917 год — падение Российской империи, конец XX века — начало возрождения исторической России. В своей более чем 11 — вековой истории Россия явила второй после Византии величественный и оригинальный тип православно-христианской цивилизации, впечатляющей энтузиазмом в экономическом освоении географических пространств, грандиозностью масштабов государственного строительства, блеском классической художественной литературы, глубиной религиозно-философских прозрений, очаровательной привлекательностью высокой и одухотворённой культуры.

Ключевые слова: Восток, Запад, история, культура, предназначение, православие, христианство, цивилизация.

RUSSIA IN THE HISTORY OF THE WORLD CIVILIZATIONS AND RUSSIAN NATIONAL MISSION

V. Savrey

Summary. The article provides a positive assessment of the cultural and historical role of Russia in the world historical process. Among the most significant events that determined Russia's involvement in the Hellenistic-Byzantine-European civilization, there are: a) the establishment of Russian statehood in 862AD, b) the adoption of Christianity by Kievan Rus in 988AD, c) the rise of Moscow Russia as the successor of Byzantium in the end of the 15th century, d) Russia enters the international political arena in the beginning of the 18th century, e) the fall of the Russian Empire in 1917 and f) the beginning of the revival of historical Russia that took place the end of the 20th century.

Through its more than 11 centuries of history, Russia was the second (after Byzantium) to reveal the majestic and original type of Orthodox Christian civilization, impressive enthusiasm for the economic development of geographical spaces, the grandeur of the scale of state building, the splendor of classical fiction, the depth of religious and philosophical insights, the charming appeal of high and inspired culture.

Keywords: East, West, history, culture, mission, Orthodoxy, Christianity, civilization.

Новое время стало эпохой, ознаменованной открытием древних культур и мировых цивилизаций, эпохой, которая открыла универсальную панораму всемирного культурно-исторического процесса, начиная от древнейших памятников сакральной и ещё до конца не разгаданной культуры палеолита и кончая современной действительностью с её нерешёнными проблемами и глобальными вызовами. «Перед нами разверзлась бездна прошлого и будущего» [Ясперс 1991, 29], та необъятная сфера, где ведётся поиск «рудиментов прошлого и ферментов будущего в сочетании с выявлением системных ориентиров, позволяющих в разнообразии культурных феноменов усмотреть скрытые иерархии и параллелизмы» [Троицкий 2007, 222].

Универсализмом своей природы, открываемой в её потаенной глубине, русская цивилизация обязана древнейшим истокам творческого становления народов Востока, строивших свою государственность и создававших цивилизацию древнего мира. Месопотамия, Финикия, Крит, Индия, Персия, Япония и Китай внесли свой исторический вклад в процесс формирования мировой цивилизации. Древние культуры этих народов оказали влияние на средиземноморскую и европейскую цивилизации, включая и Россию. «Но о какой бы научной или

религиозной ценности современной жизни мы бы ни говорили, она унаследована нами от этих трёх стран: Египта, Греции и Палестины» [Уайтхед 1990, 500].

Мировая цивилизация охватывает во времени и пространстве весь земной шар, где «все мы, люди, происходим от Адама, все мы связаны родством, созданы Богом по образу и подобию Его» [Ясперс 1991, 31]. Человек имеет предназначение быть и осваивать пространство мировой ойкумены. Мореплавание, связавшее великие государства древности, позволило народам Античности более объективно и трезво взглянуть на себя со стороны и в то же время вело их к взаимному обогащению их жизненным опытом. В результате исторического взаимодействия культур «Египет дал зрелую технологию, возникшую за трёхтысячелетнюю историю этой цивилизации, Палестина — законченную религиозную космологию, Греция — ясные и строгие обобщения мысли, ведущие к философии и науке» [Уайтхед 1990, 500].

Древние цивилизации отдалены от нас культурно и исторически. «Мы,— как выразился Поль Рикёр,— принадлежим к иной эпохе бытия, к метафизической поре» [Рикёр 2017, 153], для которой жизнь души в парадигме онтологической действительности и этического действия является «основополагающей формой бытия» [Там же]. Новые философские системы отражают грандиозные изменения, происходящие в сфере культуры и определяющие лик современной эпохи.

Ханс Кюнг неоднократно повторял, что «мы живём в эпоху, для которой характерна интеллектуальная и нравственная честность» [Гильдебранд 1998, 87]. Как многие его современники он полагал, что нынешнее отношение человека к жизни честнее и откровеннее по сравнению с пуританством викторианской эпохи «с его лицемерием, притворной стыдливостью и условностями» [Там же]. Интеллектуальную и этическую нечестность современного человека Дитрих фон Гильдебранд видит в его стремлении «приспособить истину к своим поступкам: принять за норму своё поведение de facto, отрицать значимость нравственных законов по той причине, что не удалось жить в соответствии с ними» [Там же, 89].

Упадок морали и нравственной культуры в современном мире связан с утратой веры в достоинство традиционных христианских доктрин. «Во-первых, доктрина о грехе. С начала XVIII в. на протяжении всего периода её критиковали больше всех. Такие понятия, как «первородный грех», вызывали смех, и относиться к ним всерьёз считалось постыдным» [Тиллих 1995, 390]. Время легкомысленного отрицания глубинных проблем, по-видимому, прошло, и религиозный фактор сохраняет свою значимость в современном мире и теперь, спустя целые тысячелетия, несмотря на то обстоятельство, что большая дорога истории уже давно проходит мимо христианства и Церкви. Тем не менее, есть основания констатировать, что «христианство — весть о Новой Реальности, которая делает возможным исполнение нашего сущностного бытия» [Там же, 391], представляет собой фактор величайшей духовной и культурной значимости, поскольку христианство в своих фундаментальных нравственных постулатах противостоит энтропийным процессам, как на уровне отдельной человеческой личности, так и на уровне больших социальных и геополитических систем, одной из которых является Россия.

Аналитическая оценка ментальных и культурных тенденций последнего времени даёт основания предполагать, что наступает новая всемирно-историческая эпоха как время восхождения человечества на вершину своего исторического пути, как высшая акмеическая фаза мирового общечеловеческого развития. В то же время следует отметить, что на протяжении последних веков интерес человека к религиозным и духовным вопросам систематически подавлялся, однако потеря «энергии трансцендентного» ощущалась не как потеря, а как «достижение зрелости» [Уотсон 2017, 557]. Окрылённый духом рационализма, сциентизма, материализма, нигилизма, человек современной западной цивилизации утратил «контакт с той фундаментальной истиной» (Marcel 1935, 281], которая раньше открывала ему присутствие Бога в его индивидуальном образе жизни.

С точки зрения М. Хайдеггера, «история западноевропейской философии со всем её блеском, всеми её роскошными прорывами, откровениями и отклонениями есть не что иное, как процесс расставания с бытием» [Дугин 2010, 64]. История философии несёт в себе отражение истории цивилизации. «Стало быть, это история заката солнца, история длящейся катастрофы, история блужданий и заблуждений» [Там же].

В наступившем XXI веке человечеством достигнут невиданный научно-технический прогресс, какого ещё не знала история. Но этот прогресс несёт в себе поклонение новым кумирам нашего времени, какими стали комфорт, потребительство, роскошь, коммуникативные и информационные технологии, скорость. К. Ясперс, для которого все мотивы критики современности оказываются вековой давности, цитирует датского писателя XIX в. Н.Ф.С. Грундтвига: «Наша эпоха находится на перепутье, быть может, на самом резком повороте, известном истории; старое исчезло, а новое колеблется, не зная спасения, никто не решит загадку будущего» [Ясперс 1996, 295]. Если вместе с историей меняется и историческое мышление, то «в наше время оно определяется осознанием кризиса, которое в течение последних ста лет или более постепенно углублялось и теперь характеризует

мышление почти всех людей» [Там же, 241]. И вновь, как в своё время проницательно заметил П. И. Новгородцев, политическое творчество встречается с трудностями, открывающими зияющую бездну, готовую поглотить мечты о земном рае [Новгородцев 1991, 34].

Действительность нашего времени в своих парадигмальных характеристиках не соответствует задачам воплощения в человеческой жизни, как в личной, так и в общественной, высших духовных ценностей — мировоззренческих, религиозных, нравственных, то есть тех ценностей, воплощение которых могло бы свидетельствовать о присутствии в общем универсуме бытия абсолютного Божественного Начала, способного придать человеческому существованию безусловное оправдание и высший онтологический смысл.

Восхождение современного мира на цивилизационную вершину своего исторического пути является совсем не тем, каким его предчувствовал Блаженный Августин (De civitas Dei, XX), потому что «вершина эта понималась как конечное «спасение» человечества Божественной силой», как об этом говорит в своём комментарии академик Н. И. Конрад [Конрад 1972, 447].

Исследуя исторические истоки современных цивилизаций, английский историк XX век Арнольд Тойнби считал, что «каждая из них имеет в своём лоне какую-то универсальную церковь» [Тойнби 1996, 423]. Тойнби связывал цивилизационно-исторический процесс с глубинным проявлением религиозно-мировоззренчеких факторов, определяющих фундаментальный характер каждой из современных цивилизаций.

«Так, западная и православно-христианская цивилизация с ветвью православного христианства в России через Христианскую Церковь восходит к эллинистической цивилизации; дальневосточная цивилизация и её ветвь в Корее и Японии через махаяну связаны с древнекитайской цивилизацией; индуистская цивилизация связана чрез индуизм с индийской, а иранская и арабская — через ислам с древнесирийской» [Там же].

Родившись в недрах эллинистической цивилизации, в географических пределах Средиземноморской ойкумены, христианская цивилизация стала доминирующей цивилизацией среди других цивилизаций мира и предопределила своим развитием весь мировой культурно-исторический процесс. «Явилось христианство, начало нового мира. Оно… освятило державную власть печатью Божественного права, объявило царей, отцов народа, помазанниками Божиими. И вот новая блистательная жизнь заструилась в жилах человеческих. Европа воскресла и создала себе ту великолепную цивилизацию, которая дала ей первенство во вселенной» [Чаадаев 1989, 544]. Своей принадлежностью христианской цивилизации Россия обязана Византии, преемницы древней Эллады, которая стала колыбелью европейской цивилизации, когда «вышла на сцену истории в песнях Гомера» [Там же].

В своём фундаментальном геополитическом исследовании «Россия и Европа» Н. Я. Данилевский исследует вопрос о политических и культурно-исторических предпосылках распространения христианства. Данилевский отмечает, что «Греция, столь богатая своей цивилизацией, была, однако же, бедна политической силой, чтобы думать о распространении эллинизма между другими народами, пока македоняне — народ эллинского же происхождения или эллинизированный ещё в ранний этнографический период своей жизни — не приняли от неё цивилизации и не сообщили ей политической силы» [Данилевский 2003, 97–98].

Александр был первым, кого история назвала Великим, кто осуществил «покорение Востока» [Тиллих 1995, 44], и чьё имя ознаменовало собой приближение и начало новой эры во всемирной истории человечества [Дройзен 2002, 7]. Как отмечает Данилевский, «Александр взялся не только покорить Восток, но и распространить в нём греческую цивилизацию» [Данилевский 2003, 98], имевшую своим историческим предназначением стать колыбелью христианства. В оценке Данилевского, «за эту возвышенно-гуманитарную цель Александровых завоеваний ему прощаются завоевательные замыслы, и он принимает в глазах истории размеры героя человечества» [Там же]. В пределы созданной Александром Великим великой ойкумены, одной из частей которой стала впоследствии Римская империя, вошла Палестина — регион, в котором три века спустя совершились события Боговоплощения и Пятидесятницы и возникла Христианская Церковь. Всемирно-историческое значение этих событий было отмечено академиком Н. И. Конрадом: «На рубеже нашей эры, в третьем, переднеазиатском, центре исторической жизни, в Иудее, устами Иисуса из Назарета была провозглашена заповедь «любите друг друга». Вместе с христианством она перешла к народам Европы. Такова была концепция гуманизма в древности. Она в своей основе сохранила своё значение и в наше время» [Конрад 1972, 481].

По мысли К. Барта, «Завет между Богом и человеком составляет первый и последний смысл человеческой истории» [Барт 2014, 313]. Логоцентризм истории предполагает исполнение предназначения, возлагаемого на мировые цивилизации. На смену древней эллинистической цивилизации пришла цивилизация римская, положившая начало христианской европейской цивилизации. С утверждением христианства восточная часть Римской империи с новой столицей на берегах Босфора — Кон-

стантинополем, получившая в истории название «Византия», явила миру первый величайший тип православной христианской цивилизации. Это была цивилизация, которая поражала воображение современников стройной системой догматического учения Церкви, нравственным превосходством этического учения Евангелия, богатством и глубиной патристического наследия, художественной изысканностью византийского литургического обряда, грандиозностью и величием архитектурных сооружений, высотой технических достижений, совершенством административного управления, стратегическим могуществом армии, благолепием великой Святой Софии, красотой и богатством столицы империи восточных ромеев. После падения Константинополя в 1453 году православная миссия Византии перешла к Святой Руси, которая стала наследницей Византии в династическом, историческом, культурном и религиозном отношениях.

Русская цивилизация начинается с установления русской государственности в Великом Новгороде в 862 году и с учреждения христианства в России в 988 году. Оба события имели в истории России фундаментальное, судьбоносное значение, определившее на века её национальную судьбу.

Крещение Руси — это ключевой, поворотный момент нашей отечественной истории. Это событие воспринимается нами как историческая эпопея цивилизационного масштаба, заключающая в своём содержании необъятный духовно-конструктивный преображающий смысл. Это событие, как подчеркнул глава государства, президент России В. В. Путин, определило дальнейший многовековой путь России, оказало влияние на всё мировое развитие. Оно открыло эпоху, к которой все мы принадлежим и поныне.

В событии Крещения Руси, явившимся историческим принятием христианства, просвещением русского народа светом Евангелия, его приобщением к царству Божественной благодати, открылась ноуменальная парадигма национальной судьбы России, её историческое призвание.

Свою цивилизационную миссию в мире Россия впервые осознала в XV веке, когда история распорядилась в отношении роли Москвы как преемницы великой и блистательной Византии. Грандиозность происшедших геополитических перемен не могла не отразиться в характере русской национальной судьбы.

«Неожиданное превращение маленького Московского княжества в самое большое государство в мире невольно привело его народ к мысли, что он наделён миссией спасти восточное христианство» [Тойнби 1996, 405]. П. Н. Милюков отмечает, «что политическое падение православных царств связано с их религиозной изменой и что политическое господство Москвы есть следствие её религиозной непоколебимости» [Милюков 1930, 56]. Следует также отметить глубокое нравственное благочестие русского народа, которое бросалось в глаза иностранцам посещавшим Россию. Например, Пэрс отзывался о «простой доброте русского крестьянина» [Pares 1915, 99].

«Англичанин Грахам в книге «Неизвестная Россия» писал: «Русские женщины всегда стоят перед Богом; благодаря им Россия сильна» [Лихачёв 1989, 514]. С момента учреждения христианства при святом князе Владимире, Красном солнышке Древней Руси, вплоть до последних дней царствования святого Государя Николая Александровича Россия полагала своим высшим призванием актуальное исполнение Евангелия во всех сферах государственной, общественной и народной жизни. На всём протяжении своего исторического пути Россия стремилась служить духовному и материальному благу входящих в её ограду славянских, угро-финских, тюркских и монгольских племён, вводя их в ограду Восточной Церкви, создавая для них национальную письменность и приобщая их к укладу экономической и культурной жизни. В то же время Россия проявляла попечение и деятельное участие в жизни народов православного Востока, Восточной Европы и, в особенности, Балканского мира.

На протяжении первых веков своего государственного бытия православная Киевская Русь защищала народы Европы от набегов со стороны кочевников Великой степи. На своих бескрайних равнинах Русь поглотила бесчисленные полчища чингисидов, в результате чего христианская Европа, спасённая русской кровью, имела благоприятные условия для своего экономического и культурного процветания. В Новое время Россия освобождала народы Европы от наполеоновских завоеваний, она освобождала народы Балканского мира от многовекового османского владычества, в XX веке она дважды стала несокрушимой преградой на пути агрессивного германского милитаризма и внесла решающий вклад в победу над ним в Первой и Второй мировых войнах.

Вплоть до конца XVII века ни в Европе, ни в России не делалось каких-либо прогнозов относительно места России в новом культурно-цивилизационном пространстве. «Ситуация изменилась после выхода на историческую арену Петра Великого. После 1694 г. Лейбниц разработал несколько новых проектов всеобщего мира, на этот раз для всех известных частей планеты. В них впервые предусматривалось, что Россия будет ведущей славянской державой, благодаря которой Азия может быть вовлечена в европейскую культуру» [Роте 1985, 15]. Через петровское окно в Европу «сквозной ветер должен был освежить невежественный покой России»

[Шпет 1989, 27] перед лицом актуальных геополитических и культурных задач.

Так же как историческая Византия, Россия стала связующим географическим звеном между Западом и Востоком. Новая столица России — Санкт-Петербург стал политическим преемником Константинополя, который, в оценке Н.Я. Данилевского, был перекрёстком всемирных путей. «Нет места на земном шаре,— отмечал Н.Я. Данилевский,— могущего сравниться центральностью своего местоположения с Константинополем» [Данилевский 2003, 354]. Подобно Константину Великому, создавшего новую столицу империи на берегах Босфора, царь Пётр стал основателем новой столицы Русского царства на берегах Невы. «Пётр Великий понял, что самым эффективным методом продвижения западной культуры в Россию будет сооружение новой столицы» [Тойнби 1996, 420]. С эпохи Петра Великого культурные интересы России становятся ориентированными в направлении Запад — Восток. По своему географическому и конфессиональному положению Россия оказалась между римско-католическим и протестантским Западом и древним христианским, буддийским, индуистским, конфуцианским и мусульманским Востоком. Римско-католическое влияние через Польшу проникло в районы западной России и в значительной мере предопределило центробежные тенденции среди западных малороссов. М. Бэринг в своей книге «Русский народ», говоря о различии характеров великороссов и малороссов, отмечает, что это более северные и более южные русские вроде того, как итальянцы в Пьемонте и южные итальянцы, или как северные и южные французы [Baring 1911, 34]. Существующее до сих пор украинское униатство является драматическим следствием измены православию четырёх западнорусских епископов, вступивших в Брестскую унию с Римско-Католической Церковью в 1596 году. Сепаратистские тенденции на Украине входили в круг политических расчётов Польши и Австро-Венгрии, заинтересованных в расчленении единой России. «Шаг назад сделал львовский профессор М.С. Грушевский, работавший в Австро-Венгрии, тоже нуждавшейся в политическом обосновании оккупации Австрией Галиции» [Гумилёв 1993, 28]. Что касается отношений России к нехристианскому Востоку, то здесь приоритетное значение придавалось исламу. Как известно, «изучение мусульманского Востока в России имеет давнюю историю и восходит ко времени Петра I» [Маточкин 2017, 108]. С XVIII в. «именно по его инициативе в стране началось активное изучение восточных языков» [Там же]. По указанию Петра Великого для направления в Китай на служение в Православной духовной миссии был посвящён в сан епископа Иннокентий (Кульчицкий), впоследствии первый епископ Иркутский. В XIX в. архимандрит Иакинф (Бичурин), назначенный начальником 9 — й Пекинской духовной миссии, стал основоположником научного китаеведения в России, снискав огромный авторитет, как в России, так и за границей, где его считали первым знатоком истории и современного состояния Китая [Хохлов 2009, 429]. Позднее, в том же XIX веке, иеромонах Николай (Касаткин), выпускник Санкт-Петербургской духовной академии, стал основателем Православной Церкви в Японии, получившей в 1970 г. статус Автономной Православной Церкви в составе Московского патриархата [Саблина 2000]. В наше время, в 2018 году Русской Православной Церковью был образован новый экзархат, объединяющий русские православные приходы в Юго-Восточной Азии на территориях Вьетнама, Индонезии, Камбоджи, Китая, Кореи, Лаоса, Малайзии, Мьянмы, Сингапура, Таиланда и Филиппин, с центром в Сингапуре.

В своём географическом распространении Россия дошла до естественных географических рубежей, которыми стали Ледовитый океан на севере, Балтийское море и Карпаты на западе, Кавказ и Памир на юге, Амур и Тихий океан на востоке. Тысячелетняя история Русской Церкви ознаменована её великой христианской миссии среди народов Русского Севера, Прибалтики, Поволжья, Кавказа, Урала, Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока. Ареал заграничной мисси Русской Церкви в Синодальный период её истории включал Палестину, Иран, Монголию, Китай, Японию, а так же входившую в состав России Аляску. Утверждаясь на мировоззренческом и нравственном фундаменте христианской православной веры, Россия достигла высочайших вершин в своём культурном развитии. Она создала культуру, которая является классической по стилю, величественной в своём достоинстве и одухотворённой по своему содержанию. Исполняя своё высшее историческое предназначение, Россия стремилась служить делу Божьему на земле. Своей христианской религиозной философией, своей великой художественной литературой, своим высоким классическим искусством Россия осуществила достойный вклад в сокровищницу мировой мысли и мировой художественной культуры.

В истории мировой цивилизации веками и тысячелетиями совершался переход к универсальности. Но наряду с этим горизонтальным процессом история цивилизации отмечена вертикальным измерением, в котором открывается присутствие абсолютного Божественного начала: это пророческая весть о Боге, событие Воплощения и Пришествие Бога в мир, рождение Церкви и проповедь Евангелия во всём мире, история христианской цивилизации, подвиг российских новомучеников и возрождения христианской веры в современной России. Можно уверенно утверждать, что «теология — это христианское начинание» [Бертронг 2013, 835]. И, хотя во многих других культурных традициях мы можем найти «глубокие и убедительные аналоги западных норм

и форм теологического дискурса» [Там же], например, в буддизме и даосизме, природа религиозного дискурса конфуцианства лишь отчасти открывается в онтологически унифицированном космосе, в котором нет присутствия Личного Бога, сообщающего бессмертие индивидуальному человеку, но который наделяет людей желанием гармонии в единстве «неба, земли и человечества» [Там же, 657].

Уникальное геополитическое положение России, её тысячелетняя православная христианская традиция, её живая религиозность обязывают её к выполнению великого исторического предназначения, которое заключается не только в её актуальной культурной миссии, но и в её спасительном служении современному миру, в том, чтобы нести народам Востока и Запада свидетельство православной веры. В своём выдающемся труде «Наши задачи», который заслуживает наименования манифеста русского национального правосознания и долга, И. А. Ильин писал: «Отстаивая свою национальность, Россия боролась за свою веру и религию. Этим Россия, как духовный организм, служила не только всем православным народам и не только всем народам европо-азиатского территориального массива, но и всем народам мира. Ибо Православная вера есть особое, самостоятельное и великое слово в истории и в системе Христианства» [Ильин 1992, 234].

Вглядываясь в историческое прошлое нашего православного Отечества, мы чтим святых, героев и гениев, всех тех, кто своим трудом, молитвой, подвигом, созерцанием и творчеством созидали благоденствие, величие, могущество и славу России, кто вложил свою посильную лепту в её высокое историческое призвание. Наше восхищение историческим величием императорской России включает потаённую надежду на то, что это, казалось бы, безвозвратно ушедшее величие, является залогом её будущего великого возрождения. «Великое историческое призвание России, от которого только получают значение и её ближайшие задачи, есть призвание религиозное в высшем смысле этого слова» [Соловьёв 1989, 30].

Сто лет назад, в августе 1918 года, когда Россия после большевицкого переворота была ввергнута в огонь гражданской войны, Пётр Струве писал: «…мы скажем каждому русскому юноше: России… важно, чтобы ты чтил величие её прошлого и чаял, и требовал величия для её будущего, чтобы благочестие Сергия Радонежского, дерзновение митрополита Филиппа, патриотизм Петра Великого, геройство Суворова, поэзия Пушкина… самоотвержение Нахимова, Корнилова и всех миллионов русских людей… бестрепетно, безропотно и бескорыстно умиравших за Россию, были для тебя святынями. Ибо ими, этими святынями, творилась и поддерживалась Россия… Ими, их духом и их мощью мы только и можем возродить Россию» [Струве 1991, 476].

Перед нами — «целая программа духовного, культурного и политического возрождения России» [Там же, 477], и в наше время следует помнить о нашем долге перед исторической Россией, о её высоком предназначении служить торжеству дела Божьего на земле. Н. О. Лосский в своей работе «Характер русского народа» высказывал оптимистическую надежду на возрождение христианских основ русской культуры после падения советского режима в России. «Тогда миссия русского народа, о которой говорили Достоевский и Вл. Соловьёв, будет успешно осуществляться в жизни человечества» [Лосский 1990, 51].

Лейбниц видел миссию России в просвещении нехристианского Востока. А. Тойнби считал, что спасти мир может только общая для всего человечества универсальная религия, представляя в качестве приоритетного начала «западную и православно-христианскую цивилизацию с ветвью православного христианства в России» [Тойнби 1996, 423]. П. Тиллих в своих размышлениях о России отмечал, что «Восточная Церковь — это Церковь священного мистицизма, но не Церковь с социальными или политическими идеалами» [Тиллих 1995, 368]. Шпенглер отмечал, что «религия, дошедшая до социальной проблематики, перестаёт быть религией» [Шпенглер 1998, 211], и предсказывал, что «христианство Достоевского принадлежит будущему тысячелетию» [Там же]. Розеншток-Хюсси провозглашал тезис о духовном единстве человечества: «Один Бог, один мир, один человеческий род» [Розеншток-Хюсси 2000, 489], потому что «один Человек должен быть по праву назван Богом на все времена» [Там же, 485]. К. Ясперс в своей книге «Смысл и назначение истории» проводил идею о том, что «сегодняшний мир с его сверхдержавами — Америкой и Россией,— с Европой, Индией и Китаем, с Передней Азией, Южной Америкой и остальными регионами земного шара… во всё возрастающей степени настойчиво требует политического объединения» [Ясперс 1991, 52]. Если исходить из изначального смысла греческого термина «политика» как искусства жить вместе, то «объединение людей для свершения мировой истории» [Там же] состояло бы в той грандиозной трансцендентальной цели, которая заключается в актуальном исполнении Евангелия в человеческой жизни.

В прозрениях великих мыслителей Нового времени можно увидеть исполнение профетических предсказаний В. С. Соловьёва о том, что мир должен придти к идее Церкви, а Церковь должна освятить Божественной благодатью все достижения человеческой культуры. В этом всемирно-историческом процессе на его современном этапе ведущая роль принадлежит России, и, по-видимому, будет принадлежать ей в реальном обозримом будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт 2014 — Барт К. Церковная догматика. Том III. М., 2014.
2. Бертронг 2013 — Бертронг Дж. Х. Китайская (конфуцианская) философская теология // Оксфордское руководство по философской теологии. М., 2013.
3. Гумилев 1993 — Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1993.
4. Гильдебанд 1998 — Гильдебанд Д. Новая Вавилонская башня. СПб., 1998.
5. Данилевский 2003 — Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 2003.
6. Дройзен 2002 — Дройзен И. Г. История эллинизма. Том I. История Александра Великого. СПб., 2002.
7. Дугин 2010 — Дугин А. Г. Мартин Хайдеггер. Философия другого начала. М., 2010.
8. Ильин 1992 — Ильин И. А. Наши задачи. Том I. М., 1992.
9. Конрад 1972 — Конрад Н. И. Восток и Запад. М., 1972.
10. Лихачёв 1989 — Лихачёв Д. Заметки и наблюдения. Л., 1989.
11. Лосский 1990 — Лосский Н. О. Характер русского народа. Книга вторая. М., 1990.
12. Маточкин 2017 — Маточкин А. И. Изучение ислама и арабско-мусульманской культуры в трудах российских востоковедов на рубеже XIX — XX вв. // Религиоведение. Научно-теоретический журнал. Издание Амурского государственного университета. Благовещенск, № 2. 2017.
13. Милюков 1930 — Милюков П. Очерки русской культуры. Том III. Париж, 1930.
14. Новгородцев 1991 — Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М., 1991.
15. Рикёр 2017 — Рикёр П. Философская антропология. М., 2017.
16. Розеншток-Хюсси 2000 — Розеншток-Хюсси О. Язык рода человеческого. М. — СПб., 2000.
17. Роте 1985 — Роте Г. Возникновение славянских культур и их значение в сегодняшнем мире // Славянские культуры и мировой культурный процесс. Материалы Международной научной конференции Юнеско. Минск, 1985.
18. Саблина 2000 — Саблина Э. Б. Православная Церковь в Японии в конце XIX — XX вв. и её основатель святитель Николай. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. М., 2000.
19. Соловьёв 1989 — Соловьёв В. С. Три силы // Соловьёв В. С. Сочинения в двух томах. Том 1. Философская публицистика. М., 1989.
20. Струве 1991 — Струве П. Б. Исторический смысл русской революции // Вехи. Из глубины. М.,1991.
21. Тиллих 1995 — Тиллих П. Избранное. Теология культуры. М., 1995.
22. Тойнби 1996 — Тойнби А. Дж. Постижение истории. М., 1996.
23. Троицкий 2007 — Троицкий В. П. История античной эстетики // Русская философия. Энциклопедия. М., 2007.
24. Уайтхед 1990 — Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии. М., 1990.
25. Уотсон 2017 — Уотсон П. Эпоха пустоты. М., 2017.
26. Хохлов 2009 — Хохлов А. Н. Иакинф (Бичурин) // Православная энциклопедия. Т. XX. М., 2009.
27. Чаадаев 1989 — Чаадаев П. Я. Сочинения. М., 1989.
28. Шпенглер 1998 — Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Том 2. Всемирно-исторические перспективы. М., 1998.
29. Шпет 1989 — Шпет Г. Г. Сочинения. М., 1989.
30. Ясперс 1991 — Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.
31. Baring 1911 — Baring M. The Russian people. L.: Methuen & Co.LTD, 1911.
32. Marcel 1935 — Marcel G. Etre et avoir. Paris, 1935.
33. Pares 1915 — Pares B. Day by day with the Russian Army. London, 1915.

© Саврей Валерий Яковлевич (vsvry@icloud.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ОБМЕНОВ МЕЖДУ РОССИЕЙ И КИТАЕМ

TRENDS AND PROSPECTS OF REGIONAL CULTURAL EXCHANGES BETWEEN CHINA AND RUSSIA

Yu Zhenyuan

Summary. At present, Russia and China continue to strengthen cooperation and mutual understanding. This trend is manifested in cooperation in various fields, ranging from political to cultural. A large number of cultural events that have been held both in Russia and in China in recent years give an idea of how the two states interact at this level, as well as what trends and prospects Russia and China face in the field of cultural exchanges.

Keywords: China, Russia, culture, cultural exchange, cooperation.

Юй Чжэньюань
Доктор наук, Государственный университет управления
Zhenyuan888@rambler.ru

Аннотация. В настоящее время Россия и Китай продолжают укреплять сотрудничество и взаимопонимание. Такая тенденция проявляется в кооперации в различных сферах, начиная от политической и заканчивая культурной. Большое количество культурных мероприятий, которые были проведены как в России, так и в Китае за последние годы дают представление о том, как два государства взаимодействуют на данном уровне, а также какие тенденции и перспективы стоят перед Россией и Китаем в области культурных обменов.

Ключевые слова: Китай, Россия, культура, культурный обмен, сотрудничество.

Одной из отличительных черт международных отношений в XXI веке является облегчение общения между различными группами людей, особенно молодыми специалистами в гуманитарной и других сферах деятельности. Каждый год миллионы людей участвуют в различных программах обмена, включая круглые столы, конференции, семинары, различные учебные мероприятия, что способствует развитию культурных и экономических отношений между государствами, общему научно-техническому прогрессу, совершенствованию глобальной цивилизации [1].

В наши дни интеграция России в мировое сообщество, особенно в международное образовательное пространство, очевидна: страна активно вовлечена в глобализацию и интернационализацию науки и образования, расширяются ее гуманитарные контакты, в том числе благодаря реформам и преобразованиям последних. десятилетие. Россия становится более открытой для внешних контактов и общения не только на уровне государственных органов и учреждений, но и для простых граждан, в том числе школьников, студентов, молодых специалистов. В российской высшей школе интеграционное движение в основном наблюдается в европейском направлении, азиатский вектор является многообещающим, но относительно недавним [2]. Образовательные программы и мероприятия, разработанные государственными органами для реализации внешнеполитических целей, финансируются из бюджета и представляют значительную часть международных обменов, существуют программы культурного обмена, молодежные программы сезонной занятости, добровольного движения и другие формы международного деятельность, привлечение молодежи.

Одним из крупнейших и динамично развивающихся многоплановых и многоплановых объединений среди азиатских стран, с которым Россия связывает свое будущее социально-экономическое, политическое и социокультурное будущее, является Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), созданная в 2001 году лидерами из Китая, России, Казахстана. Таджикистан, Кыргызстан и Узбекистан. Место и роль ШОС в системе глобальных международных отношений определяется ее масштабами, особенностями организационной структуры и принципами деятельности. Общая площадь стран-участниц ШОС составляет 60% территории Евразии, а общий демографический потенциал — более 1,5 млрд. Человек, то есть почти четверть мирового населения [3]. Создание ШОС является убедительным доказательством возможности многополярного глобального управления на региональном уровне и построения демократических международных отношений на основе так называемого корпоративного подхода и «шанхайского духа» с учетом интересов всех сторон, с тем чтобы преобладало разнообразие культур и традиций. Государства, объединенные в ШОС, связаны друг с другом общей историей и географическим положением, видениями и ценностями, они озабочены одними и теми же вопросами. Российская Федерация в своей внешней политике отводит особое место «дальнейшему укреплению ШОС, продвижению ее инициатив по созданию сетей партнерского общения между всеми интеграционными структурами в Азиатско-Тихоокеанском регионе». Институт международно-

го молодежного сотрудничества играет большую роль в этих инициативах. Богатый международный опыт уже доказал эффективность программ обмена в решении задач развития молодежи, формирования человеческого потенциала и молодого лидерства. Необходимо провести детальные исследования и научную рефлексию в отношении опыта ШОС в области международного сотрудничества в рамках программ международного обмена, оценить возможности и перспективы сотрудничества, проблемы и ограничения.

Культурные обмены являются важной частью всестороннего стратегического взаимодействия и партнерства между Китаем и Россией, результатом чего стали всевозможные культурные мероприятия, направленные на развитие отношений между двумя государствами.

Понятие программ культурного обмена не ограничивается наукой и образованием, в рамках разнообразия программ можно выделить несколько категорий: социокультурные программы, основными задачами которых являются знакомство с жизнью в стране, изучение иностранного языка, истории, традиций и обычаев, развенчание этнических и национальных стереотипов и предубеждений; образовательные и научные программы, направленные на получение формального профессионального образования и проведение научных исследований, в том числе на подготовку магистерских и докторских диссертаций; профессиональные стажировки, направленные на получение практических навыков и полезных для студентов и молодых специалистов, желающих расширить свои знания и получить опыт. Другая категория — программы, осуществляемые в рамках двусторонних и многосторонних соглашений в области молодежной политики и молодежной работы. В таких программах участвует социально активная молодежь, обладающая лидерским потенциалом, способная не только учиться, но и реализовывать различные практически ориентированные проекты. Различные виды программ обмена требуют различных институциональных и правовых механизмов и практик, концептуализированных в контексте различных направлений фундаментальных и прикладных исследований [4].

Президент России Владимир Путин в новогоднем поздравлении, обращенном к Си Цзиньпину заявил, что «продолжит консолидацию и укрепление китайско-российских отношений всестороннего стратегического взаимодействия и партнерства, которые будут соответствовать не только нуждам двух народов, но и современным тенденциям международной безопасности и стабильности» [5]. В целом, поддержание высокого уровня китайско-российских отношений требует, чтобы многочисленные области работ шли рука об руку. Культурный обмен является чрезвычайно важной частью такого сотрудничества.

Исторически сложилось, что русская культура произвела глубокое влияние на Китай, особенно в прошлом веке в сфере философии, литературы, кино, искусства, театра, архитектуры с целью улучшения дружбы и взаимопонимания между двумя народами. Китайская культура также любима русским народом. Так, например, Лев Толстой был поражен философскими мыслями китайского Лаоцзы. Классика китайской культуры, такая как «Аналоги Конфуция», «Тао те цзин» и «Чжуанцзы» переведены на русский язык и приняты русским обществом.

Сегодня национальные отношения на высоком уровне между Китаем и Россией заложили более прочную основу для культурных обменов между двумя странами, доведя их до беспрецедентного масштаба и уровня. Благодаря обменам китайская и русская культуры переплетаются и взаимно притягиваются. Специалисты в сфере культуры двух стран обмениваются опытом и учатся друг у друга. Благодаря этому Россия и Китай имеют более тесное духовное общение, а традиционная дружба существует уже долгое время.

Культура богата общением, и она красочна из-за двоякого переплетения русской и китайской культур. Как сказал президент Си Цзиньпин в своей важной речи в ЮНЕСКО: «Цивилизация красочна, а человеческая цивилизация имеет ценность взаимного обмена и взаимного уважения.» [6]. В последние годы культурные обмены между двумя странами достигли положительных результатов. Обе стороны последовательно проводят масштабные мероприятия на национальном уровне: Год Китая в России и Год России в Китае, Года Китайского и Русского языков, Год туризма и Год дружеского обмена молодежью стали важными площадками для культурных обменов. Также был создан Китайско-российский комитет по гуманитарному сотрудничеству, который имеет подкомиссии по многопрофильному сотрудничеству. Рабочая группа Комитета работала активно и эффективно, результатом чего стал Китайско-Российский культурный форум, который предоставил возможность профессионального обмена культурными обменами между двумя странами, а также культурные фестивали и кинофестивали, проводимые Китаем и Россией, которые так же стали культурной жизнью двух народов. Примечательно, что китайско-российский культурный центр добавит новую платформу для народов обеих стран для улучшения взаимопонимания. За четыре года с момента своей работы Культурный центр провел около 200 мероприятий и стал прекрасной визитной карточкой китайской культуры в России [7].

В начале нового года китайско-российские культурные обмены стоят на новой исторической отправной точке: обе стороны должны развиваться и вводить новшества для того, чтобы вывести культурные обмены

между двумя странами на новый уровень. Всестороннее стратегическое партнерство между Китаем и Россией будет и впредь поддерживает высокий уровень сотрудничества. Люди из всех слоев общества в этих двух странах будут продолжать работать вместе, чтобы развивать свой интеллект и далее содействовать культурным обменам, что откроет новую главу в российско-китайских отношениях.

Так, 6 сентября 2018 года артисты из Китая и России собрались в усадьбе «Волга» в северо-восточном китайском городе Харбине, чтобы устроить торжественный прием, освещающий страсть харбинцев своим классическим исполнением и оставивший неизгладимый след в дружеских обменах между народами двух стран.

Событие состоялось как в 2018, так и в 2019 году, когда были отмечены годы китайско-российского сотрудничества и обмена на местном уровне. Благодаря усилиям Си Цзиньпина и его российского коллеги Владимира Путина обмены между двумя странами были расширены и углублены, став новым направлением сотрудничества между Китаем и Россией.

«Тесное сотрудничество между китайскими и российскими артистами стало ярким событием и прорывом в российско-китайских отношениях»,— заявил Сунь Бин, директор Российско-Китайского культурного фестиваля [8].

«Хотя художники говорят на разных языках, они связаны искусством. Благодаря сотрудничеству и обмену они увидели очарование культуры друг друга. Я думаю, что это взаимное обучение также было представлено аудитории» [8],— сказал Сунь, добавив, что взаимопонимание между различными культурами улучшилось после личного общения.

Петр Казаков, российский певец, отозвался следующим образом: «Мой отец любит китайскую культуру. Благодаря ему я выучил китайский язык».

«Как певец, для меня большая честь иметь возможность содействовать взаимопониманию и обмену между людьми Китая и России через музыку» [8],— отметил он.

Китайско-российская молодежная инновационная и предпринимательская база в новом районе Харбина в настоящее время является домом для 35 китайских и российских предприятий с момента ее запуска в июне 2017 года [9].

Район предоставляет комплексную платформу для облегчения жизни и работы молодых китайских и российских предпринимателей, предлагая им легкий доступ к регистрации компаний и открытию двуязычных экспериментальных школ для облегчения обучения российских студентов.

К настоящему времени Харбин установил отношения с 6 российскими городами и установил дружеские отношения с 15 российскими областями [10]. Совместными усилиями китайско-российский локальный обмен и сотрудничество в основном достигли полного охвата как отдельных городов, так и регионов.

Китай и Дальневосточный регион России имеют быстро растущую торговлю, растущее инвестиционное сотрудничество, процветающие проекты по расширению культурных обменов.

Китай и Россия создали механизмы сотрудничества для координации развития в регионах вдоль китайской реки Янцзы и российской Волги, а также в северо-восточном регионе Китая и на Дальнем Востоке России.

Было создано более 130 провинций/областей и городов. Расширение китайско-российского сотрудничества на местах приносит плодотворные результаты [10].

«Я с нетерпением жду будущего развития отношений между Россией и Китаем» [8],— сказала солистка Турецкого женского хора Дарья Львова, которая родилась в Харбине и имеет сильную привязанность к Китаю.

«Китайский народ стремится к китайской мечте, и русский народ также твердо идет к национальному омоложению. Благодаря традиционной китайско-российской дружбе и тесному сотрудничеству у меня появится больше возможностей для реализации моей мечты» [8],— отметила она.

Формирование и развитие взаимовыгодных двусторонних культурных связей является одним из приоритетных направлений межгосударственного сотрудничества России и Китая. Этому процессу способствовал конструктивный климат двусторонних политических и дипломатических отношений, развитие торгово-экономических связей и традиционный взаимный интерес к культурному наследию обеих стран. Культурный обмен и гуманитарные связи между Россией и Китаем развивались благодаря национальному, межведомственному, региональному и трансграничному уровням.

Важное место в современных межгосударственных российско-китайских отношениях занимает сотрудничество в сфере культуры, искусства, образования и туризма. Масштабные культурные мероприятия, обмен делегациями и информацией сформировали взаимное конструктивное восприятие людей двух государств. Важность

взаимопроникновения и сотрудничества между двумя великими национальными культурами особенно заметна.

Граждане России и Китая проявили готовность к свободному общению и партнерству. Особенно развиты политические, социальные и культурные связи между регионами и народами России и Китая. Расширение и углубление различной информации в странах формируют новую базу для эффективного межгосударственного экономического, социально-политического и социокультурного сотрудничества.

Современные российско-китайские культурные и гуманитарные связи и социальные контакты становятся важным фактором обеспечения общих интересов двух народов и вносят существенный вклад в содействие миру, безопасности и стабильности в регионе и мире в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лианна Айвазян Имидж страны и международные отношения: атмосфера XXI века // 21-й век. 2010. — № 2 (14). — с. 41–56
2. Гавловская Г. В. Глобализация и россия // Проблемы экономики и юридической практики. — 2013. — № 2. — с. 247–248.
3. Расулев Алишер Файзиевич Перспективы социально-экономического сотрудничества стран — членов ШОС в условиях глобализации // Экономика региона. — 2012. — № 4. — с. 203–208.
4. Вихрова А.Ю., Юймэн В. Сотрудничество в сфере образования как форма культурного обмена между Китаем и Россией // Проблемы науки. — 2016. — № 9 (10). — С. 45–58.
5. Поздравление главам государств и правительств зарубежных стран с Новым годом // Официальный сайт Президента России URL: http://kremlin.ru/events/president/news/59625 (Дата обращения 17.10.2019)
6. Председатель КНР Си Цзиньпин нанес исторический визит в ЮНЕСКО // Сайт ЮНЕСКО URL: https://en.unesco.org/news/president-china-xi-jinping-pays-historic-visit-unesco-0 (Дата обращения 17.10.2019)
7. Кондратенко Галина Викторовна Россия и Китай в современном мире» // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. — 2017. — № 2 (39). — с. 41–42.
8. Cultural exchanges enhance China-Russia friendship // People's China URL: http://en.people.cn/n3/2018/0913/c90000–9500052.html (Дата обращения 18.10.2019)
9. Гревцева Гульсина Якуповна, Рушанин Владимир Яковлевич Россия и Китай: диалог в сфере культуры и образования // Вестник ЧГАКИ. — 2015. — № 3 (43). — с 119–126.
10. Крапчина Л. Н., Фролов Д. В. О крупнейших проектах российско-китайского внешнеэкономического сотрудничества // Молодой ученый. — 2016. — № 14. — С. 351–353.

© Юй Чжэньюань (Zhenyuan888@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Государственный университет управления

ВОЛЕВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СУБЪЕКТА ЗАВИСТИ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ[1]

Вертягина Елена Александровна
Доцент, Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов
helen_vertyagina@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования волевых характеристик субъекта зависти с учетом гендерных различий. Установлено, что внимательность мужчин и настойчивость женщин исключают проявления зависти в различных социально-психологических отношениях. У мужчин целеустремленность способствует проявлению зависти-неприязни, ответственность и внимательность исключают зависть-уныние. Волевые характеристики женщин: настойчивость, способность повторять попытки для достижения задуманного — исключают переживания зависти-уныния: обиды и отчаяния от успеха, достижений, превосходства Другого. Изучены связи волевых характеристик с завистью к отдельным предметным сферам у мужчин и женщин. Энергичность мужчин вызывает зависть к профессиональным успехам и коммуникативным навыкам Другого. Но настойчивость мужчины исключает зависть к материальному достатку. У женщин настойчивость исключает зависть к коммуникативным навыкам Другого, решительность и выдержка — к материальному достатку, самостоятельность препятствует зависти к семейному благополучию. Автор отмечает, что исследование зависти во взаимосвязи с волевыми характеристиками субъекта затрагивает содержательный аспект личности — потребности, ценности, установки, идеалы. Воля как личностный уровень произвольной регуляции в целом, и волевые свойства характера: настойчивость и внимательность, в частности,— исключают проявление зависти во внешнем стиле поведения мужчин и женщин.

Ключевые слова: зависть, зависть-уныние, зависть-неприязнь, воля, личность, социально-психологические отношения, гендерные различия, индивидуально-психологические характеристики.

STRONG-WILLED CHARACTERISTICS OF THE SUBJECT OF ENVY: GENDER ASPECT[2]

E. Vertyagina

Summary. The article presents the results of the study of volitional characteristics of the subject of envy, taking into account gender differences. It is established that attentiveness of men and persistence of women exclude manifestations of envy in various social and psychological relations. In men, purposefulness contributes to the manifestation of envy-hostility, responsibility and attentiveness exclude envy-despondency. Strong-willed characteristics of a woman: perseverance, the ability to repeat attempts to achieve the planned-exclude feelings of envy-despondency: resentment and despair from the success, achievements, superiority of another. Interrelations of volitional characteristics with envy of separate subject areas at men and women are studied. The energy of a man is jealous of the professional success and communication skills of another. But the persistence of men excludes envy of material wealth. In women, perseverance eliminates envy of the other's communication skills, determination and endurance-to material well-being, independence prevents envy of family well-being. The author notes that the study of envy in conjunction with the volitional characteristics of the subject affects the substantial aspect of the personality — needs, values, attitudes, ideals. Will as a personal level of arbitrary regulation in general, and volitional character traits: perseverance and attentiveness, in particular, exclude the manifestation of envy in the external style of behavior of men and women.

Keywords: envy, envy-despondency, envy-hostility, will, personality, socio-psychological relations, gender differences, individual psychological characteristics.

Подходы к исследованию проблемы зависти разнообразны и достаточно подробно представлены в трудах зарубежных и отечественных психологов. Понятие, виды, компоненты, функции, отдельные механизмы и детерминанты зависти обсуждаются в работах Т. В. Бесковой [4], А. И. Донцова [7], Е. П. Ильина [10], Т. К. Касумова [11, с. 522], К. Муздыбаева [12, с. 3–12], Л. С. Архангельской [1], Е. В. Золотухиной-Аболиной [8, с. 48–56], К. Ф. Седова [15, с. 46–58], Л. М. Попова, Н. В. Горшениной [13, с. 101–115], Е. Е. Соколовой [16, с. 9–14], А. Д. Розеблатт [18, с. 113–127], Р. Векчио [19, с. 201–244].

Зависть как социально-психологическое отношение к успеху (достижениям, превосходству) Другого сопро-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Социально-психологическая структура, детерминанты и механизмы регуляции зависти», проект № 18–013–00134А

[2] The study was supported by The Russian Foundation for Basic Research in the framework of the research project "Socio-psychological structure, determinants and mechanisms of envy regulation", project No. 18–013–00134 A

Таблица 1. Взаимосвязи волевых характеристик с видами зависти и ее интегративным показателем (гендерный аспект)

Виды зависти / Волевые характеристики	Мужчины (n_1=49)			Женщины (n_2=51)		
	Зависть-неприязнь	Зависть-уныние	Интегр. показатель зависти	Зависть-неприязнь	Зависть-уныние	Интегр. показатель зависти
Ответственность	0,021	-0,282*	-0,160	0,025	-0,209	-0,107
Настойчивость	-0,085	-0,041	-0,066	-0,454***	-0,335*	-0,433**
Внимательность	-0,221	-0,303*	-0,289*	0,109	-0,104	-0,003
Целеустремленность	0,289*	0,118	0,202	-0,047	-0,059	-0,059
Интегративный показатель воли	0,131	0,030	0,076	-0,224	-0,217	-0,244

Примечание: * — уровень значимости 0,05; ** — 0,01; *** — 0,001. В таблице отражены только те волевые характеристики, которые имеют значимые связи с разными видами зависти и ее интегративным показателем.

вождается комплексом негативных эмоций, осознанием своего более низкого положения, желанием прямо или косвенно нивелировать выявленное превосходство и восстановить субъективное равенство [4, с. 246]. Виды зависти, обозначенные Т.В. Бесковой, как зависть-неприязнь и зависть-уныние, отличаются следующими характеристиками. Субъект «зависти-неприязни» испытывает озлобленность, гнев, раздражение, направленные на того, кто добился большего и выражающиеся в неприязни, ненависти, враждебности к другому. Субъект «зависти-уныния» переживает обиду, досаду, грусть, отчаяние, чувствует себя неуверенным и бессильным что-либо изменить [3, с. 127–141]. Отметим, что рассмотренные виды зависти не являются статичными и могут преобразовываться друг в друга, обусловливая как конструктивные, так и деструктивные стили поведения.

Устойчивые индивидуальные особенности сознательной регуляции поведения проявляются в оценке субъектом различных сфер жизнедеятельности, социальных ситуаций, результатов межличностного взаимодействия. Волевое действие как проявление личности отражает ее направленность; совершая поступок, человек устанавливает свое отношение к другим [14]. Волевое поведение личностно детерминировано, зависит от многих личностных качеств [9, с. 136]. Различные волевые характеристики личности обусловливают проявления зависти в социально-психологических отношениях.

Целью исследования является определение волевых характеристик субъекта зависти с учетом гендерного аспекта.

В соответствии с этой целью были поставлены конкретные задачи:

1. выявить гендерные особенности взаимосвязей волевых характеристик с выраженностью разных видов зависти: зависти-неприязни и зависти-уныния;
2. изучить гендерные особенности взаимосвязей волевых характеристик с интегративным показателем зависти;
3. установить гендерные особенности связи волевых характеристик с завистью к отдельным предметным сферам.

Психодиагностическое обследование проведено с применением следующих методик: опросник «Методика исследования завистливости личности (МИЗЛ)» [3, с. 127–141], опросник «Проявление зависти и ее самооценка» [4, с. 48–53], опросник «Волевые качества личности» [17]. Обработка результатов осуществлялась с помощью метода корреляционного анализа.

Эмпирическую базу исследования составили результаты анкетирования и психодиагностического обследования 100 человек (50% женщин, 50% мужчин) в возрасте от 18 до 51 года.

Первый этап эмпирического исследования был посвящен анализу взаимосвязей волевых характеристик как с выраженностью разных видов зависти (зависти-неприязни и зависти-уныния), так и с интегративным показателем зависти (табл. 1).

Отразим выявленные взаимосвязи графически (рис. 1 и 2).

Установлены следующие гендерные особенности взаимосвязи волевых характеристик и различных видов зависти. Волевая характеристика «целеустремленность» у мужчин способствует проявлению зависти-неприязни. Хорошо осознающие собственные цели в жизни, планирующие свое время и порядок выпол-

Рис. 1. Корреляции интегративного показателя зависти с волевыми характеристиками (гендерный аспект). Примечание: Пунктирная линия свидетельствует об обратной связи, а толщина линии — о значимости связи.

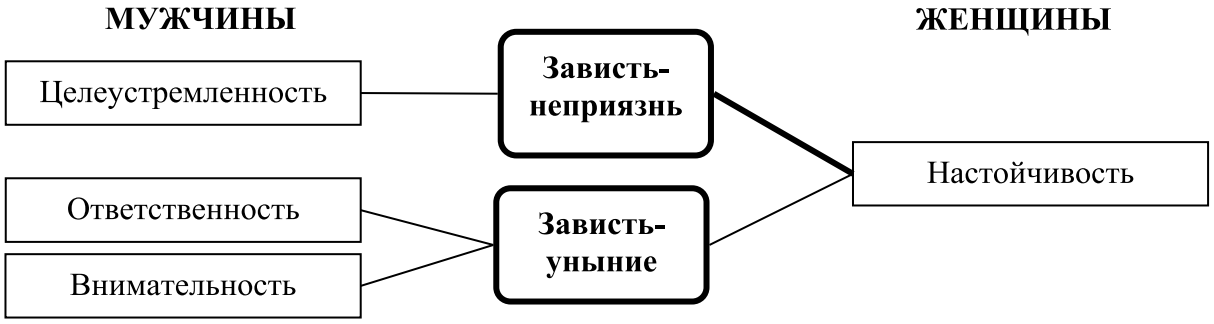

Рис. 2. Корреляции видов зависти с волевыми характеристиками у мужчин и женщин. Примечание: Сплошная линия — прямая связь, пунктирная линия — обратная связь; толщина линии показывает значимость связи.

нения дел мужчины могут испытывать озлобленность, гнев, раздражение, направленные на того, кто добился большего. Волевые характеристики: «ответственность», «внимательность» — исключают проявление у мужчин зависти-уныния. Обязательные, дисциплинированные, старательно выполняющие свои обязанности мужчины не склонны переживать обиду, досаду, грусть, отчаяние при осознании и оценке успехов Другого. Подчеркнем, что такой мужской стиль реагирования, предполагающий настойчивость, целеустремленность, активность в различных социально-психологических отношениях, исключает проявления и зависти-неприязни, и зависти-уныния.

У женщин только одна волевая характеристика препятствует проявлению зависти-неприязни и зависти-уныния — настойчивость. Стойкость в преодолении препятствий на пути к достижению цели, способность повторять попытки для достижения задуманного исключают переживания обиды и отчаяния от успеха, достижений, превосходства Другого.

Таким образом, статистически значимые отрицательные связи интегративного показателя зависти с внимательностью мужчин и настойчивостью женщин указывают, что концентрация на собственном поведении, собранность и социальная активность значительно снижают риск проявления негативного отношения к достижениям и превосходству Другого. Мотивированный на успех и преодоление препятствий субъект не склонен проявлять отрицательные эмоции, прямо или косвенно нивелировать выявленное превосходство Другого. Отметим, что волевые характеристики личности мотивируют на социально полезные достижения, снижают риск проявления зависти и соответствующих девиантных форм поведения [6]. Так, астенический тип реагирования (зависть-уныние) у девушек приводит к аутоагрессии — склонности к самоповреждающему и саморазрушающему поведению. Юноши отличаются стеническим типом реагирования (зависть-неприязнь): в поведении проявляются «юношеская горячность», агрессивность, импульсивность. Для такого стиля социальной активности характерным является желание превзойти Другого любым способом. Стремление обладать вожделенным, но недосягаемым превосходством сменяется желанием навредить ему каким-либо образом, лишить его предмета зависти, то есть желание обладать трансформируется в еще более сильное стремление отобрать, лишить, нивелировать удачу и превосходство конкурента. Именно переживание зависти-неприязни способствует форми-

Таблица 2. Взаимосвязь волевых характеристик у мужчин и женщин с завистью к различным предметным сферам

Зависть к предметным сферам / Волевые характеристики	Мужчины (n_1=49)			Женщины (n_2=51)		
	Материальный достаток	Профессиональные успехи	Умение общаться	Материальный достаток	Умение общаться	Семейное благополучие
Решительность	-0,008	0,105	0,126	-0,304*	-0,110	-0,084
Самостоятельность	-0,127	0,038	0,071	-0,230	-0,121	-0,284*
Выдержка	-0,130	0,209	0,192	-0,287*	-0,002	-0,176
Настойчивость	-0,309*	-0,057	-0,122	-0,224	-0,313*	-0,233
Энергичность	-0,057	0,289*	0,350*	0,014	0,013	0,157

Примечание: * — уровень значимости 0,05. В таблице отражены только те волевые характеристики и предметные сферы зависти, которые имеют статистически значимую взаимосвязь.

Рис. 3. Корреляции интегративного показателя зависти с волевыми характеристиками (гендерный аспект). Примечание: Пунктирная линия свидетельствует об обратной связи, а толщина линии — о значимости связи.

рованию у юношей склонности к делинквентному и аддиктивному поведению.

На **втором этапе** исследования нами анализировались связи волевых характеристик с завистью к отдельным предметным сферам у мужчин и женщин (табл. 2, рис. 3).

Изучение предметных сфер зависти позволяет затронуть мотивационную смысловую плоскость завистливости личности. Так, энергичность (активность, работоспособность, оптимизм) мужчин обусловливает их зависть к профессиональным успехам и коммуникативным навыкам Другого. Зависть к профессиональным успехам как показателю социальной и личностной самореализации, умению общаться как проявлению развитого социального интеллекта мотивирует мужчину к достижениям и саморазвитию. Но настойчивость (стойкость, способность к преодолению препятствий на пути достижения цели) мужчины исключает зависть к материальному достатку. Мужчины демонстрируют психологически зрелый, рациональный подход к собственным достижениям.

У женщин определены только отрицательные статистически значимые взаимосвязи волевых характеристик

с завистью к различным предметным сферам жизни. Так, волевая характеристика «настойчивость» исключает зависть к коммуникативным навыкам. Решительность (способность быстро и уверенно принимать решения, уверенность в правильности принимаемых решений) и выдержка (умение контролировать свои эмоции, терпеливо переносить нагрузки, справляться с монотонной деятельностью) исключают женскую зависть к материальному достатку. Самостоятельность препятствует возникновению зависти к семейному благополучию. Женщины, не нуждающиеся в постоянной психологической поддержке, стремящиеся самостоятельно принимать решения, обладающие способностью противостоять мнению окружающих, демонстрируют психологически зрелый, ответственный подход к построению межличностных отношений.

В результате проведенного исследования установлено, что волевые (ответственные, внимательные, настойчивые, уверенные в себе, решительные, энергичные) мужчины и женщины не склонны к зависти. Они старательно выполняют свои обязанности, обладают хорошим лидерским потенциалом, быстро и независимо принимают решения, обладают ясными жизненными целями и стремятся к их достижению. Внимание субъекта сосредоточено на собственных усилиях и результатах, а не на негативном отношении к успеху Другого.

Понятие «личность» отражает позицию человека в мире, обусловленную системой общих смысловых образований [5, с. 93]. Волевая регуляция обеспечивает осознанное, целенаправленное, преднамеренное, осуществляемое на основе собственного решения поведение субъекта. Такая регуляция имеет сложную систему, включает различные стадии и уровни. Волевое поведение способствует преодолению субъектом внешних и внутренних препятствий для достижения цели, снижает риск проявления зависти. Исследование предметного поля зависти как негативного осознанного социально-психологического отношения к успеху, достижениям, превосходству Другого во взаимосвязи с волевыми характеристиками субъекта затрагивает содержательный аспект личности — потребности, ценности, установки, идеалы. Воля как личностный уровень произвольной регуляции в целом, и волевые свойства характера: настойчивость и внимательность, в частности,— исключают проявление зависти во внешнем стиле поведения мужчин и женщин.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архангельская Л. С. Зависть в структуре отношений субъектов, испытывающих трудности общения: Дис. … канд. психол. наук.— Ростов н/Д., 2004.
2. Бескова Т. В. Зависть: психологическая картина и методы диагностики: Учебное пособие // Саратов, 2011.— С. 48–53.
3. Бескова Т. В. Методика исследования завистливости личности // Вопросы психологии.— 2012. № 2.— С. 127–141.
4. Бескова Т. В. Социально-психологическая структура и детерминанты зависти.— Саратов: Изд-во Саратов. гос. университета, 2013.— 324 с.
5. Братусь Б. С. Аномалии личности.— М.: Мысль, 1988.— 301 с.
6. Вертягина Е. А. Психолого-правовые характеристики субъекта зависти: гендерный аспект // Интернет-журнал «Мир науки», 2018 № 4, https://mir-nauki.com/PDF/27PSMN418.pdf (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ. (дата обращения: 22.11.2019)
7. Донцов А. И. Феномен зависти: Homoinvidens? — М., 2014.
8. Золотухина-Аболина Е. В. Зависть // Молодой коммунист.— 1989. № 7.— С. 48–56.
9. Иванников В. А. Воля как произвольная форма мотивации // Эмоционально-волевая регуляция поведения и деятельности.— М., 1986.— С. 134–136.
10. Ильин Е. П. Психология зависти, враждебности, тщеславия.— СПб.: Издательство «Питер», 2014.— 208 с.
11. Касумов Т. К. Зависть на пути к агрессии // Вестник Московского государственного открытого университета. Серия: общественно-политические науки.— 2012.— № 3 (9).— С. 5–22.
12. Муздыбаев К. Психология зависти // Психологический журнал.— 1997.— Т. 18.— № 6.— С. 3–12.
13. Попов Л. М., Горшенина Н. В. Структурно-уровневый подход к исследованию завистливости личности // Социальная и экономическая психология.— М., 2017.— Т. 2.— № 2.— С. 101–115.
14. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии.— СПб.: Издательство «Питер», 2017.— 718 с.
15. Седов К. Ф. Психология понимания и зависть // Вопросы этической психологии: Сборник научных трудов / Под ред. Т. В. Бесковой.— Саратов, 2010.— С. 46–58.
16. Соколова Е. Е. Психология зависти // Педология. Новый век.— 2002.— № 10.— С. 9–14.
17. Чумаков М. В. Диагностика волевых особенностей личности // Вопросы психологии.— 2006.— № 1.— С. 169–178.
18. Rosenblatt A. D. Envy, identification and pride // Psychoanalytic Quarterly.— 1988.— № 57.— P. 113–127.
19. Vecchio R. P. It's not Easy Being Green: Jealousy and Envy in the Workplace // Research in Personnel and Human Resources Management.— 1995.— V. 13.— P. 201–244.

© Вертягина Елена Александровна (helen_vertyagina@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОДРОСТКОВАЯ АГРЕССИЯ ПРИ МАТЕРИАЛЬНОМ БЛАГОПОЛУЧИИ И ДУХОВНОМ ОДИНОЧЕСТВЕ

ADOLESCENCE AGGRESSION WITH MATERIAL WELL-BEING AND SPIRITUAL LONELINESS

L. Gatich

Summary. In modern Sciences (psychology, sociology, pedagogy, etc.), there are practically no studies devoted to the associations between loneliness and aggression against the background of material well-being, which arise as a result of spiritual devastation. Currently, in financially secure families, the bulk of time is devoted to the intellectual development of the child and very few hours are devoted to spiritual and physical education, as a result of which destructive (maladaptive) aggressive behavior is formed.

Keywords: aggression; loneliness, spiritual development, adolescents; deviant behavior; destructive in-maintenance; education.

Гатич Людмила Викторовна
Аспирант, Российский университет дружбы народов, г. Москва
belka1690@bk.ru

Аннотация. В современных науках (психология, социология, педагогика и пр.) практически нет исследований, посвящённых ассоциациям между одиночеством и агрессией на фоне материального благополучия, которые возникают вследствие духовного опустошения. В настоящее время в материально обеспеченных семьях основная масса времени уделяется интеллектуальному развитию ребёнка и очень мало часов отводится на духовное и физическое воспитание, вследствие чего формируется деструктивное (неадаптивное) агрессивное поведение.

Ключевые слова: агрессия; одиночество, духовное развитие, подростки; девиантное поведение; деструктивное поведение; воспитание.

Агрессивное поведение в детском и подростковом возрасте связано с широким спектром таких выраженных проблем, как неприятие сверстников и психопатология. Существует связь между детской агрессией и такими более поздними нарушениями адаптации, как отсев из школы, делинквентность и употребление психоактивных веществ. Однако агрессивные дети не являются однородной или унитарной группой — агрессия многогранна в нескольких аспектах, таких как возникновение, поддержание и специфический вклад этих форм поведения в эмоциональное функционирование детей, а также в их социальные отношения. Несмотря на широкий спектр социально-эмоциональных проблем, проявляющихся у детей и подростков с высоким уровнем агрессии, не все дети ощущают на себе негативные социальные и эмоциональные последствия. Таким образом, относительно связи между агрессивным поведением и детским опытом одиночества существуют противоречивые выводы: так, например, подросток с высоким уровнем просоциального поведения может быть более социально воспринят, что, в свою очередь, будет способствовать снижению одиночества. Альтернативная модель также релевантна: переживание одиночества проявляется поведенчески в тех формах, которые затем способствуют социальному непринятию. Например, человек, который не имеет отношений и чувствует себя одиноким в школе, может быть менее мотивирован вести себя просоциально по отношению к другим. В этом случае связь между одиночеством и социальным принятием будет опосредована социальным поведением.

Одиночество — это явление, которое встречается на всех этапах жизни и является существенной проблемой для многих подростков. Одиночество в подростковом возрасте является фактором риска, который может быть связан с различными проблемами, связанными со здоровьем, физическими и психическими расстройствами. Однако в настоящее время всё чаще можно встретить вполне здоровых физически и материально обеспеченных подростков, страдающих от одиночества. В сегодняшнем динамично развивающемся мире, с растущей политической, экономической и социальной нестабильностью может оказаться все труднее отогнать чувство тревоги, депрессии или одиночества родителей, которые, обеспокоенные благосостоянием своих детей, уделяют основную массу времени трудовой деятельности и совершенно не находят времени для полноценного общения со своими детьми. В иных семьях материально обеспеченные родители, вследствие постоянных стрессов, психоэмоционального и профессионального выгорания, могут быть агрессивны по отношению к своим близким, чем провоцируют агрессию подростков. Родители стараются компенсировать нехватку времени на общение с подростком дорогими подарками и заботой в виде развивающих центров или репетиторов. Ноющее чувство неудовлетворенности жизнью в целом может ослабить психоэмоциональное состояние подростка. Ребенок, практически предоставленный сам себе и чужим людям, чувствует себя одиноким среди огромного потока информации и стремительных темпов современной жизни. Бесконтрольность влечёт за со-

бой увлечения, которые неприемлемы для воспитания: просмотр деструктивного Интернет-контента и средств массовой информации вступает в тесную корреляцию с озлобленностью на родителей, которые, по мнению подростка, стараются провести с ним минимум времени из-за того, что его не любят.

Одиночество подростка имеет два основных типа: социальное и эмоциональное. Социальное отражает фрустрацию, связанную с разрушением своей социальной сети, а также с опытом отвержения сверстниками. Эмоциональное одиночество относится к дефициту в интимных близких отношениях и межличностных связях, связано с отношениями привязанности. «Даже в обществе, при развитой социальности человека возможно социальное одиночество» [2, с. 335].

Иногда подростковая агрессия может превратиться в насилие. Школьная стрельба, взрывы смертников и самоубийства — это крайняя форма её проявления, однако, имеющая пугающую статистику среди детей школьного возраста. Агрессия может принимать и многие другие формы: разборки, издевательства, драки, бандитское соперничество, поджоги, уничтожение имущества и любой иной вид вандализма. Другие проявления агрессии включают жестокость по отношению к животным и неконтролируемые вспышки гнева или истерики дома. Каждый из этих видов агрессии свидетельствует о бездушном и бездуховном неадекватном воспитании ребенка.

Как следствие, взрослые отмечают, что их дети вырастают равнодушными или агрессивными, несмотря на все материальные блага, которые родители им предоставляли, в то время как важна непосредственно сама духовность — «свойство души, состоящее в преобладании духовных, нравственных, интеллектуальных интересов над материальными» [7]. Л. А. Клеман подчеркивает в своих научных трудах целесообразность следования нравственным заветам и приобщения к интеллектуальному труду, что позволяет сохранять человеческий облик индивида. В гармоничном единстве мышление, вера и духовно-нравственный опыт — есть условие и проявление «стройного разума» и основы духовной мудрости [5, с. 71].

Релевантно уделить внимание экзистенциальным вопросам, полагаясь на религиозные или духовные факторы, содействующие стабилизации психоэмоционального состояния подростка, ведь протяжении всей истории религия, духовность и медицинская практика были тесно переплетены.

Дефиниция «религия» происходит от латинского religare, что означает «связывать вместе» — верование человека, выражающееся в идеалах, идеях, ценностях, к которым стремится общество. «Каждый человек в своём одиночестве возвышается над родовым, общим объективированным миром, так как мир объектов никогда не может полностью вывести его из одиночества. Оно преодолевается не встречей с объектом, которая не имеет в себе метафизического потенциала, а встречей с субъектом, так как при этом возможно возникновение соборности духовной жизни. Бог и есть тот субъект, который способствует преодолению одиночества» [2, с. 71].

Духовное воспитание часто ассоциируется с религиозным воспитанием, которое ориентированно на духовное здоровье, сведение к минимуму отклонений от принятых в обществе моральных устоев и высокую оценку личности со стороны окружающих. Таким образом, духовное здоровье формирует в ребенке набор позитивных, нравственных качеств личности [3, с. 43].

«Совершенно несправедливо приравнивание культуры к духовности или представление духовности лишь как выражение культуры. Духовность есть базис, основа культуры общества и человека, поэтому так значимо духовно-нравственное становление личности в стремлении общества к духовному возрождению» [1, с. 10].

Любопытен опыт экспериментального исследования зарубежного учёного Б. Б. Дея 2018 г. [9, p. 9], подтверждающий, что подростки английской средней общеобразовательной школы демонстрировали больше агрессивных качеств, в отличие от своих сверстников из Бангла (Таиланд). Подчёркнуто, что у родителей испытуемых англичан высокое стабильное материальное положение, в отличие от родителей тайских обучающихся. Как следствие, у английских школьников было больше возможностей для саморазвития: собственные современные компьютеры, мобильные и другие сложные гаджеты, позволяющие им развиваться согласно настоящим темпам жизни, учиться, получая оперативный доступ к информации и её обработке. Однако в силу своего возраста и бесконтрольности, они чрезмерно увлекались видеоиграми, контентом из Интернета или социальными сетями. Количество игр больше всего способствовало снижению активности, что повлекло за собой более низкую успеваемость в школе и риск ожирения, в отличие от школьников из семей с худшим финансовым положением из Таиланда. Исследователи изучали связь между привычками играть в видеоигры и реальным агрессивным поведением, что дало надежные положительные корреляции между игрой в видеоигры и агрессией [9, p. 9] — деструктивное содержание игр провоцировало повышенную агрессию в реальной действительности.

Аналогичная ситуация описана в исследованиях Бушмана и Андерсона (2002), продемонстрировав, что воз-

действие жестоких видеоигр толкало испытуемых из богатых семей рассказывать о себе в агрессивной манере. В то время как обучающиеся средней школы из менее обеспеченных семей не могли получить такие средства для обучения, как школьники из элитных учебных заведений, они проявляли гораздо меньше агрессии [8].

Итак, благополучие подростков зависит как от индивидуальных, так и от контекстуальных факторов. Психическое и физическое благополучие в подростковом возрасте в целом определяется повседневными условиями, в которых растут и развиваются дети, включая различия, существующие между развивающимися и развитыми странами (материальное благополучие). Я-концепция рассматривается как фактор риска, влияющий на социальное функционирование и проблемы поведения в подростковом возрасте, которые влекут за собой различные виды патологий психического здоровья. В то же время адекватно сформированная я-концепция даже в небогатых семьях выступает в роли защитного фактора, препятствующего психологическим проблемам и способствующего общему благополучию.

Неудовлетворенность своим телом в подростковом возрасте также рассматривается как фактор риска последующего снижения самооценки, психологического благополучия и усиления симптоматики расстройств пищевого поведения, включая диеты, ожирение и депрессию. Устойчивые привязанности к родителям в младенчестве, детстве и подростковом возрасте связаны с позитивными представлениями о себе, включая высокий уровень самооценки и самоэффективности, а духовное воспитание позволяет миновать те трудности, которые деструктивно влияют на сознание подростка, его я-концепцию и восприятие собственных трансформаций в теле.

Приведём пример духовного воспитания в рамках православной педагогики, которое помогает справиться с одиночеством и агрессией в подростковом возрасте, независимо от материального положения семей.

Воспитание, ориентированное на формирование духовно-нравственных норм, должно базироваться, в первую очередь, на модели поведения родителей: независимо от того, что говорят взрослые, дети копируют именно их привычки. Например, если родители стремятся воспитывать ребёнка в рамках православной педагогики, недостаточно водить подростка на литургии, причастие и исповедь — если сами взрослые при этом не будут исповедоваться, а отправлять к духовнику только ребенка, по мере взросления подросток скопирует модель поведения своих родителей и перестанет ходить в церковь.

Когда взрослые озабоченны материальными благами, они посвящают основную часть своего времени профессиональной деятельности, вследствие чего не успевают общаться друг с другом — муж и жена теряют нить выстраивания конструктивных отношений, перестают понимать друг друга, что негативным образом сказывается на воспитании детей. Деструктивный микроклимат семьи способствует обострению подростковой агрессии. Эффективность духовного воспитания зависит от уровня гармонии внутри семьи — в православии семья как малая церковь — это, прежде всего, явление онтологическое — т.е. в основе семейных ценностей любовь между собою и жертва одного ради другого, а не ради карьеры, материальных благ, общественно-политических интересов и пр. [6, с. 395–396].

Любовь родителей между собой — это крыша над головой ребенка» [4]: нетревожные, неагрессивные дети растут в гармоничной среде, а именно, когда родители между собой в хороших отношениях и не конфликтуют. Глядя на пример взаимоотношений родителей, подросток выстраивает коммуникацию со сверстниками. Подросток, выросший в семье любящих родителей, любящими и друг друга, и его, развивается с адекватной самооценкой, поэтому легко и естественно в последующем входит в круг сверстников, отношения которых к нему будут уважительные, потому что он уважает себя [4].

Также важно давать ребёнку свободу выбора, позволять быть ему самостоятельным. Согласно религиозным аспектам православной религии, Бог сотворил человека свободным,— подчёркивает В. А. Беляева (2007).— «Свобода не дана, а задана. В православном воспитании ставится вопрос об освобождении, то есть восхождении к свободе. При таком подходе задача воспитателя помочь ребенку стать свободным. Вне развития свободы воспитание превращается в дрессировку. Развивая свободу, родители углубляют право выбора» [1, с. 26]. С учётом того, что свобода амбивалентна и может увести модель поведения подростка как в сторону добра, так и в сторону зла, стоит формировать свободу в рамках духовной модели воспитания. «Высшими ценностями в православной педагогической культуре являются: идеал Творца, добродетель, любовь (чувство стыда, жалость и благословение — по В. С. Соловьёву), свобода и совесть» [1, с. 27], чувство ответственности, забота об окружающих, в том числе, забота о психологическом комфорте людей, терпимость и терпение, противостояние таким страстям, как переедание, нарушение морально-этических норм, причинение какого-либо вреда социуму и природе.

Духовное воспитание априори подразумевает обязательное наличие наставника (в широком смысле слова — воспитателя), который постоянно должен

контактировать с ребёнком и корректировать его поведение, избавляя его, тем самым, от деструктивного одиночества, помогать типологические черты характера развивать в богоугодном и душеполезном направлении.

Подросткам периодически необходимо доверительное общение со взрослым человеком, при этом существуют некоторые аспекты, о которых ребенок не хочет по каким-либо причинам говорить со своими родителями. Задача духовника — выслушать исповедывающегося и дать мягкие наставления, рекомендации, скорректировать модель поведения. Подросток может доверить священнику какие-либо свои духовные тайны, не опасаясь огласки, получив в то же время совет взрослого опытного человека, ведь духовник — это не только религиозный деятель, но и хороший психолог, умудрённый большим житейским опытом, приобретённым согласно специфике своей деятельности.

Также в подростковом возрасте часто наблюдается тенденция считать авторитетным мнение не родителей, а чужих людей. Поведение сверстников, а также качество их взаимоотношений, являются важными коррелятами широкого спектра поведенческих трансформаций, включая психологическое, социальное и академическое развитие и благополучие. Тем не менее, в жизни подростка должно наблюдаться обязательное присутствие значимых взрослых. Адекватному духовному воспитанию содействует священник, с которым ребенок будет общаться в процессе исповеди, в воскресной школе, в паломнических поездках или после литургий, что будет содействовать более высокому уровню самооценки молодежи, а также более низкому уровню поведенческих и эмоциональных проблем.

В православной педагогике агрессия ребенка интерпретируется как грех, а не как нравственно оправданные поступки, которыми ребенок пытается обелить свое поведение в глазах окружающих и, в первую очередь, для самого себя. В каждом агрессивном поступке христианину, даже в младшем подростковом возрасте, необходимо понять, что причина его «болезненной страсти» в нём самом, а не в другом человеке (*формирование ответственности за свои поступки*), и менять нужно не саму ситуацию, а своё к ней отношение, опираясь на евангельский принцип — делать другому только то, что желаешь, чтобы делали тебе и, соответственно, не делать другому того, чего не желал бы себе [6, с. 281], например, при агрессивном ревностном отношении к младшему брату или сестре. И конечно, значительно легче реализовывать данные принципы духовного воспитания, когда о такого рода вещах можно говорить, опираясь на некоторую общность главных позиций [6, с. 280].

Агрессивные поступки ребёнка следует называть своими именами, не боясь морализаторства — если подросток совершает грех, его следует интерпретировать соответствующим образом, чтобы у ребенка формировались четкие границы добра и зла. Самое главное при этом: не отождествлять подростка с совершённым им греховным поступком — «возлюби ближнего своего как самого себя» (Мф. 22, 39). А именно, любовь человека к самому себе заключается в том, что собственную греховность он очень хорошо понимает, но свою личность к грехам не сводит — несмотря на все свои проступки, человек продолжает себя любить, жалеть и желать себе спасения, молиться об этом Богу и просить его снисхождения и снисхождения окружающих, то же самое должно быть и в отношении к ребенку. Не следует, например, говорить: «ты жадный», «ты агрессивный», релевантно заменить фразы на такие, как: «ты ведёшь себя как жадный / агрессивный человек», «ты совершил жестокий поступок, ударив младшего брата» и пр. [6, с. 283].

В православии одиночество интерпретируется как уныние, которое является большим грехом. Считается, что уныние возникает, если человек неусердно молится или не молится вообще. Молитва — разговор с Богом — априори избавляет человека от чувства какого-либо одиночества, в том числе, и социального. Чтобы подросток укрепился в вере в то, что молитва действительно помогает, рекомендовано съездить с ним на несколько дней в монастырь, где люди по жизни, по быту и по сугубо внешним обстоятельствам находятся в неизмеримо более стеснённых и суровых жизненных условиях, с более низким материальным положением, но при этом очень радостные, бодрые, каковыми являются монахи во всех монастырях. Видение того, что молитва — это не пустые слова, а внутреннее наполнение жизни и души человека смыслом, позволяет искоренить чувство одиночества, уныния и не даёт развиться комплексам [6, с. 287], при этом корректируя отношение к материальным благам и избавляя от зависимости от них. Духовное воспитание не позволяет новым тенденциям рынка управлять человеком, поэтому подросток не страдает, не обналичивает в отношении родителей агрессивное поведение, если в его пользовании отсутствует последняя модель айфона или другая дорогостоящая вещь.

Чувство одиночества, независимо от материального состояния, формирует в ребёнке комплексы, которые с позиции Церкви трактуются как определённого рода защитные реакции, связанные в основном с отрицательной самооценкой. Поскольку подросток ощущает некоторую нереализованность, недовостребованность и недооценённость окружающими, у него включаются защитные механизмы (в связи с ущемлённым тщесла-

вием): добровольное одиночество и агрессия. В данной ситуации родителям следует помочь подростку в семейной, в церковной, в общественной жизни полноценно реализовать те свойства души, которые в определённом жизненном контексте могут действительно обернуться комплексами. Так как одиночество в основном свойственно людям при уступчивом и мягком характере, стоит помочь реализоваться подростку в стремлении к тихой и благочестивой жизни не как к вынужденному укрытию от мира, в котором ничего не складывается, а как к самостоятельной ценности [6, с. 289].

Вывод

Секулярное сознание существенно снизило важность духовного воспитания, при этом материальные блага не способны его компенсировать, а, напротив, иногда деструктивно влияют на развитие личности. Современное общество обращается вновь к многовековым истинам, базирующимся на религиозном воспитании своих детей, которое помогает сформировать гармонично развитую уверенную в себе личность, ответственную за свои поступки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляева, В. А. Духовно-нравственное воспитание личности в школе и вузе: монография / В. А. Беляева, А. А. Кухтин; Федеральное агентство по образованию, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Рязанский гос. ун-т им. С. А. Есенина». — Рязань: Рязанский гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2007. — 138 с.
2. Герт, В. А. Целостность и субъектность индивидуального бытия человека: дисс. … доктора философских наук: 09.00.13 / Герт Валерий Александрович; [Место защиты: Челяб. гос. ин-т культуры]. — Екатеринбург, 2016. — 381 с.
3. Духовность личности и ее роль в принятии морально-нравственного решения [Текст]: [монография] / [Н. Б. Карабущенко, А. В. Иващенко, Т. В. Чхиквадзе, Т. С. Пилишвили]. — М.: Российский университет дружбы народов, 2016. — 222 с.
4. Зотова, Л. Д. Семейные шпаргалки-2 [Текст]: по страницам передач цикла «Семья» радио «Град Петров» / Людмила Зотова, Тамара Клещунова. — Санкт-Петербург: Радио «Град Петров», 2011. — 317 с.
5. Келеман, Л. А. Философия интеллигентности / Л. А. Келеман; Федеральное агентство по образованию, Ставропольский гос. ун-т. — Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2006. — 226 с.
6. Козлов, М. Последняя крепость. Беседы о семейной жизни. — М.: Изд-во храма святой мученицы Татианы, 2004. — 432 с.
7. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского язык: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова; Российская акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. — 4-е изд., доп. — Москва: ИНФОТЕХ, 2009. — 938 с.
8. Bushman, B.J. (2002) Methodology in die study of aggression: Integrating experimental and nonexperimental findings. / B. J. Bushman, C. A. Anderson // In R. Geen & E. Donnerstein (Eds.), Human aggression: Theories, research, and implications for social policy. San Diego, CA: Academic Press. — Pp. 23–48.
9. Dey, B.K. (2018) Loneliness and Aggression of the Adolescents in Chittagong / B. K. Dey // The Chittagong University J. of Biological Science. — Pp. 1–11.

© Гатич Людмила Викторовна (belka1690@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский Университет Дружбы Народов

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ВРАЧА И ПАЦИЕНТА ДРУГ О ДРУГЕ КАК ФАКТОР НАПРЯЖЕННОСТИ В ИХ СИСТЕМЕ ОТНОШЕНИЙ

FEATURES OF SOCIAL PERCEPTIONS OF A DOCTOR AND A PATIENT ABOUT EACH OTHER AS A FACTOR OF TENSION IN THEIR RELATIONSHIP SYSTEM

M. Glavatskikh
T. Pomytkina

Summary. in this study, it was found that the doctors' ideas about a real and ideal patient are contradictory. Opposite characteristics are present in them: "responsible — irresponsible", "restless — calm", "patient recovering", "obedient — demanding", which may interfere with the constructive interaction of the doctor with the patient. The presence of negative perception of the patient by the doctor is the basis for non-constructive interaction, a kind of setting on the negative image of the patient, waiting from the patient for negative emotions, which can predeterminate the whole process of communication. In patients "perceptions of the doctor there are opposite characteristics of" evil — good. " The perception of patients that the doctor is angry, irritable and aggressive diverge from their ideal way of doctor "kind" and "attentive," and this prevents the patient from constructive interaction with the doctor. The doctor and patient 's submissions revealed differences in the qualities of "responsibility and" performance, "which also creates a contradiction in the conflict of expectations. The doctor shares responsibility with the patient, but the patient is ready to be only a performer in the system of relations with the doctor. The prevalence of professional qualities in doctors "perceptions of" Ideal Doctor "has been revealed, while a group of patients in" Ideal Doctor "perceptions highlight communicative qualities.

Keywords: conflict, social representations, image of a doctor, image of a patient, tension factors, system of relations "doctor-patient".

Главатских Марианна Михайловна
К.псх.н., доцент, ФГБОУ ВО «Ижевская государственная медицинская академия» Министерства здравоохранения Российской Федерации
ni-hao@mail.ru
Помыткина Татьяна Юрьевна
К.псх.н., ФГБОУ ВО «Ижевская государственная медицинская академия» Министерства здравоохранения Российской Федерации
lampa27–3@mail.ru

Аннотация. в настоящем исследовании было выявлено, что представления врачей о реальном и идеальном пациенте противоречивы. В них присутствуют противоположные характеристики: «ответственный — безответственный», «беспокойный — спокойный», «больной- выздоравливающий», «послушный — требующий», что может препятствовать конструктивному взаимодействию врача с пациентом. Наличие негативного восприятия пациента врачом является основой для неконструктивного взаимодействия, своеобразной установкой на негативный образ пациента, ожидание от пациента негативных эмоций, что может предопределить весь процесс коммуникации. В представлениях пациентов о враче присутствуют противоположные характеристики «злой — добрый». Представление пациентов о том, что врач злой, раздражительный и агрессивный расходятся с их идеальным образом врача «добрый» и «внимательный», и это препятствует конструктивному взаимодействию пациента с врачом. В представлениях врача и пациента выявлены различия в качествах «ответственность и «исполнительность», что также рождает противоречие в конфликте ожиданий. Врач разделяет ответственность с пациентом, пациент же готов быть только исполнителем в системе отношений с врачом. Выявлено преобладание профессиональных качеств в представлениях врачей об «Идеальном враче», в то время как группа пациентов в представлениях об «Идеальном враче» выделяет коммуникативные качества.

Ключевые слова: конфликт, социальные представления, образ врача, образ пациента, образ пациента, факторы напряженности, система отношений «врач-пациент».

Актуальность и необходимость исследования проблемы конфликтного взаимодействия в системе отношений «врач-пациент» определяется не только трудностями и проблемами в реализации реформы здравоохранения, но и кризисом общественного сознания и социальными проблемами общества в целом. Общество в лице государства определило переход к пациент-ориентированному общению врача и пациента, однако, как отмечает Лига защиты пациентов, наиболее частая причина обращения пациентов — «неумение или нежелание врача разговаривать с пациентом».

Конфликт в системе отношений «врач-пациент» актуален и тем, что затрагивает самые базовые потребности личности, что придает ему быструю эскалацию, остроту взаимодействия, и широкий общественный резонанс. В то же время, как замечает Бендюков М. А. [2], трудовые конфликты в отечественной психологии изучаются прежде всего в рамках социологии, а психология изучает конфликты в таких специфических отраслях как педагогика, правоохранительные органы, пенитенциарная система, спортивные команды. Конфликты в системе здравоохранения требуют своего психологического подхода.

В отечественной психологии конфликт представляет собой сложное социально-психологическое явление, не имеющего однозначного определения. Свои определения конфликта предлагали Б. И. Хасан, А. И. Шипилов и А. Я. Анцупов, Н. В. Гришина и В. П. Шейнов. Представленные ими определения конфликта отличаются обобщенностью и формализованностью описываемых моделей конфликта, что было необходимо на первоначальном этапе развития конфликтологии для создания универсальной модели конфликта, позволяющей описать структуру и динамику конфликта, но не учитывающей содержательную, собственно психологическую составляющую конфликта, которые при рассмотрении конкретного конфликтного взаимодействия, обусловленного профессиональной деятельностью могут существенно влиять на его развитие и урегулирование.

Это проблема решается в онтологическом подходе, где по мнению Леонова Н. И. [9] специфика конфликтного поведения определяется представлениями субъекта о конфликтной ситуации. А представления как научная категория уже является предметом собственно психологии. Так, влияние особенностей восприятия и интерпретации поведения человека в конфликте, самой ситуации на характер взаимодействия и исход конфликтной ситуации изучали Л. А. Петровская [14], Н. В. Гришина [7], М. М. Главатских [6,10]. С. Московиси [11] определял социальные представления как специфический способ понимания и коммуникации, представления как порождаются в результате коммуникации, так и облегчают процесс коммуникации. Как отмечает Бовина И. Б. [3] социальные представления ориентируют личность в социальной ситуации взаимодействия и оправдывают социальные отношения, облегчают процесс конструирования и поддержания социальной идентичности. Исследования Емельяновой Т. П. [8] также показали, что в условиях социальной нестабильности социальные представления могут выполнять функцию стабилизации эмоционального состояния членов отдельных социальных групп.

В разрезе социально-психологических характеристик современных взаимоотношений «врач-пациент» представляется актуальным изучение социальных представлений (образов) врача и пациента друг о друге как представителей социальных групп. Знание и учет врачом имеющихся представлений у пациента «идеального врача» будет способствовать установлению психологического контакта между ними, повышению эффективности взаимодействия, снижения напряженности и конфликтности.

В исследовании, проведенным Ташлыковым В. А. [13] в 1974 году были выявлены представления пациентов об образе «идеального врача». Наиболее важными оказались следующие (в порядке убывания) личностные качества врача: ум, увлеченность работой, внимательность, чувство долга, терпеливость, чуткость, интуиция, серьезность, доброта, чувство юмора. Ташлыков В. А. отмечает, что для большинства пациентов в образе врача обобщается личный опыт взаимодействия с рядом авторитетных для него лиц в разные периоды жизни. В исследованиях А. С. Георгиевского и Н. С. Боброва [5] самыми важными были признаны такие качества, как уважительность, внимание к пациентам, любовь к профессии, доброта, вежливость, душевность, т.е. коммуникативные черты.

В работах Грандилевской И. В., Буриной Е. А., Буцениной И. И. [4] выявлялись представления врачей об образе «идеального пациента». По результатам их исследований медицинские работники хотели бы видеть в «идеальном» пациенте черты, присущие им самим. Врачи, обладающие реалистичной базой суждений относительно себя и окружающих, готовы к возможной критике со стороны «идеального» пациента. Доктора же, ориентирующиеся на сотрудничество, ожидали бы от него тех же стремлений.

Учитывая, что социальные представления врача и пациента могут быть причиной напряженности, порождать конфликт ожиданий, обоснованным является выявление социальных представлений об образе реального и идеального врача и реального и идеального пациента со стороны обеих социальных групп. Их соотношение позволит выявить точки соприкосновения и противоречия в представлениях данных социальных групп друг о друге.

Цель исследования

Изучение противоречий в социальных представлениях о «реальном-идеальном враче» и «реальном-идеальном пациенте» в социальных группах врачей и пациентов. В исследовании приняло участие 77 врачей и 86 пациентов различных лечебных учреждений г. Ижевска.

Методы исследования

Как выражение человеческой субъективности, социальные представления обладают свойством активности: создают основу для ожиданий, направляют познание субъекта окружающей действительности, определяют поведение. Изучение моделирования социальных представлений включает методы изучения развития, формирования и изменения этих смысловых систем. В данной исследовательской работе применялся метод свободных ассоциаций, который относится к малоструктурированным методам. Малоструктурированные методы — косвенные способы изучения социальных представлений

посредством изучения представления о других людях (родителях, учителях, руководителях, значимых людях) или ситуациях. В них отражается социальное знание, которое формируется в процессе восприятия и познания значимых других людей в контексте социальной ситуации взаимодействия. Исторические основы данного метода находятся в психоаналитической парадигме исследования, где сбор информации и анализ свободных ассоциаций — известная техника для того, чтобы понять бессознательную часть структуры психики. Кроме того, подобные методы применялись для изучения представлений о себе. Например, методика М. Куна «Кто Я».

Данный метод позволяют собрать богатый материал, который может быть качественно и количественно проанализирован [12, 3]. Данный метод сохраняет многие преимущества анкет и опросов, например, их формальный характер и способность собрать большое количество измеряемых данных. Полученные ассоциации анализируются с целью объяснить и точно описать социальные представления по четырем параметрам: семантическое содержание социального представления, социальные понятия, лежащие в основе организации семантического содержания, характеристики семантической области и центральное ядро. Получение знания об этих четырех аспектах социального представления важны, чтобы понять его структуру и содержание [1]. Ассоциации, которые являются самыми характерными для социального представления и называются в первую очередь входят в ядро социальных представлений и составляют концептуальные основы мнения опрашиваемых о феномене.

Результаты исследования

В структуре социальных представлений можно выделить ядро анализируемых понятий — стереотипы, имеющие наибольшее распространение в социальной группе.

В структуре социальных представлений врачей ядро понятий составляют качества:

«Пациент»: нудный, беспокойный, растерянный, злой, плаксивый, безответственный, послушный, требующий, аккуратный, понимающий, требующий, аккуратный, понимающий, приветливый, контактный, наглый, больной

«Идеальный пациент»: приветливый, контактный, спокойный, выздоравливающий, послушный, понимающий, ответственный, любознательный, щедрый, внимательный.

«Врач»: интеллигентный, образованный, аккуратный, чуткий, внимательный, опытный, ответственный, доброжелательный.

«Идеальный врач»: образованный, доброжелательный, опытный, интеллигентный, внимательный, чуткий, ответственный, начитанный

Представления врачей о реальном и идеальном пациенте противоречивы. В них присутствуют противоположные характеристики: «ответственный — безответственный», «беспокойный — спокойный», «больной- выздоравливающий», «послушный — требующий», именно они составляют источник противоречия в конфликте ожиданий врача и препятствует конструктивному взаимодействию врача с пациентом. Выявлены совпадения в качествах «понимающий», «контактный», что является предпосылкой для конструктивного взаимодействия врача и пациента. Подтверждает идею о конфликте ожиданий и то, что «Идеальный пациент» наделен в представлении врача положительными качествами: ответственный, приветливый, послушный, понимающий, контактный.

У пациентов ядро представлений составляют следующие качества:

«Пациент»: аккуратный, ведомый, послушный, веселый, ворчливый, грустный, изможденный, исполнительный, надоедливый, страдающий, требующий, тревожный, отзывчивый, рассудительный, нудный

«Идеальный пациент»: послушный, вежливый, доброжелательный, добрый, здоровый, некурящий, непьющий, уравновешенный, спокойный

«Врач»: адекватный, внимательный, грамотный, образованный, добрый, злой, раздражительный, опытный, ответственный, тактичный, вежливый

«Идеальный врач»: адекватный, аккуратный, внимательный/заинтересованный, добрый, заботливый, опытный, самоотверженный, бескорыстный, вежливый, тактичный, надежный, заслуженный.

Представления о «Пациенте» у пациентов, так же как и у врачей, окрашено преимущественно в негативные тона: больной, тревожный, эмоциональный, требующий, грустный. «Идеальный пациент» вежливый, здоровый, послушный, спокойный, терпеливый. Таким образом, представления пациентов и врачей содержат противоречие в качествах реального и идеального образа пациента. «Пациент» и «идеальный пациент» описываются противоположными понятиями больной-здоровый и тревожный — спокойный. По данным противоречивым качествам представления врачей и пациентов совпадают. Однако есть качества «ответственность» и «исполнительность», которые отличаются в представлениях врача и пациента. Именно они могут составлять противоречие

Таблица 1. Представления врачей и пациентов об идеальных образах друг друга

	Врачи	Пациенты
«Идеальный врач»	Образованный Доброжелательный Опытный Интеллигентный Внимательный Чуткий Ответственный Начитанный	Адекватный Аккуратный Внимательный/заинтересованный Добрый, заботливый Опытный Самоотверженный, бескорыстный Вежливый, тактичный Надежный, заслуженный
«Идеальный пациент»	Приветливый Контактный Спокойный Выздоравливающий Послушный Понимающий Ответственный Любознательный Щедрый Внимательный	Послушный Вежливый/доброжелательный Добрый Здоровый, некурящий.непьющий Уравновешенный, спокойный

Таблица 2. Представления врачей и пациентов друг о друге

	Врачи	Пациенты
«Врач»	Интеллигентный Образованный Аккуратный Чуткий Внимательный Опытный Ответственный Доброжелательный	Адекватный Внимательный Грамотный, образованный Добрый Злой, раздражительный Опытный Ответственный Тактичный, вежливый
«Пациент»	Нудный, ноющий Беспокойный Растерянный Злой Плаксивый Ответственный Безответственный Послушный Требовательный Аккуратный Понимающий Приветливый Контактный Наглый Больной	Аккуратный Ведомый, послушный Веселый Ворчливый Грустный Естественный Изможденный Исполнительный Надоедливый Страдающий Требующий Тревожный Отзывчивый Рассудительный Нудный

в конфликте ожиданий. Врач разделяет ответственность с пациентом, пациент же готов быть только исполнителем в системе отношений с врачом.

Особого внимания при разработке программ, снижающих напряженность в системе отношений врач-пациент требует тот факт, что врач представляет себе пациента в негативных качествах, а именно наглым, безответственным, требующим, плаксивым, нудным, ноющим, больным. В то же время пациент представляет себе «Врача» преимущественно в положительных качествах.

Представления врачей о «Враче» и «Идеальном враче» по многим качествам совпадают: доброжелательность, ответственность, чуткость, опыт, интеллигентность характеризуют и «Идеального врача» и «Врача». В то же время, отсутствие различий в представлениях о «Враче» и «Идеальном враче» может говорить об отсутствии критично-

сти социальной группы врачей в отношении себя в реальных коммуникациях профессиональной деятельности.

В представлениях пациентов о враче присутствуют противоположные характеристики «злой — добрый». Добрый, внимательный — эти качества совпадают в представлениях пациентов о «Враче» и «Идеальном враче». Представление пациентов о том, что врач злой, раздражительный и агрессивный расходятся с их идеальным образом врача «добрый» и «внимательны», и это препятствует конструктивному взаимодействию пациента с врачом. Необходимо заметить, что в представлениях врачей не имеется в представлениях о себе таких негативных характеристик. Именно эти качества составляют противоречие в конфликте ожиданий пациентов.

В обеих социальных группах имеются схожие представления об идеальном враче и идеальном пациенте (таблица 1).

Однако в представлениях врачей об «Идеальном враче» прослеживается преобладание профессиональных качеств (опытный, образованный, начитанный), в то время как в образе «Идеального врача» у пациентов преобладают коммуникативные качества (внимательный, вежливый, чуткий, добрый, заботливый). В реальной жизни это подтверждается врачебной позицией: «Вы хотите грамотного специалиста, который не будет делать вам реверансов, но спасет вам жизнь или приятного в общении, но некомпетентного специалиста?». Такая позиция не способствует конструктивному диалогу, так как в ней противопоставляются два профессионально важных качества, которые общество в лице пациента хочет видеть у врача. А нежелание врачебного сообщества развивать коммуникативные навыки становится источником конфликтного взаимодействия с пациентами.

То, что источник конфликтности во взаимодействии врача и пациента находятся в области их коммуникации, подтверждает и тот факт, что пациенты в своих представлениях о враче включают профессиональные качества (таблица 2) при отрицательных коммуникативных качествах: «злой» и «раздражительный».

Выводы

Выявленное ядро социальных представлений «врач/идеальный врач» и «пациент/идеальный пациент» врачей и пациентов позволяет выделить психологические причины возникновения напряженности в системе отношений «врач-пациент», противоречие, лежащее в основе конфликта ожиданий. При этом негативное восприятие пациента врачом является основой для неконструктивного взаимодействия, своеобразной установкой на негативный образ пациента, ожидание от пациента негативных эмоций, что может предопределить весь процесс коммуникации. Аналогично и представления пациентов о том, что врач злой, раздражительный и агрессивный (идеальный образ «добрый» и «внимательный») препятствует адекватному взаимодействию пациента с врачом.

Наличие положительных качеств «приветливый», «понимающий», «контактный» в представлениях врача об «Идеальном пациенте» и «Пациенте» может стать предпосылкой для конструктивного взаимодействия врача с пациентом даже в условиях объективных противоречий.

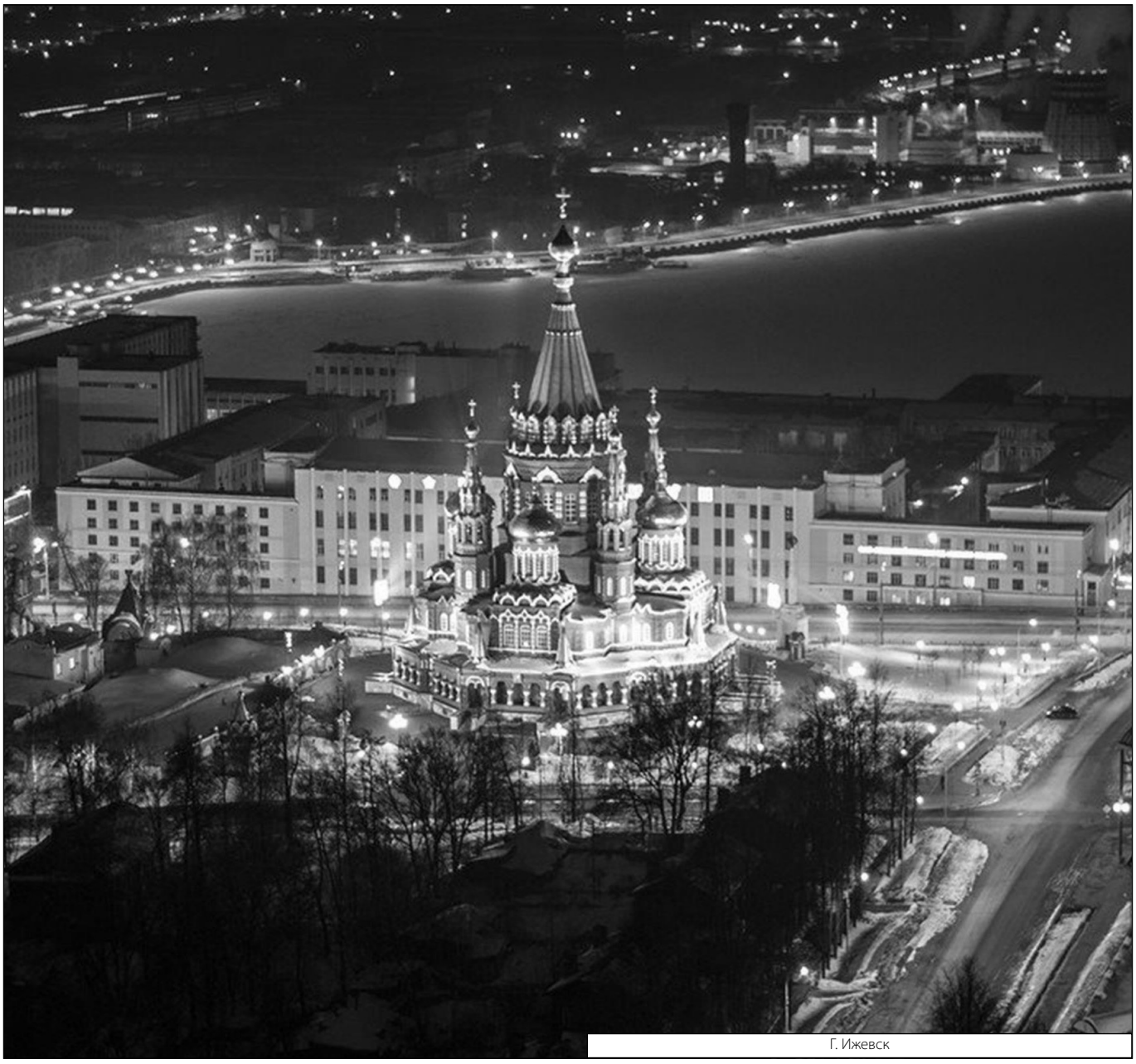
Выявлено преобладание профессиональных качеств в представлениях врачей об «Идеальном враче», в то время как группа пациентов в представлениях об «Идеальном враче» выделяет коммуникативные качества. Данный факт свидетельствует о высокой потребности пациента во внимательном, доброжелательном враче, конструктивном диалоге. Современная реальность настоятельно требует развития у врачей навыков эффективного коммуникативного взаимодействия. Изменяя свое поведение в ходе взаимодействия с пациентом, врач может повлиять на поведение пациента по мере развития взаимодействия и в итоге изменить представления пациента о враче, что в свою очередь изменит его поведение и повлияет на представления врача о пациенте. Оставаясь на позиции развития только профессиональных качеств врачебное общество рискует усугубить пропасть негативных представлений как пациентов о врачах, так и врачей о пациентах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Abric, J.-C. (ed.) (1994). M´ ethodologie de recueil des repr´ esentations sociales, Pratiques sociales et repr´ esentations. Paris: Presses Universitaires de France.
2. Бендюков М. А. Психология трудового конфликта: учеб. пособие. — СПб.: Петербургский гос. ун-т путей сообщения, 2011
3. Бовина И. Б. Социальные представления о здоровье и болезни: структура, динамика, механизмы Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук. М., 2009. — 48 стр.
4. Буценина И.И., Бурина Е. А., Грандилевская И. В. Психологические особенности врачей-гематологов и образ их «идеального» пациента.//Интерактивная наука — 2016 https://interactive-science.media/ru/keyword/98712/articles
5. Георгиевский А. С. Проблема гуманизма в медицине // Общество и здоровье человека / А. С. Георгиевский, Н. С. Бобров. — М., 1973 — С. 300–314.
6. Главатских М. М. Взаимосвязь образа конфликтной ситуации с поведением в конфликте: дис. — Ярославль, 2003.

7. Гришина Н. В. Психология конфликта. СПб.,2000.
8. Емельянова Т. П. Социальное представление — понятие и концепция: итоги последнего десятилетия // Психологический журнал. 2001. Т. 22. No. 6. С. 39–47.
9. Леонов Н. И. Конфликтология: учеб. пособие //М.: МПСИ.— 2006.
10. Леонов Н. И., Главатских М. М. Психология социального мира Ижевск.— 2006.
11. Московичи С. Методологические и теоретические проблемы психологии // Психологический журнал, 1995, том 16, № 2.— С. 3–14
12. Реверчук И. В., Главатских М. М., Миклин Д. Н. Применение психосемантических методов в диагностике психоэмоционального статуса ближайших родственников онкобольных //Электронный научно-образовательный вестник «Здоровье и образование в XXI веке».— 2018.— Т. 20.— № . 5.
13. Сидоров П.И., Парняков А. В. Введение в клиническую психологию в 2-х т.//Под редакцией профессора В. В. Макарова. Екатеринбург: Деловая книга, 2000 http://medbookaide.ru/books/fold1002/book2105/p83.php
14. Социальная психология: Хрестоматия: Учебное пособие для студентов вузов/Сост. Е. П. Белинская, О. А. Тихомандрицкая.— М: Аспект Пресс, 2003

© Главатских Марианна Михайловна (ni-hao@mail.ru), Помыткина Татьяна Юрьевна (lampa27–3@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Ижевск

АУТОКОМПЕТЕНТНОСТЬ ПЕДАГОГА И ПРАКТИЧЕСКОЕ НАСТАВНИЧЕСТВО. АКМЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

TEACHER'S AUTO COMPETENCE AND PRACTICAL MENTIVITY. ACMEOLOGICAL EXAMINATION IN MODERN EDUCATION

M. Grigorian

Summary. The article discusses the problem of the teacher's autocompetence in the framework of practical acme mentoring. The author approaches the discussion of this problem by implementing the method of acmeological expertise to maintain the experience of acme mentoring in modern teaching practice. The article reveals the essence of the teacher's autocompetence from the perspective of the basic concepts of mentoring. The results of indicators of the mental states of teachers-mentors in various fields at the intermediate and final stage of acmeological examination are given.

Keywords: teacher, practical mentoring, autocompetence, acmeological examination, modern education, professional activity, professional self-realization.

Григорьян Марина Робертовна
Соискатель, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС); Генеральный директор, ООО «Акмеоника»
marinapobeda@bk.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема аутокомпетентности педагога в рамках осуществления практического акме-наставничества. Автор подходит к обсуждению данной проблемы путем реализации метода акмеологических экспертиз для создания и сохранения опыта акме-наставничества в современной педагогической практике. В статье раскрывается сущность аутокомпетентности педагога с позиций основных концептов наставнической деятельности. Приведены результаты показателей психических состояний педагогов-наставников в различных областях на промежуточном и итоговом этапе акмеологической экспертизы.

Ключевые слова: педагог, практическое наставничество, аутокомпетентность, акмеологическая экспертиза, современное образование, профессиональная деятельность, профессиональная самореализация.

Современная образовательная парадигма, предопределяющая принцип непрерывного образования — обучение в течение всей жизни — акцентирует внимание на некоторых аспектах преобразования ценностно-смысловых установок в профессиональной деятельности. К таким преобразованиям относят: ценности самопознания и самоактуализации в профессиональной деятельности в рамках «спроса» на высокий уровень компетентности, работоспособности, мобильности, способности ориентироваться в изменяющихся условиях и обновляющихся требованиях и т.д.

Одним из наиболее важных аспектов профессионального саморазвития в условиях современных реалий является развитие возможностей и потенциала личности, то есть, уровня субъективного сознания личности к преодолению профессиональной деструкции. Личность высокого уровня развития субъективного сознания, то есть способная удерживать высокий уровень компетентности на основе постоянно обновляющегося опыта и привлечения нового практического, а также теоретического знания в область профессиональной деятельности характеризуется особой спецификой, которая проявляется в сформированности аутокомпетентности профессионала, т.е. специалиста, способного к поддержанию и совершенствованию такого уровня профессионального саморазвития, который позволяет сохранять высокий интерес к профессии, способность самоидентификации в профессиональной деятельности, а также обладать критическим мышлением, обусловливающим успешность рефлексии, самооценки и самопроверки себя в деятельности [1].

Аутокомпетентность, как базовая характеристика развивающейся личности, как феномен инновационного общества определяет ценность любой профессии на современном этапе социально-экономического и социокультурного развития. Однако, особую ее значимость необходимо подчеркнуть в области педагогической деятельности, так как целью педагогического процесса есть формирование и развитие личности подрастающего поколения через постоянное положительное и направленное влияние, через личность педагога и акме-наставника.

Смена образовательной парадигмы в свое время определила некоторую степень упраздненности роли педагога в образовательном процессе, что было вызвано преобразованиями в учебной деятельности обучающихся, наметив в ней большой объем самостоятельной

исследовательской деятельности. Поначалу роль педагога утратила ряд функций, отвечающих за передачу того объема знаний, который был определен рамками учебной программы. Однако, тем не менее, в скором времени стали ясно прослеживаться иные императивы педагогической деятельности, заключающиеся в значимой руководящей и направляющей роли педагога. Это предопределило необходимость формирования аутокомпетентности как аккумулирующей базы знаний, умений и специфики направленного практического опыта, который сам по себе представляет огромную ценность в стремительно развивающихся временных событиях современности. Это должно было послужить своеобразным толчком для педагогов различных областей образования (основного, дополнительного, высшего и пр.) для реактуализации профессионального мастерства в условиях современных социокультурных реалий в рамках совершенствования сопровождающей и направляющей деятельности в образовании.

Выявление возможностей института «акме-наставничества», как одного из основных путей профессионального роста и предотвращения профессионального выгорания привело к концептуально новому пониманию значимости личности педагога способного сопровождать и регулировать процесс становления на совершенно ином индивидуальном уникальном уровне. Эта проблематика на сегодняшний день является оной из наиболее дискутируемых в области психолого-педагогических исследований [2; 3; 4; 5].

Формирование методической базы акме-наставничества, разработка ее новейших методик и практическое внедрение в сферу образования требует достаточно длительного времени. Однако, ситуация в педагогике и в образовании в целом, доказывает, что преодолеть сегодняшний кризис возможно только благодаря воспитанию специалистов (как специфической антикризисной меры), обученных акме-наставнической деятельности. В ходе становления этого опыта происходит совершенствование профессиональных компетенций до наиболее высокого уровня, в связи с чем акме-наставник может достаточно оперативно реагировать и ощущать всевозможные отклонения в подготовке, отмечать необходимые для поощрения моменты в образовательном маршруте курируемого обучающегося и многое другое. С одной стороны, наставническая деятельность стала огромной нишей в контексте новопарадигмальных трансформаций в системе образования, стали востребоваться различные модели наставничества, связанные с вхождением в жизнь инноваций, а, с другой, определила специфическую длительность пути, обусловленную востребованностью аутокомпетентности педагога при создавшейся недостаточной подготовке высококвалифицированных специалистов [6].

Этот феномен современности востребовал необходимость разработки новых путей обеспечения профессиональной активности педагога и педагогического процесса, сохранении и преумножении эмоциональных, психических и физических сил для непрерывного самосовершенствования в деятельности, предупреждения эмоционального выгорания. Успешное функционирование системы наставничества играет сегодня ключевую роль в подготовке профессионалов высокого уровня, но, в то же время, требует огромных усилий, труда, непрерывного самообразования и самосовершенствования самих специалистов, осуществляющих наставническую деятельность. Осуществлять акме-наставническую деятельность может не только педагог, а еще и специалист, чей уровень развития субъективного сознания позволяет влиять и формировать другую личность. Педагогу необходимо постоянно находиться в развитии своего творческого потенциала, научно-исследовательском самосовершенствовании, а также обогащать методологический «багаж» педагогической деятельности, быть настроенным на инновации в работе и коммуникативном взаимодействии с обучающимися. Помимо этого, становится необходимым интеграция знаний различных областей и повышение квалификации во многих научных сферах, так как смысл акме-наставничества не просто «присматривать» или «подсказывать» подопечному правильные решения, а в том, чтобы «послушник» на каждом этапе своего роста и развития достигал бы максимально возможных результатов с учетом индивидуальных особенностей, способностей и возможностей. Именно максимально возможных.

Все это требует сопровождения не только с позиций высочайшего профессионализма, высокого уровня развития субъективного сознания, а еще и высокой мотивации к профессиональной деятельности самого акме-наставника, эмоционального настроя, постоянной готовности к чему-то новому, что востребует систематический анализ акмеологических явлений в наставнической деятельности и в системе современного образования в целом.

Необходимо отметить, что, говоря об акмеологической экспертизе в современном образовании, как правило, прибегают к систематическому анализу показателей фрустрации педагога, ригидности в деятельности и проявлении скрытой агрессивности, считающейся фактором пролонгирования частых стрессовых воздействий, основанных на постоянной самоотдаче, выплеске эмоций и т.п.

В нашей работе с целью решения проблемы профессионального выгорания в контексте осуществления акме-сопровождения деятельности педагогов и акме-наставников, а также раскрытия их творческих

Рис. 1. Исследование динамики показателей психических состояний педагогов-наставников в различных профессиональных сферах на промежуточном и итоговом этапе акмеологической экспертизы

способностей была предпринята организация мероприятий в рамках таких направлений как:

- изменение собственного восприятия своего профессионального опыта посредством ознакомления с инновационными тенденциями с целью повышения самооценки в деятельности;
- помощь в формировании навыков планирования деятельности по самообразованию и творческой активности в различных направлениях;
- поддержка творческих проявлений в рамках организации мастер-классов.

В результате оценки промежуточных и итоговых показателей акмеологической экспертизы психических состояний (по Айзенку) педагогов, и будущих наставников трех различных областей (производственники — группа I; медицинская область — группа II; область образования — группа III) была отмечена тенденция к повышению самооценки педагогов, будущих наставников всех групп сохранилась (у педагогов I-й группы она увеличилась на 0,9 ($p>0,05$); у педагогов II-й группы — на 1,54 ($p<0,05$) и у педагогов III группы — на 1,18 балла ($p>0,05$) (Рис. 1).

Это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что сами педагоги в современных условиях стали более устойчивы к причинам, вызывающим профессиональное выгорание, у них стала более отчетливо проявляться готовность к преодолению различного рода трудностей в процессе профессиональной самореализации, они стали более уверены в себе при передаче собственного опыта.

У педагогов всех трех групп не наблюдалось значительного снижения среднего значения уровня агрессивности (0,17 ($p>0,05$), 1,36 ($p<0,05$) и 0,18 ($p>0,05$) балла соответственно), но значительная разница наблюдалась лишь у представителей медицинской области, которые изначально характеризовались более высокой самооценкой и более низким уровнем проявление агрессивности.

Вероятно, это может быть связано с повышением самооценки или являться результатом проявления полезного упорства в каком-либо виде деятельности. Причем, у педагогов группы I эта зависимость более выражена ($r = 0,258$), чем у педагогов группы II ($r = 0,009$), хотя связь является слабой. Средние показатели уровня ригидности существенно не изменились, так как, все же, ригидность является достаточно устойчивым личностным свойством.

Таким образом, еще раз отметим, что наставничество в системе современного образования является достаточно трудоемким, длительным процессом характеризующимся различной степенью адаптации на разных этапах профессиональной самореализации. Тем не менее, педагогический процесс, который остро нуждается в акме- наставнической деятельности, призван в кризисное время, на современном этапе развития обеспечить формирование специалистов высокого уровня в различных профессиональных сферах. Это еще раз подтверждает необходимость систематических подходов к осуществлению акмеологической экспертизы в области современного образования и акмеологического сопровождения самих педагогов, а также необходимости развития института акме-наставников в образовании, в медицине и других областях и профессиональных сферах, взаимодействие в которых обусловлено императивами функционирования системы «человек-человек».

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляшов, В. А. Аутопсихологическая компетентность в контексте профессионального развития специалиста / В. А. Беляшов, Т. Е. Егорова // Азимут научных исследований: педагогика и психология — 2018.— № 1 (22).— С. 257–260.
2. Бодина, О. В. Наставничество как решение задачи повышения профессиональной компетентности врача-стоматолога [Электронный ресурс] / О. В. Бодина, А. Э. Писковацкова, М. В Макарова, Д. С. Тишков // Современные проблемы науки и образования.— 2018.— № 5.— Режим доступа: https://science-education.ru/ru/article/view?id=27926
3. Гордиенко, Н. В. Коуч-наставничество как инновационный инструмент развития профессиональной культуры будущего педагога / Н. В. Гордиенко // Молодой ученый.— 2017.— № 3.1.— С. 5–7.
4. Кларин, М. В. Современное наставничество: новые черты традиционной практики в организациях XXI века / М. В. Кларин // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика.— 2016.— № 5.— С. 92–112.
5. Лучкина, Т. В. Повышение профессиональной компетентности начинающего учителя посредством наставничества: зарубежный опыт / Т. В. Лучкина // Профессиональное образование в России и за рубежом.— 2012.— № 6.— С. 67–75.
6. Просова, Е. А. Наставничество в современном образовании [Электронный ресурс] / Е. А Просова // Студенческий: электрон. научн. журн.— 2019.— № 28(72).— Режим доступа: https://sibac.info/journal/student/72/151730

© Григорьян Марина Робертовна (marinapobeda@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ СФОРМИРОВАННОСТИ НАВЫКОВ ПСИХИЧЕСКОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ У ВОДИТЕЛЕЙ

TO THE QUESTION OF CRITERIA FOR MENTAL SELF-REGULATION SKILLS FORMATION AT CAR DRIVERS

V. Yermolaev
J. Voroncova
A. Chetverikova

Summary. The article analyzes approaches to the concept of mental self-regulation. Considerable attention is paid to the importance of the formation of skills necessary to overcome stressful situations, especially by representatives of dangerous professions. Considerable emphasis is placed on the resource base necessary for successful self-control in stressful situations and self-adjustment of an equilibrium mental state. The resource base is considered from the point of view of material and intangible resources of self-regulation. Material resources primarily include various kinds of hardware and software systems for diagnosing functional states and training self-regulation skills using biofeedback systems. Intangible resources are based on the disclosure of one's own abilities with their subsequent transfer to the level of sustainable skills for actual mental states' managing. The presented author's wording of the concept of mental self-regulation process and the selected criteria for its effectiveness are designed to help clarify both educational programs for the professional training of drivers of various categories of vehicles in the discipline "Psychophysiological Basics of Driver Activity" and the development of a course to anticipate danger for novice drivers.

Keywords: transport psychology, self-regulation of mental states, mental self-regulation, functional state, criteria for self-regulation, hazard prediction, hazard perception test, training in driving schools.

Ермолаев Виктор Владимирович
К.псх.н., доцент, Московский педагогический государственный университет
evv21@mail.ru
Воронцова Юлия
Аспирант, Московский педагогический государственный университет
jl.voroncova@gmail.com
Четверикова Алена Ивановна
Гл. спец. службы безопасности, АО Московская областная энергосетевая компания
alenachetverikova@yandex.ru

Аннотация. В статье проанализированы подходы к понятию психической саморегуляции. Существенное внимание уделяется вопросам значения формирования навыков, необходимых для преодоления стрессовых ситуаций, в особенности представителями опасных профессий. Значительный акцент делается на ресурсной базе, необходимой для успешного самообладания в стрессовых ситуациях и самонастройке равновесного психического состояния. Ресурсная база рассматривается с точки зрения материальных и нематериальных ресурсов саморегуляции. К материальным ресурсам в первую очередь относятся различного рода аппаратно-программные комплексы по диагностике функциональных состояний и тренировке навыков саморегуляции с помощью систем биологически обратной связи. Нематериальные ресурсы основываются на раскрытии собственных способностей с их последующим переводом на уровень устойчивых навыков управления актуальными психическими состояниями. Представленная авторская формулировка понятия процесса психической саморегуляции и выделенные критерии его эффективности призваны способствовать уточнению как образовательных программ профессиональной подготовки водителей транспортных средств различных категорий по учебной дисциплине «Психофизиологические основы деятельности водителя», так и разработке курса по предвидению опасности для начинающих водителей.

Ключевые слова: транспортная психология, саморегуляция психических состояний, психическая саморегуляция, функциональное состояние, критерии саморегуляции, предвидение опасности, hazard perception test, обучение в автошколах.

Нас давно не удивляет известное и, практически обязательное для всех отправляющихся в дорогу предостережение: «Будь осторожен!». Ведь сегодня российские дороги, несмотря на заметные успехи в строительстве и благоустройстве дорог, развитие дорожной инфраструктуры и массовое установление систем контроля скорости движения, всё ещё одно из самых опасных для жизни мест. Несомненно, что количество дорожно-транспортных происшествий имеет тенденции к снижению, но остаётся еще очень высоким и связано, в первую очередь, с человеческим фактором.

В контексте решения проблемы «человеческого фактора» ведётся системная работа по реформированию законодательной базы в области правового обеспечения управления транспортными средствами; вносятся изменения в статьи Кодекса об Административных правонарушениях и Уголовного кодекса; изменяются стандарты обучения в автошколах; анализируется опыт, накопленный в процессе реализации федеральной целевой программы «Стратегия безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018–2024 годы» [15]; всё чаще учитываются данные научных исследований в транс-

портной психологии о том, что показателями надежности водителя являются не только специальные знания, правильные умения и навыки управления автомобилем, но и состояние здоровья, психофизиологическое и психологическое соответствие человека требованиям безопасного управление транспортным средством. Так, в июне 2019 года состоялось очередное заседание Госсовета РФ, посвященное вопросам развития сети автомобильных дорог общего пользования и обеспечения безопасности дорожного движения, в рамках которого отдельно обсуждался вопрос о роли человеческого фактора.

В этом контексте, внимания заслуживает исследование А. С. Васильченко [5] [4], согласно которому одним из индивидуально психологических факторов риска попадания в ДТП является сниженный уровень способности к саморегуляции. Примечательно, что требования к формированию навыков саморегуляции прописаны в перечне примерных программ профессиональной подготовки водителей транспортных средств различных категорий. Однако, при чётких и конкретных требованиях к формированию навыков саморегуляции психического состояния, отсутствуют критерии уровня его сформированности необходимого для безопасного управления ТС.

Перед нами очевидная проблема синтеза практической реализации формирования необходимых навыков саморегуляции и научной обоснованности критериев уровня их сформированности. Мы находимся в ситуации, когда цель перед государственными структурами и бизнесом поставлена, но параметры её достижения обозначены на макроуровне, а именно, стремлением «к нулевой смертности в дорожно-транспортных происшествиях к 2030 году» [15, С.11]. Однако, на уровне микросреды, самого субъекта саморегуляции они неочевидны и не имеют однозначной интерпретации в психологической науке. Данное обстоятельство определило цель нашего исследования и побудило к систематизации и обобщению результатов ряда научных исследований, посвященных анализу содержания процесса психической саморегуляции и критериев её эффективного формирования.

Примечательно, что семантика слова «саморегуляция» изначально указывает на два аспекта — «Само» гласит о том, что локация источника соответствует системе и направленности на самого себя, а также совершение чего-либо без посторонней помощи. В свою очередь, «регуляция» (от лат. regular — устраивать, приводить в порядок; а также regularis — изменяемость; восстанавливаемость, приведение в норму) понимается как упорядочение и нормализация процесса [2].

В различных научных дисциплинах понятие саморегуляции применяется для описания систем, базируемых на принципе обратной связи и отличающихся свойством видоизменяемости, а также структурным и функциональным восстановлением в соответствии с ситуативными требованиями. Наиболее подробное определение представлено биологическим словарем — как свойство систем, способное: автоматически устанавливать и поддерживать определённый, относительно устойчивый уровень физиологических или биологических показателей; сохранять внутреннюю стабильность, вне зависимости от изменяющихся условий внешней среды; а также создавать и сохранять согласованности не только элементов систем, но и систем с окружающей средой [3]. Однако, в психологической науке, несмотря на пристальное внимание психологов и психофизиологов к психической саморегуляции, представлено достаточно широкое трактование в многочисленных исследованиях как самого содержания процесса, так и критериев его успешности, продолжает оставаться открытым.

В результате анализа научной литературы, можно обнаружить условные группы, характеризуемые схожими взглядами относительно механизмов, функций и характеристик процесса психической саморегуляции. Так, первая группа представлена концепциями, в рамках которых психическая саморегуляция рассматривается с точки зрения осознаваемой активной деятельности (Конопкин, 2005; Моросанова, 2001; Прохоров, 2009; Шубина, 1978, Гримак и др, 1983); вторая — характеристик мотивационно-волевой сферы (Bartels, Magun-Jackson & Kemp, 2009; Baumeister, Kathleen, 2007; Kuhl, 2000 и др.); третья — характеристик эмоциональной сферы (Васильченко, 2019; Прохоров, 2009; Изард, 1999 и др.) и четвертая — характеристик функциональных состояний (Дикая, 2003; Ильин, 2005; Леонова, Кузнецова, 2007; Прохоров, 1998 и др). Особое внимание привлекает системно-деятельностная модель саморегуляции Л. Г. Дикой, которая в отечественной психологической науке считается одной из наиболее разработанных [7]. Предложив системно-деятельностную концепцию психической саморегуляции, Л. Г. Дикая рассматривает ее как психическую деятельность и как психологическое состояние, другими словами, саморегуляция представлена и системным свойством личности, и самостоятельным видом деятельности. Фокус внимания сконцентрирован на особенностях становления психической саморегуляции как целостной системы взаимодействия профессиональной деятельности, экстремальных условий и личности.

Стиль саморегуляции функциональных состояний, в данном случае представлен двухуровневой моделью, где первый уровень — психофизиологический, объясняющий механизм энергетического обеспечения саморегуляции, а второй — психодинамический, т.е. обеспечивающий поведенческую и эмоциональную вариабильность личности.

В результате исследований, Л. Г. Дикая обозначила 4 типа индивидуальных структур саморегуляции, которые складываются в течение всей жизни стихийно, влияя не только на здоровье и профессиональную деятельность, но и на психическое состояние человека. При этом формирование оптимального стиля саморегуляции происходит в результате сложения природных свойств, способов и приемом приемов саморегуляции в течение всей жизни.

В свою очередь, основой структурно-функционального подхода к проблеме саморегуляции О. А. Конопкина является идея активного и сознающего задачи субъекта деятельности. Дополнив идеи функциональной системы саморегуляции П. К. Анохина и Н. А. Берштейна, идеей об осознанности саморегуляции, он предложил концепцию осознанной саморегуляции активной деятельности человека.

Саморегуляция, по О. А. Конопкину, понимается как системно-организованный процесс внутренней психической активности человека по инициации, построению, поддержанию, управлению разными видами и формами произвольной активности, непосредственно реализующей достижения принимаемых человеком целей. Подчеркивается, что сформированная система саморегуляции заключается в способности управлять своей целенаправленной активностью и выражается в успешном овладении новых видов и форм деятельности. По мнению автора концепции, особую роль играет выявление психических субъективных детерминант, а также необходимость «выявления внутренних психических субъективных детерминант отбора значимой … регуляторной информации и принятия им регуляторных решений» [8, С. 32]. Вместе с тем, акцент делается и на эмоциональных состояниях, которые приравниваются к ситуативным эмоциям. Сопровождая осуществление деятельности, они могут искажать восприятие субъекта относительно ситуации и себя в ней, соответственно и выбор регуляторного решения.

На основе модели системы осознанного саморегулирования О. А. Конопкина [8], В. И. Моросановой была разработана концепция стилей произвольной саморегуляции [10], особенности которых характеризуют то, как человек планирует и программирует достижение цели, учитывает значимые внешние и внутренние условия, оценивает результаты и корректирует свою активность для достижения необходимых результатов. Согласно данному подходу, саморегуляция рассматривается как информационно открытая система, которая реализуется посредством взаимодействия функциональных звеньев, имеющих регуляторные функции. К основным функциональным звеньям, которые характеризуют индивидуальный стиль саморегуляции, относятся: звенья принятия субъектом цели деятельности, субъективные модели значимых условий, программы исполнительских действий, системы критериев достижения целей, оценки и контроль реальных результатов, решения о коррекции системы саморегулирования. По мнению В. И. Моросановой степень осознанной саморегуляции является важной интегральной характеристикой саморегуляции, которая отражает актуальные возможности человека осознанно и инициативно, управлять произвольной активностью. Результаты исследования В. И. Моросановой показали, что высокий уровень саморегуляции повышает возможности человека к приобретению новых навыков и овладению новыми видами деятельности, а также расширяет круг деятельности, которыми человек может овладеть.

В контексте рассмотрения проблемы психической саморегуляции особый интерес вызывают идеи А. Б. Леоновой и В. С. Кузнецовой, обнаруживших, что психическая саморегуляция представляется одним из уровней регуляции систем, посредством применения психических средств отражения и формирования действительности. Они проанализировали ряд определений саморегуляции таких ученых как А. В. Алексеев [1], Ю. И. Филимоненко [16], Л. С. Шубина [17], Л. П. Гримак и др [6], рассматривающих психическую саморегуляцию как:

регуляцию состояний, процессов, действий, осуществляемых самим организмом посредством собственной психической активности [17];

- направленное изменение отдельных психофизиологических функций и нервно-психического состояния, достигаемого путем специально организованной психической активности [16];
- воздействие человека на самого себя посредством речевых оборотов и соответствующих мыслей образов [1];
- психическое воздействие человеком на самого себя с целью регулирования всесторонней деятельности организма, процессов, реакций и состояний [6].

Констатируя попытки учёных ответить на вопрос: «Что является объектом саморегуляции?», они указали на важность вопросов о том, для чего необходим этот процесс, что предполагает самовосстанавливание и самонастраивание. В этом контексте, мы согласны с мнением А. Б. Леоновой и В. С. Кузнецовой о том, что психическая саморегуляция включает не только управление поведением и деятельностью, но и управление актуальным состоянием [9].

Принимая во внимание сходство мнений авторов представленных определений, относительно субъектной роли человека в процессе саморегуляции, вслед за А. Б. Леоновой и В. С. Кузнецовой, наиболее значимым

нам представляется выделение именно психического состояния в качестве объекта для средств регуляции. Наше представление о саморегуляции, как естественной способности человека к самовосстановлению с помощью внутренних ресурсов организма, активизация и осознание которых помогает преодолеть психотравмирующую ситуацию, основано на понятии общего адаптационного синдрома — совокупности биологических реакций, обеспечивающих мобилизацию жизненных ресурсов организма для адаптации в трудных условиях. Учитывая, что биохимический ответ организма на стресс является одинаковым как при воздействии субъективно воспринимаемых неприятных, так и приятных ситуаций, то саморегуляция представляется своеобразной функцией самонастройки равновесного психического состояния.

Последнее наиболее полно с точки зрения структурности раскрыто трудами А. О. Прохорова, в рамках концепции неравновесных психических состояний, согласно которой они представляются более высокими (радость, восторг, тревога и др.) или низкими (грезы, подавленность, утомление и др.) уровнями активности относительно условно среднего уровня. [12]). Также, особого внимания, на наш взгляд, заслуживает разработанная им личностно-ориентированная концепция регуляции психических состояний [13]**.** Помимо иерархической организованности, основу подхода представляет идея о том, что функциональные механизмы регуляции отдельных психических состояний выступают базой целостной функциональной структуры психической регуляции. Вместе с тем, в основу функциональной структуры включены следующие компоненты: осознанный образ желаемого состояния; актуализация соответствующей мотивации и смысла, а также рефлексия актуального состояния наряду с обращением к психорегулирующим средствам [13].

В этом случае критерий эффективности саморегуляции имеет прямое отношение к такому понятию как «самообладание», объясняющее способность водителя управлять собственной умственной деятельностью, чувствами и поступками, также выражаемой в способности не поддаваться страху в критических ситуациях [14].

Очевидно, что каждый человек обладает способностью к самонастройке, саморегуляции своего состояния. Однако основная проблема в данном контексте заключается в способности осознавать то или иное актуальное состояние (преимущественно неравновесное [12]) и, соответственно, его регулировать. К примеру, у водителя должно быть ясное понимание о том, что он пребывает в неравновесном психическом состоянии.

Таким образом, мы сталкиваемся с проблемой отсутствия четких критериев относительно психических состояний (как равновесных, так и неравновесных), очевидно необходимых для «настраивания» собственного состояния в равновесие, способного переходить в «самообладание». Учитывая, что водитель постоянно находится под воздействием различных стресс-факторов, отклик на которые всегда бывает эмоциональным, процесс саморегуляции подразумевает так называемое «подрегулирование» актуального состояния в исходно равновесное. В наших ранних исследованиях [11], мы обнаружили, что стресс-фактор может способствовать актуализации неравновесного психического состояния водителя, а способность самонастройки или самообладания — возврату к равновесному.

Таким образом, психическая саморегуляция может рассматриваться как система усилий, направленных на осознанную регуляцию актуального неравновесного психического состояния, удержания эмоционального самообладания в результате стрессового воздействия, кризисного или чрезвычайного события при помощи специальных методов, соответствующих требованиям ситуации.

В связи с этим, психической саморегуляцией можно считать процесс осознаваемого субъективного когнитивно-волевого усилия, предполагающего дифференциацию, контроль, активизацию и управление актуальным психическим состоянием с целью восстановления его равновесия в результате воздействия стресс-факторов и психотравмирующих ситуаций или, вследствие сформировавшихся после них неравновесных психических состояний.

Среди критериев эффективности процесса саморегуляции мы выделяем умение человека восстанавливать свое равновесное психическое состояния, а также уровень эмоционального самообладания при воздействии стресс-факторов. Большое значение при этом имеет ресурсная база для самообладания в стрессовых ситуациях и самонастройки оптимального психического состояния, которую могут составлять как материальные, так и нематериальные ресурсы. В качестве материальных ресурсов могут выступать прежде всего различные аппаратно-программные комплексы по диагностике функциональных состояний и тренировке саморегуляции с помощью систем биологически обратной связи. Основу нематериальных ресурсов должно составлять раскрытие собственных способностей и их последующий перевод на уровень устойчивых навыков управления актуальными психическими состояниями.

Предлагаемая формулировка вместе с выделенными критериями понятия психической саморегуляции, позволяет внести уточнения в примерные программы профессиональной подготовки водителей транспорт-

ных средств различных категорий в рамках учебного предмета «Психофизиологические основы деятельности водителя», а также может способствовать разработке курса по предвидению опасности для начинающих водителей (по аналогии с английским тестом по восприятию опасности «Hazard perception test»). Обучение психической саморегуляции должно быть направлено, прежде всего, на восстановление и развитие естественной способности к саморегуляции до уровня умений поддерживать равновесность психического состояния при воздействии стресс-факторов не только водителей начинающих, но и водителей профессионалов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А. В. Психомышечная тренировка — метод психической саморегуляции. М.: ЦОЛИУВ, 1979. 28 с.
2. Антинази А. Энциклопедия социологии. 2009 URL: http://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/socio/fc/slovar-209–1.htm#zag-3571 (дата обращения: 16.12.2019).
3. Биологический энциклопедический словарь / гл. ред. М. С. Гиляров. — М.: Сов. энциклопедия, 1986. С. 556.
4. Васильченко А. С. Нарушения психической саморегуляции поведения у лиц с опасным вождением автотранспортных средств: дис. . . . канд. психол. наук. М. 2019. 174 с.
5. Васильченко А. С. Универсальные и специфические индивидуально-психологические факторы риска попадания в дорожно-транспортное происшествие у психически здоровых и лиц с психическими расстройствами // Психология и право. 2019. Том 9. № 2. С. 168–195. doi:10.17759/psylaw.2019090212
6. Гримак Л.П., Звоников В. М., Скрыпников А. И. Психическая саморегуляция в деятельности человека-оператора // Вопросы кибернетики. Психические состояния и эффективность деятельности / Под ред. Ю. М. Забродина. М.: Изд-во АН СССР, Научный совет по комплексной проблеме «Кибернетика», 1983. С. 150–167.
7. Дикая Л. Г. Психическая саморегуляция функционального состояния человека (системно-деятельностный подход). М.: ИП РАН, 2003. 318 с.
8. Конопкин О. А. Структурно-функциональный и содержательно-психологический аспекты осознанной саморегуляции // Журнал Высшей школы экономики. Психология. 2005. Т. 2. № 1. С. 27–42.
9. Леонова А.Б., Кузнецова А. С. Психологические технологии управления состоянием человека. М.: Смысл, 2007. 311 с.
10. Моросанова В. И. Индивидуальный стиль саморегуляции: феномен, структура и функции в произвольной активности человека. М.: Наука, 2001. 192 с.
11. О психологических коррелятах некоторых свойств внимания водителей / Ю. Воронцова, В. В. Ермолаев, А. И. Четверикова // Colloquium-journal. 2019. № 19–3 (43). С. 19–21.
12. Прохоров А. О. Психология неравновесных состояний. М.: ИП РАН, 1998. 152 с.
13. Прохоров А. О. Смысловая регуляция психических состояний. М.: ИП РАН, 2009. 352 с.
14. Психофизиология участников дорожного движения (Автотранспортная психология): учебно-методическое пособие / Д. В. Капский, И. И. Лобач, П. А. Пегин. БНТУ, 2016. 302 с.
15. Стратегия безопасности дорожного движения Российской Федерации на 2018–2024 годы // Национальные и межотраслевые документы стратегического планирования. URL: http://government.ru/docs/31102/ (дата обращения: 30.10.2018).
16. Филимоненко Ю. И. Показатели успешности психической саморегуляции состояния // Вестник ЛГУ. № 23. Экономика. Философия. Право. № 4. С. 78–80.
17. Шубина Л. С. Психическая саморегуляция как средство адаптации к учительской профессии // Взаимосвязь убеждения и внушения в педагогическом процессе. Пермь, 1978. С. 97–104.

© Ермолаев Виктор Владимирович (evv21@mail.ru),
Воронцова Юлия (jl.voroncova@gmail.com), Четверикова Алена Ивановна (alenachetverikova@yandex.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МЕДИАПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ МЕДИАКУЛЬТУРЫ

NEW DIRECTIONS OF MEDIA PSYCHOLOGICAL RESEARCH IN THE CONTEXT OF MEDIA CULTURE TRANSFORMATION

M. Zhizhina

Summary. The article considers the problems associated with the ongoing transformations in the modern media culture with a focus on the analysis of changes in a person's media behavior psychology. The recent trend indicates that a person's activity in the media space is becoming more significant than that in the real world. New media have served as a driver for the person's transition from a perceiver role into a broadcaster role which is about demonstrating, transforming, actively participating in shaping and developing media environment. The article emphasizes the increase in media involvement and related further changes both in the media user psychology and cultural and psychological practices of each participant's interaction with the media. According to the author, today we can witness hyperbolization of the hedonistic, compensatory, communicative, and promotional functions of media culture.

Keywords: media culture, psychology of media behavior, media consumption, new media, youth, person's media involvement, media space, media environment.

Жижина Мария Викторовна
К.п.н., доцент, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им Н. Г. Чернышевского
Zhizhina5@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, связанные с происходящими трансформациями в современной медиакультуре, с акцентом на анализ изменений в психологии медиаповедения личности. Тенденция последних лет свидетельствует о том, что активность человека в медиапространстве становится значимее, нежели активность в реальном мире. Новые медиа послужили драйвером перехода человека из роли, воспринимающего в роль транслирующего, демонстрирующего, преобразующего, активно соучаствующего в формировании и развитии медиасреды. Подчеркивается возрастание медиавовлеченности и связанные с ним дальнейшие изменения как в психологии медиапользователя, так и в культурно-психологических практиках взаимодействия с медиа каждого участника медиапроцесса. По мнению автора сегодня можно говорить о гиперболизации гедонистической, компенсаторной, коммуникативной, продвиженческой функций медиакультуры.

Ключевые слова: медиакультура, психология медиаповедения, медиапотребление, новые медиа, молодежь, медиавовлеченность личности, медиапространство.

Смена информационных и психологических парадигм под влиянием новых медиа актуализирует на авансцене медиаисследований темы, связанные с трансформацией медиаповедения личности в контексте современной медиакультуры. Продолжающееся интенсивное развитие медиа технологий обуславливает широкомасштабные воздействия массмедиа на все стороны жизни человека, и конкретно, влияет на модификацию прежних и появление новых медиапрактик.

Медиаисследователи уже не первый год говорят о серьезных изменениях в медиакультуре, но в последние годы в новых условиях экстенсивного развития цифровых медиа особенно ярко звучит тема, связанная с глобальной трансформацией медиакультуры и соответственно культурных практик современного человека. В контексте представляемой статьи остановимся на рассмотрении основных трендов — трансформаций медиакультуры, а следовательно, на изменениях в медиаповедении личности, т.е. тех, вопросах, которые, собственно, входят в проблемное поле медиапсихологических исследований.

Одной из важных характеристик современной медиакультуры является то, что сегодня медиа играют важную и все возрастающую роль во всех сферах, заполняя жизненное пространство человека, и кроме того, эффекты медиатизации жизненного пространства можно не всегда осознать в ближайшей перспективе. Как подметил, Ф. Уэбстер, «мы живем в медианагруженном обществе,… информационное влияние на нас гораздо тоньше и проникает гораздо глубже, чем кажется поначалу» [9, с. 28].

Наряду с этим, современные исследователи, говорят о том, что сегодня мы являемся свидетелями глобальных системных изменений в медиакультуре, и, зачастую скорость происходящих изменений превышает скорость теоретического осмысления все более углубляющейся медиатизации общества.

Прежде всего, необходимо отметить, что в контексте изучения проблемы трансформации современной медиакультуры именно анализу медиаповедения уделяется первостепенное значение. В целом можно сказать, что в последние годы в научных публикациях (Е. Л. Вартанова, И. М. Дзялошинский, В. П. Коломиец, О. В. Красноярова, Е. Е. Пронина, М. Г. Шилина и мн. др.) все настойчивее звучит идея об изменении статуса объекта массовой коммуникации — массовой аудитории, которая уже давно стала не только «получателем» или объектом коммуникации, но и отправителем — субъектом коммуникации. В связи с чем, если раньше исследователи использовали термин «аудитория», то теперь авторы, преимущественно оперируют понятиями «медиапользователь», «просьюмер», «провайдер журналистики» тем самым, подчеркивая активность человека в контексте сегодняшних медиа, и то, что человек из пассивного потребителя перешел в статус соавтора, соучастника или автора процесса производства медиаконтента.

В рассмотрении проблемы трансформации современной медиакультуры, в частности, медиаповедения архиважной темой является новые медиа и их роль в трансформации взаимодействия человека и масс-медиа. Различные научные сообщества единодушно признают, что именно новым медиа принадлежит роль драйвера произошедших и происходящих перемен.

Огромный объем контента и сокращение внимания к нему способствуют переходу к новому способу восприятия — мультимедийному. Прежде всего, необходимо отметить, что мультимедиа, кросс-медиа, трансмедиа на сегодняшний день являются важными характеристиками сегодняшний медиакультуры, новыми трендами и синонимами ее магистральных трансформаций, по выражению А. Г. Качкаевой они представляют собой философию «цифровых медиа». Именно с этими трендами медиаэксперты связывают развития культуры участия, повышение вовлеченности и расширению аудитории, продвижению брендов и усиливающуюся коммерциализацию медиакультуры. Сегодня изменились и продолжают меняться практики взаимодействия с медиа каждого участника медиапроцесса.

К характеристикам новых медиа исследователи относят также увеличение скорости осуществления коммуникации и уменьшение значения географических расстояний, распространение многозадачных и мультиэкранных практик, рост внедомашнего потребления, а также увеличение медиапотребления в дороге (И. Дзялошинский, В. Н. Ильмухин, К, Насс, Р. Ньюман и др.). Наряду с этим, аналитики говорят об изменениях в психологии восприятия и переработки медиаинформации. А. Ш. Тхостов и К. Г. Сурнов клиповость сознания, его поверхностность, селективность рассматривают в качестве одного из результативных защитных механизмов для психики людей в условиях неопределенности глобализирующегося мира [8]. А. И. Донцов и А. В. Дроздова сравнивают взгляд пользователя интернета с «автомобильным восприятием», которое превращает пространство в калейдоскоп сменяющихся образов» [2].

В ряду значимых проблем, возникающих в условиях современной медиакультуры авторы выделяют информационную перегрузку, следствием которой появилась такие новые тенденции как персонификация и демассовизация информации. Важная особенность новых медиа, непосредственно связанная с вовлекающей моделью, заключается в том, что процесс потребления медиа становится все более персонализированным. Отметим, что именно персонализация контента является на сегодняшний день одним из обсуждаемых трендов развития медиа. Важно отметить, что персонализация медиаконтента в поисковых порталах, социальных сетях, новостных агрегаторах, используемая, прежде всего, индустрией рекламы и онлайн-услуг таит в себе много угроз и рисков.

В связи с максимальной персонифицированностью медиаконтента актуализируется эффект эхо-камеры, прекрасным примером может являться персонализированная лента новостей и функция ретаргетинга, позволяющая показывать посты и рекламу только заинтересованным людям. Согласно Н. Лосевой «персонализация информационного пространства в итоге рождает риск формирования информационных «тоннелей» и «гетто», субъективных и мультиплицированных «картин мира» [6].

Сегодня в контексте нового медиапространства рядовые пользователи участвуют в формировании повестки дня, изменение агентов, влияющих на формирование информационной картины мира, привело к модифицированию повестки дня, теперь в условиях безграничного доступа к трансляции информации повестка дня рассредоточивается и становится менее однородной. Неограниченное количество медиаисточников, индивидуализация, фрагментированность медиапотребления, продолжающееся размывание традиционных ролей медиапроизводителя и медиапотребителя, безусловно, существенно влияют на функционирование повестки дня в современной медиакультуре. Наблюдения показывают, что сегодня возрастает тенденция, когда та или иная

широко известная медиаперсона отечественного гламурного шоу-бизнеса назначает в качестве повестки дня (а иногда и не на один день) одно из событий своей жизни, в числе обязательных результатов служит минимум публикация статьи в просторах новостных ресурсов Рунета из серии «Социальные сети бурно обсуждают……» или «Социальные сети восхитили … » и т.п. Следовательно, изменяются не только поставщики-агенты повестки дня, схема распространения информации, но самое важное изменяется содержательная сторона новостей. Однако все же мнение о кардинальных изменениях в повестке дня и безграничном влиянии на нее пользователей новых медиа, на наш взгляд, на сегодняшний момент несколько преувеличенным, хотя безусловно, имеющиеся значительные трансформации в повестке дня в условиях новых медиа представляют безусловный интерес для медиапсихологического анализа и осмысления.

По нашему мнению, тематика повестки дня в новых медиа неразрывно связана с анализом роли новых лидеров общественного мнения. Уже несколько лет и по настоящее время блогеры и активные медиапользователи становятся новыми лидерами общественного мнения, формирующими отношение населения к тем или иным сферам жизни, например, стимулируя политическую или покупательскую активность. Блогеры-звезды в социальных сетях очень близки аудитории, в связи с чем маркетологи активно используют этот тренд, сотрудничая с популярными пользователями социальных сетей и взаимодействуя с их аудиторией, т.е. здесь речь идет о реализации блогерами маркетинговой функции, функции продвижения того или иного бренда. Однако на этом перечень функций новых лидеров мнения отнюдь не ограничивается, и их социально-психологически потенциал в плане определения повестки дня еще недостаточно изучен.

Исследователи также выделяют такую важную особенность новых медиа как их способность переформатировать жизненный мир человека, его личное пространство жизни. В частности, В. Е. Клочко, пишет: «Основной психологический эффект взаимодействия с новыми медиа — минимизация личного пространства на фоне видимого отсутствия пространственных ограничений. Основное психологическое последствие — стирание границы между личностью и социальной средой, становление «виртуальной идентичности» [5]. Исследователи различных научных школ констатируют, что в условиях цифровой среды идентификация становится все более краткосрочной, приводящей к постоянному обновлению идентичности, постоянному поиску себя.

В контексте анализа трансформации медиаповедения исследователи также обращают внимание на вопрос, связанный с анализом взаимосвязи стиля медиапотребления со стилем жизни человека, другими словами, медиапотребление рассматривается как критерий дифференциации стиля жизни, а сами медиа, служат средой в которой происходит формирование и интерпретация стиля жизни молодых людей. Кроме того, помятую о теории поколений Н. Хоува и У. Штрауса, большое внимание исследователи уделяют изучению проблемы медиапотребления с учетом поколенческих особенностей, полагая, что поколенческий сдвиг является одной из важнейших причин кардинальных изменений в структуре медиапотребления, произошедших за последние годы.

Традиционно авторы, анализируя происходящие изменения, новые тренды медиакультуры, трансформации в медиаповедении, прежде всего, говорят о молодежной аудитории как активном участнике медиапроцессов, именно для молодежи медиасреда является проявления активности, местом и фактором социализации, именно для молодежной аудитории свойственна виртуализация взаимоотношений с внешним миром. А. Г. Качкаева целом характеризует новое цифровое поколение как: «многозадачным (привычка к одновременному использованию 3–4 коммуникативных устройств и включенность в несколько медиа-сред), «смотрящим» (мир все больше воспринимается через визуализацию информации с помощью «картинок»), вуайеристким (современная коммуникация узаконила подсматривание и трансляцию жизни), интерактивным (включенным в жизнь людей и сообществ с помощью мобильных устройств и соцсетей), проектным (коммуникация — частая, доступная, на удаленном доступе, виртуальная — становится основой креативных работников проектного бизнеса, для которого не обязательно ходить на службу, а можно иметь идею, единомышленников, ноутбук и подключение к сети)» [4].

Перечисленные характеристики молодого цифрового поколения могут быть свойственны и взрослым людям, но проявляются у них в равной степени. Так, в рамках нашего исследования социальных представлений о массмедиа были выявлены различные типы медиаповедения взрослых в зависимости от степени активности, вовлеченности, доминирующей мотивации, по уровню медиакомпетентности, по типам отношения к массмедиа. И если учитывать, что с каждым днем наша жизнь все более виртуализируется (оплата коммунальных услуг, покупки и др.), то есть все основания полагать о дальнейшей еще большей вовлеченности человека в медиапространство.

К числу наиболее значимых и заметных изменений современной медиакультуры можно отнести все возрастающую роль визуального контекста, в силу чего феномен визуальности все чаще становится предметом исследовательского интереса специалистов различных

областей науки. Так, например, А. И. Донцов и А. В. Дроздова констатируют «визуальный поворот», глобальную трансформацию дискурса от вербального к визуальному, что выражается в смещении современных способов восприятия от вербальных в сторону визуальных, образных [2]. По мнению Г. Г. Почепцова сегодня процесс визуализации информации достигает такого уровня, что можно, говорить о своеобразном «визуальном синдроме», когда любая информация в обязательном порядке переводится в визуальную форму [7, с. 274]. А. В. Дроздова пишет о том, что тяга документировать свою жизнь, фиксировать сиюминутное, травиальное, вести своеобразный визуальный дневник частной жизни, выставленный для всеобщего просмотра, носит по-настоящему вирусный характер [3]. Последствиями визуализации согласно мнению исследователя, являются эстетизация повседневности; активное воздействие на эмоции зрителя; создание эффекта присутствия и сопричастности происходящему на экране; визуализация того, что ранее было табуировано; смена приватного пространства на публичное пространство.

Многие авторы визуализацию медиакультуры связывают с распространение консьюмеристического образа жизни и усилением гедонистической направленности. По мнению Л. В. Баевой, «меняется сам характер общения, отмечается преобладание нарциссического (рекламно-презентационного), эстетического (гедонистического) и провокационного типов» [1]. Считаем важным отметить, что исследователи различных областей науки уже на протяжении ни одного десятилетия поднимали вопрос в отношении коммерциализации медиакультуры, усилению ее развлекательной направленности, ориентированию на тиражи и рейтинги, особенная критика была адресована телевидению в плане дегуманизации сознания молодежи. Тенденции сегодняшних произошедших глобальных изменений свидетельствуют о гиперболизации прежде всего гедонистической, компенсаторной, коммуникативной, продвиженческой функций медиакультуры.

Еще одна значимая тема, поднимаемая в рамках обсуждения современной медиакультуры касается проблемы манипуляции общественным сознанием, которая в современных условиях технических возможностей становится более эффективной и масштабной. Исследователи единодушны во мнении о том, что социальные сети представляют собой не только площадку для проведения информационно-психологических операций, но и мощный информационно-психологический, социальный инструмент манипуляции индивидуальным и массовым сознанием.

Безусловно, обозначенные выше тенденции не могут не отразиться на особенностях медиапотребления и высоком уровне вовлеченности медиаповедения личности. Все возрастающее информационное перенасыщение, постоянно увеличивающиеся объемы информации имеют своим следствием возрастание мультизадачности человека, его постоянное включение и все большую вовлеченность в медиапространство, усиление информационно-психологической усталости, на фоне чего резко возрастают манипулятивные возможности массмедиа. Принимая во внимание данные обстоятельства в исследовательском контексте не просто актуализируются, а приобретают новое и еще более актуальное звучание, чем когда бы то ни было, проблемы, связанные с информационной перегрузкой сенсорной и нервной системы человека, экологии медиасреды, а точнее с обеспечением информационно-психологической (медиапсихологическая) безопасности человека.

Многие исследователи, констатируя повышенное психологическое негативное воздействие информационного пространства, подчеркивают, что среди всех возрастных групп именно дети и молодежь находятся в особой группе риска в силу возраста, недостатка знаний, из-за не сформированной еще способности к фильтрации получаемой информации и неумении противостоять негативному влиянию медиасреды. Кроме того, уязвимость молодежной аудитории в медиавоздействиях связана с тем, что медиа для данной возрастной категории является важным атрибутом жизни, имеющий определенный репутационный потенциал, возрастанием социально-психологических факторов медиапотребления, и в частности, активизации роли имиджевой компоненты медиаповедения.

Тенденция последних лет свидетельствует о том, что активность человека в медиапространстве становится значимее, нежели активность в реальном мире. Расширение репертуара ролей за счет изменения форм взаимодействия пользователей с медиаресурсами и развития медиатехнологий привело к тому, что изменился статус медиактивности, который перешел не просто в разряд чего-то необходимого, а стал частью жизнью, рядовой социальной практикой человека. Важно заметить, исследователи указывают, прежде всего, на фактор развития медиатехнологий в возрастании медиактивности человека, между тем, на наш взгляд, особое значение в трансформации медиаповедения личности принадлежит социально-психологическим механизмам, среди которых, в частности, решающую роль играют такие механизмы как эмоциональное заражение, социальное подражание, мода (модное поведение), желание соответствовать той или ной социальной группе. Стимуляция демонстративного потребления, осуществляемая маркетологами, бренд-менеджерами и другими специалистами нацеленные на управление впечатлением, касается не только мира вещей, той или иной продукции или

услуг, но и распространяется, в том числе на образцы социального поведения.

В своих ранних работах мы неоднократно указывали на актуализацию имиджевых коммуникаций, и на новое звучание проблемы имиджа, значимость которого в контексте современной медиакультуры постоянно возрастает в геометрической прогрессии. Активизацию визуального контента как тренда и неотъемлемого элемента современной медиакультуры связывают с новыми медиа, которые стали мощным генератором и поставщиком визуального контента. В контексте современной медиакультуры имидж используется в качестве инструмента управления социальным поведением человека и в связи с чем имиджевые регуляторы выходят на первый план в функционировании медиаповедения.

Все вышеизложенное, позволяет заключить, что все происходящие в современной медиакультуре трансформации в первую очередь проявляются в изменениях психологии медиаповедения человека. Возрастающая медиавовлеченность способствовала тому, что реальность новых медиа стала уже второй реальностью человека, и активность в рамках новых медиа равноценна значимости активности в реальной жизни. Новые информационно-коммуникационные технологии повлияли на медиаповедения человека, а с другой стороны, изменения в поведении и потребностях медипользователей способствовали возникновению сообразно потребностям трендов в массмедиа и появлению медиановинок, новых функций, программ, приложений, другими словами, трансформационные изменения медиакультуры обусловлены двусторонним влиянием медиа на человека и человека на медиа.

Эксперты единодушно признают, что одно из самых значимых и заметных изменений в медиаповедении заключается в возрастании медиавовлеченности, именно новым медиа принадлежит роль драйвера перехода человека из роли, воспринимающего в роль транслирующего, демонстрирующего, преобразующего, активно соучаствующего в формировании и развитии медиасреды. И то обстоятельство, что человек перешел в статус просьюмера — появилась новая коммуникационная парадигма «многие-многим» создает иллюзию двусторонней равноправной коммуникации и нисколько не снижает актуальность звучания проблемы эффектов воздействия медиа на личность, лидеров мнений на личность и межличностных медиакоммуникационных взаимовлияний. И, в связи с этим, анализ медиаэффектов в условиях новых медиа, изучение манипулятитивных воздействий новых медиа являются важными направлениями медиапсихологиии. Следующее новое направление медиапсихологического анализа может быть связано с изучением социально-психологического потенциала и механизмов воздействия новых лидеров мнения в плане определения повестки дня в условиях новых медиа.

Возрастание медиавовлеченности способствует дальнейшим изменениям как в психологии медиапользователя, так и в культурно-психологических практиках взаимодействия с медиа каждого участника медиапроцесса. Среди трансформаций медиаповедения к числу наиболее заметных и распространенных относят: самопрезентация человека и общение посредством визуального контента (увеличивается количество фотографий, селфи, привычка вести визуальный дневник своей жизни); доминирование в медиакоммуникациях нарциссического, рекламно-презентационного и гедонистического типа самопрезентации; увеличение скорости осуществления коммуникации; возрастание мультизадачности; распространение мультиэкранных практик медиапотребления; рост внедомашнего медиапотребления, индивидуализация и фрагментированность медиапотребления; изменения в психических процессах (клиповость сознания, мозаичность мышления, неустойчивость, рассредоточенность внимания, сложности с длительной концентрацией внимания, поверхностное, скользящее восприятие и др.); размывание психологических границ, минимизация личного пространства — изменения отношения к приватности; краткосрочная, постоянно обновляющаяся идентичность и доминирование виртуальной идентичности; увеличении виртуализации взаимоотношений; рост демонстративности медиапотребления; возрастание зависимости от медиа.

Наряду с этим, новое звучание в контексте трансформаций медиакультуры приобретает такое направление как изучение влияния социально-психологических механизмов (среди которых, эмоциональное заражение, социальное подражание, мода, модное поведение — желание соответствовать той или ной социальной группе) на психологию медиаповедения личности.

Учитывая проблему манипуляции общественным сознанием, которая в современных условиях технических возможностей становится более эффективной и масштабной, то с точки медиапсихологического анализа среди ряда значимых направлений, актуализируется и обладает особой практической значимостью направление, связанное с обеспечением медиапсихологической безопасности, а, следовательно, с формированием медиакомпетентности личности.

Безусловно, этим перечень значимых направлений медиапсихологии отнюдь не ограничивается. Все вышеизложенное, позволяет заключить, что обозначенные проблемы являются следствием появления новых трендов, трансформации медиакультуры и являются важными исследовательскими задачами в рамках медиапсихологического анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баева Л. В. Социальные медиа как форма трансценденции // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-media-kak-forma-transtsendentsii (дата обращения: 22.10.2019).
2. Донцов А. И., Дроздова А. В. Визуальное воздействие интернет-рекламы на молодежную субкультуру // Национальный психологический журнал — 2013.— № 2 (10) — С. 25–31.
3. Дроздова А. В. Визуальность как феномен современного медиаобщества // Дискуссия. 2014. № 10 (51). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vizualnost-kak-fenomen-sovremennogo-mediaobschestva (дата обращения: 14.10.2019).
4. Качкаева А. Цифровые медиа и рынок Интернета: аудитория, мультимединый контент, бизнес модели // От традиционных к онлайновым медиа: передовая практика и перспективы/ Под ред. М. Стоуна; Вена; Представитель ОБСЕ по вопросам свободы СМИ, 2013 г. С. 53–60.
5. Клочко В. Е. Новые медиа: психологический механизм воздействия// Материалы Connect-Universum-2012 http://connect-universum.tsu.ru/blog/connectuniversum2012_ru/109.html (дата обращения 5. 10. 2019).
6. Лосева Н. Аудитория новых медиа // Как новые медиа изменили журналистику. 2012–2016.— Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2016.— С. 31–86.
7. Почепцов Г. Г. Имиджелогия /Г. Г. Почепцов. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2000. 698 с.
8. Тхостов А.Ш., Сурнов К. Г. Влияние современных технологий на развитие личности и формирование патологических форм адаптации: обратная сторона // Психологический журнал. 2005. № 6. С. 16–24.
9. Уэбстер Т. Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004.

© Жижина Мария Викторовна (Zhizhina5@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Саратов

РОЛЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

THE ROLE OF PSYCHOLOGICAL WELL-BEING IN THE ARMED FORCES RUSSIAN FEDERATION

A. Ziatina

Summary. Much attention in this work is paid to the importance of studying the psychological well-being of servicemen of the Russian army. The article emphasizes the increasing requirements for moral and psychological training of modern military, as their activities require the solution of important tasks, including those that are associated with the risk to life, a set of personal psychological characteristics of military personnel that are necessary for the success of their professional activities, the importance of considering various scientific approaches to the study of psychological well-being of military personnel.

Insufficient study of psychological well-being, rare and ineffective testing in the Armed Forces of Russia leads to negative consequences for the commanders of units, the soldiers themselves, military teams in the performance of combat missions and in peacetime. The article notes the relevance and timeliness of the study of the level of psychological well-being, which will ensure the identification of stable personal and socially significant life goals, motivation for self-development and self-realization in the profession. The role of psychological well-being of servicemen in the Armed Forces of Russia, despite the practical and theoretical relevance, is studied insufficiently and not systematically.

Keywords: psychological well-being, mobilization readiness, personal and professional readiness, socio-psychological adaptation, psychological climate, sustainable motivation, psychosomatic health, self-regulation, requirements for personal and professional qualities.

Златина Александра Александровна
Аспирант, Кубанский государственный университет
igor7011891@rambler.ru

Аннотация. Большое внимание в этой работе уделено значению изучения психологического благополучия военнослужащих Российской армии. В статье подчеркивается возрастание требований к морально — психологической подготовке современных военных, так как их деятельность требует решения важных поставленных задач, в том числе тех, что связаны с риском для жизни, рассмотрен набор личностных психологических характеристик военнослужащих, которые необходимы им для успешности выполнения профессиональной деятельности, отмечена важность рассмотрения различных научных подходов по исследованию психологического благополучия военнослужащих.

Недостаточность изучения психологического благополучия, редкое и неэффективное тестирование в Вооруженных Силах России ведет к отрицательным последствиям для командиров подразделений, самих военнослужащих, военных коллективов при выполнении боевых задач и в мирное время. В статье отмечается актуальность и своевременность изучения уровня психологического благополучия, что обеспечит выявление у военнослужащих устойчивых личных и социально значимых жизненных целей, мотивации к саморазвитию и самореализации в профессии. Роль психологического благополучия военнослужащих в Вооруженных Силах России, несмотря на практическую и теоретическую актуальность, изучается недостаточно и не системно.

Ключевые слова: психологическое благополучие, мобилизационная готовность, личностная и профессиональная готовность, социально -психологическая адаптация, психологический климат, устойчивая мотивация, психосоматическое здоровье, саморегуляция, требования к личностным и профессиональным качествам.

Изменения внешней политики, экономических реалий в мире ставят перед Вооруженными Силами России задачи повышения уровня мобилизационной готовности, профессионального потенциала и боеспособности армии. Участие Вооруженных Сил России за ее границами оказывает большое влияние на социально-психологический климат в российской армии, состояние психологического благополучия военных.

В связи со сложившейся ситуацией растут требования к показателям морально-психологической подготовки военнослужащих. Эта подготовка определяет качество решения боевых задач в различных условиях, в том числе и тех, которые связаны с риском для здоровья и жизни. Специфика военной службы в том, что она является таким видом профессиональной деятельности, который предъявляет человеку особые требования к физической и психологической подготовке.

Современным военнослужащим необходимо иметь набор личностных психологических качеств и характеристик, которые нужны для решения различных профессионально важных задач, в первую очередь, боевых. Устойчивая мотивационная готовность к несению военной службы, высокий уровень активности, успешность социально-психологической адаптации, стрессоустойчивость к быстро меняющимся условиям военной службы, высокий уровень саморегуляции, компетентность

деятельности военного специалиста — вот то, что детерминирует психологическое благополучие военнослужащих, а значит и армии в целом.

Поиск новых психологических подходов к исследованию индивидуально-личностных особенностей развития, психологического благополучия является актуальным, так как это позволит изучать личность военнослужащего системно, ориентируясь на ее способность не только к социально — психологической адаптации, саморазвитию и совершенствованию в различных сферах деятельности, в том числе и военной, но и к активному преобразованию деятельности специалиста.

В науке психологическое благополучие рассматривается в связи с такими понятиями, как субъективное, личностное благополучие, ощущение счастья, удовлетворенность своей жизнью. К. Рифф, изучая феномен благополучия, описала составляющие психологического благополучия. Это:

- способность человека контролировать возникающие внешние обстоятельства,
- независимость и личностный рост,
- наличие и осознание жизненных целей,
- принятие себя и положительное отношение к окружающим [1;3].

По мнению Р. М. Райана и К. Фредерика, психологическое благополучие нужно сравнивать не только с физическими показателями, но и с независимостью человека от мнения окружающих и его положительным отношением к ним. Авторы считают, что психосоматическое здоровье человека — показатель его психологического благополучия [8].

Другая точка зрения у А. В. Ворониной, которая создала многоуровневую модель психологического благополучия, особенность которой в том, что на разных этапах жизни человека формируются различные типы деятельности, закладывающие внутренние установки, в последующем складывающиеся в иерархию личностного психологического благополучия. Эта иерархия включает такие уровни, как психосоматическое, психическое и психологическое здоровье, социальную адаптацию. «При этом каждый следующий уровень, который формируется в процессе развития и воспитания, дает человеку новое видение самого себя, мира и себя в мире, новые возможности для реализации замыслов, творческой активности, большую «степень свободы» для выбора путей адекватного реагирования» [2].

Интересной представляется позиция П. П. Фесенко и Т. Д. Шевеленковой, которые рассматривают психологическое благополучие личности как целостное субъективное переживание, отражающееся в ощущении счастья, удовлетворённости самим собой и своей жизнью, напрямую связанное с базовыми ценностями человека и его потребностями» [9]. Авторы обращают внимание на оценку человеком себя и собственной жизни, а также на степень положительной жизнедеятельности человека. Исследователями этого феномена выделено состояние актуального психологического благополучия и идеального психологического благополучия, когда понимание идеального отражается в оценке осмысления человеком своей жизни [8].

В настоящее время в Вооруженных Силах используется методика тестирования для выявления уровня психологического благополучия военнослужащих, так как оно представляет собой сбалансированный эмоциональный процесс, развивающий способность человека к волевой регуляции и оценке своих возможностей. Кроме того, оно может рассматриваться и как один из индикаторов устойчивости человека к воздействию событий внешнего мира.

Изучение психологического благополучия военнослужащих Вооруженных Сил России проводится крайне редко, это ведет к отрицательным последствиям, сказывающимся в работе командиров подразделений. Неустойчивая социальная позиция, низкая самооценка, ситуации постоянного стресса, неудовлетворенность своей личной и профессиональной жизнью приводит к снижению результатов боевой подготовки, равнодушию, формализму и отказу исполнять должностные обязанности, приему алкоголя и наркотиков, возникновению конфликтных ситуаций с сослуживцами — это то, что необходимо профилактировать. Это ставит задачу проведения системных исследований по определению психологического благополучия как отдельных военнослужащих, так и военных коллективов в целом, так как высокий уровень его создает возможность обеспечить эффективность и результативность деятельности в сложных экстремальных ситуациях. Военнослужащие, которые имеют высокий уровень психологического благополучия, имеют активную жизненную позицию, осознанные жизненные цели, построенные перспективы, связанные с профессиональной карьерой и мотивацией к саморазвитию.

Изучение психологического благополучия военнослужащих Вооружённых Сил Российской Федерации, всех его составляющих позволит определить личностные ресурсы, выявить корреляции с важнейшими для военнослужащих особенностями и характеристиками, такими, как нервно-психическая устойчивость, уверенность в себе, высокий уровень самооценки, субъективное ощущение благополучия, счастья, самореализации в профессии и жизни, что позитивно скажется на уровне оперативно-боевой подготовки военнослужащих и всех военных коллективов в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ryff C. D., Keyes C. L. M., Shmotkin D. Optimizing Well-Being: The Empirical Encounter of Two Traditions // Journal of Personality and Social Psychology. 2002. Vol. 82, N6. P. 1007–1022.
2. Воронина, А. В. Проблема психологического здоровья и благополучия человека: обзор концепций и опыт структурно-уровневого анализа [Текст] // Сибирский психологический журнал. —2005. -№ 3-С.142–147.
3. Жуковская, Л. В. Шкала психологического благополучия К. Рифф / Л. В. Жуковская, Е. Г. Трошихина // Психологический журнал. — 2011. — Т. 32. — № 2. — С. 82–93.
4. Караяни А. Г. Прикладная военная психология: учебно-методическое пособие: [учебное пособие для курсантов и слуш. высш. воен.-учеб. заведений] / А. Г. Караяни, И. В. Сыромятников. — СПб. [и др.]: Питер, 2006.
5. Корчемный П. А. Военная психология: учебник: для студентов вузов, обучающихся по специальности 020400 «Психология» / П. А. Корчемный. — М.: Изд-во ОВЛ, 2005.
6. Маклаков А. Г. Общая психология. — СПб.: Питер, 2007.
7. Психология и педагогика. Военная психология: учебник для курсантов высш. воен.-учеб. заведений М-ва обороны Рос. Федерации / под ред. А. Г. Маклакова. — М. [и др.]: Питер, 2007.
8. Фесенко, П. П. Осмысленность жизни и психологическое благополучие личности: дис. канд. психол. наук / П. П. Фесенко. — М., 2005. — 206 с.
9. Шевеленкова Т. Д., Фесенко П. П. Психологическое благополучие личности (обзор концепций и методика исследования) // Психологическая диагностика. 2005. № 3. С. 95–129.
10. Ширяева, О. С. Психологическое благополучие личности в экстремальных природноклиматических условиях жизнедеятельности[Текст]. Дис. кандидата психологических наук. — Петропавловск-Камчатский, 2008. — 254 с.

© Златина Александра Александровна (igor7011891@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Кубанский государственный университет

ДИНАМИКА ХАРАКТЕРИСТИК ОТНОШЕНИЯ К РИСКУ И РИСКОВАННОСТИ КУРСАНТОВ ВОЕННОГО ВУЗА НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ВОЕННОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Мещеряков Денис Александрович
Адъюнкт, СВКИ ВНГ, Саратов, Россия
dma21051980@mail.ru

THE DYNAMICS OF RISK ATTITUDES AND RISKINESS OF MILITARY UNIVERSITY CADETS AT DIFFERENT STAGES OF MILITARY SOCIALIZATION

D. Meshcheryakov

Summary. The article reveals the essence of the concept of "risk", shows the formation of various risk indicators and risk attitudes among cadets of a military university in the process of socialization, its ambiguity in connection with an interdisciplinary situation. The analysis of foreign and Russian theoretical works on the topic of risk. The basic ideas and approaches to the interpretation of this term are studied.

The results of an empirical study of risk and risk behavior indicators of cadets of the Saratov Military Order of Zhukov of the Red Banner Institute of the National Guard of the Russian Federation are presented. The sample was 274 male cadets. The focus of the study is focused on the study of the following risk indicators: rational decision-making factor, decision-making factor related to risk appetite, reasonable risk, justifiable risk, situational risk in everyday life, situational risk in extreme conditions (in the interests of military service).

The results of an empirical study showed that the formation of various indicators of risk preparedness and risk attitudes among students is non-linear and heterochronous. Thus, strong opposing changes in risk appetite are accompanied by weaker changes in preparedness for reasonable and justifiable risk, and situational risk in everyday life has much stronger dynamics than in the service situation. These data testify in favor of the complex process of formation of cadets' attitude to risk in the process of military socialization, which may be associated with the assimilation of standards of responsibility not only for themselves, but also for the entrusted team and duty to the country.

Keywords: risk, risk appetite, decision-making factors, military-professional socialization, cadets.

Аннотация. В статье раскрывается сущность понятия «риск», показано становление различных показателей риска и отношений к риску у курсантов военного ВУЗа в процессе социализации, его неоднозначность в связи с междисциплинарным положением. Проведен анализ зарубежных и российских теоретических работ, посвященных теме риска. Изучены основные идеи и подходы в трактовке данного термина.

Вниманию представлены результаты эмпирического исследования показателей риска и рискованного поведения курсантов Саратовского военного ордена Жукова Краснознаменного института войск национальной гвардии Российской Федерации. Выборочная совокупность составила 274 курсанта мужского пола. Фокус исследования сосредоточен на изучении следующих показателей риска: фактор рационального принятия решений, фактор принятия решений связанный с готовностью к риску, разумный риск, оправданный риск, ситуативный риск в обыденной жизни, ситуативный риск в экстремальных условиях (в интересах военной службы).

Результаты проведенного эмпирического исследования показали, что становление различных показателей готовности к риску и отношений к риску у курсантов происходит нелинейно и гетерохронно. Так, сильные противоположные изменения готовности к риску сопровождаются более слабыми изменениями готовности к разумному и оправданному риску, а ситуативный риск в обыденной жизни имеет гораздо более сильную динамику, нежели в служебной ситуации. Эти данные свидетельствуют в пользу сложного процесса становления отношения курсантов к риску в процессе военной социализации, что может быть связано с усвоением норм ответственности не только за себя, но и за вверенный коллектив и долг перед страной.

Ключевые слова: риск, готовность к риску, склонность к риску, факторы принятия решений, военно-профессиональная социализация, курсанты.

Воинская служба по сути своей связана с риском для жизни человека, как явным, так и возможным. Поэтому люди, которые готовы сознательно связать свою судьбу с военной службой априори в той или иной степени должны быть готовы к этому риску.

Несмотря на то, что в военные институты для обучения поступают разные по своим морально — деловым качествам и возможностям молодые люди, в результате их социализации происходит становление личности офицеров готовых решать поставленные служебные и боевые задачи, в том числе и с риском для жизни.

Актуальность нашего исследования подтверждает меткое выражение выдающегося военного деятеля, педагога М. Драгомирова: «Губить других в бою, не рискуя

самому погибнуть, нельзя, как это ни приятно личному самосохранению. Это то же, что ловить птиц насыпанием соли на хвост» [1]. Это характерно не только для боевых условий, но и при выполнении служебно-боевых задач в мирное время. В. Кульчицкий писал: «Нет ничего хуже нерешительности. Лучше худшее решение, чем колебание или бездействие. Упущенный момент не вернешь» [2].

Интерес к проблеме риска исследователей из разных областей науки лишний раз подчеркивает ее многоплановость и междисциплинарность. Сфере риска применительно к военной службе посвящены работы таких исследователей, как: Р.М. Шамионов[3,4], М.А. Кленова [4], И.С. Бахтин[5], С.В. Ильинский[6], А.Г. Караяни[7](психология), П.П. Патахов[8] (медицина), П.В. Разов[9] (социология), Н.В. Антипьева[10] (социальное право) и др.

Само понятие «риск» происходит от фр. Risqué — «подвергаться опасности» и подразумевает действие, направленное на привлекательную цель, достижение которой сопряжено с элементом опасности, угрозой потери, неуспеха[11]. В отечественной психологии чаще всего используется следующее определение риска: «ситуативная характеристика деятельности, выражающаяся в неопределенности ее исхода и возможных неблагоприятных последствиях в случае неуспеха» [12]

Анализируя формулировку, данную риску С.И. Ожеговым: «Возможность опасности, неудачи. Действие наудачу в надежде на счастливый исход.» [13], исследователь Ю. Рягин пишет: «риск способен оказать непосредственное влияние на разрешение сложившейся ситуации, которое может принимать различные формы. Он способен перечеркнуть запланированные действия своего субъекта — человека. Тот видит возможность поражения. Однако остаются шансы, что из нескольких исходов один (счастливый) все же будет реализован. Оценка остальных исходов опущена, но их наличие подразумевается изначально. Все вместе свидетельствует о смысловой наполненности, многогранности, присущей риску.

Анализ простого с виду определения показывает: риск выступает в виде развитой категории, фиксирующей многозначность перспектив развития, которые рассматривают с точки зрения целенаправленно действующего субъекта риска — человека. Человек имеет возможность выбрать один из нескольких вариантов осознанного действия либо просто отступить» [14].

«Риск», «готовность к риску», «склонность к риску»,— понятия, как мы уже упоминали, связанные также с воинским трудом. Причем связанные и непосредственно и опосредованно. В контексте становления военного на разных этапах социализации интересен вопрос возможности эффективного управления рисками. Но, как правильно отметил Ю. Рягин: «управление рисками невозможно без понимания их природы» [14].

В данной статье мы рассматриваем динамику показателей риска у курсантов военного ВУЗа на разных этапах социализации, для выработки понимания причин и условий, оказывающих влияние на молодых людей в процессе становления их как профессионалов своего дела, имеющих важное значение в формировании отношения к риску у будущих офицеров.

Сфокусируем наше внимание на анализе результатов шести показателей отношения к риску (см. табл. 1), выявленных по итогам эмпирического исследования, проводимого на курсантах военного ВУЗа.

Цель данного исследования — провести анализ динамики характеристик отношения к риску и рискованности курсантов военного вуза на разных этапах военной социализации.

Такое исследование позволит выявить не просто становление готовности курсантов к риску, но выяснить, в какой мере он осознан, в какой степени он соотносится с рациональностью, субъективной оправданностью и разумностью; специфику динамики этих характеристик на разных этапах военной социализации курсантов. Такое теоретическое знание обладает новизной и позволит пополнить теоретическую область социальной психологии риска новым содержанием.

Предмет исследования — особенности динамики характеристик отношения к риску и рискованности курсантов военного вуза на разных этапах военной социализации.

Методологическая основа исследования

Методологической основой данного исследования послужили общенаучный системный подход (В.А. Ганзен, К.К. Платонов, Б.Ф. Ломов, А.В. Карпов, В.Д. Шадриков), в соответствии с которым отношение к риску и рискованность рассматриваются как системные объекты, имеющие внутреннюю структуру; системно-диахронический подход к анализу процесса социализации личности (Р.М. Шамионов), в соответствии с которым становление личностных образований характеризуется диахронностью и сменой оснований на разных этапах социализации; результаты теоретических исследований в области риска и рискованности (Р.М. Шамионов, А.В. Иванов, В.И. Зубков, Л.В. Артемьева); результаты исследований военной социализации и ее специфики в отношении к общей социализации (С.Н. Дигин, Р.А. Терехин, Р.М. Шамионов, А.В. Созонник).

Таблица 1.

	ЛФР — рациональность	ЛФР — готовность к риску	Разум. риск	Оправд. Риск	Ситуат. Риск (обыд.жизнь)	Ситуат.риск (служ./экстр.)
среднее	M ± SD	M ± SD	M ± SD	M ± SD	M ± SD	M ± SD
1 курс	7,86 ± 3,09	5 ± 3,03	4,75 ± 1,67	4,78 ± 2,02	2,49 ± 1,96	3,82 ± 2,26
2 курс	6,32 ± 3,69	4,85 ± 3,33	4,58 ±1,62	5,04 ± 1,66	2,91 ± 1,97	3,87 ± 1,9
3 курс	6,47 ± 2,65	5,62 ± 2,59	4,73 ± 1,7	5,02 ± 1,94	3,32 ± 2,37	3,72 ±2,34
4 курс	6,42 ± 3,95	5,14 ± 3,05	4,44 ± 1,68	4,52 ± 1,88	2,17 ± 1,79	3,25 ± 2,01
5 курс	7,15 ± 3,51	4,58 ± 3,2	4,58 ± 1,51	4,92 ± 1,74	2,83 ± 2,06	3,61 ± 2,2
1–2 курс	-19,50%	-3%	-3,57%	5,40%	16,86%	1,30%
2–3 курс	2,37%	15,87%	3,27%	-0,39%	14,08%	-3,87%
3–4 курс	-0,77%	-8,50%	-6,10%	-9,96%	-34,63%	-12,63%
4–5курс	11,37%	-10,89%	3,15%	8,84%	30,41%	11,07%

Методика

Основным методом анализа эмпирических результатов явился сравнительный метод. Для получения эмпирических данных использован метод анкетирования и опроса. Анкета включала разработанные нами вопросы, направленные на оценку социодемографических показателей, а также шкалы, направленные на оценку отношения к риску. Данные шкалы разработаны на основе пилотажного исследования, в котором приняли непрофессиональные эксперты в количестве 15 человек. В качестве экспертов выступили кадровые офицеры со сроком службы от 10 до 26 лет.

Затем все шкалы были оценены 3 психологами-исследователями в данной области. В результате отбора в исследовании использованы следующие шкалы: разумного риска, оправданного риска, ситуативного риска в повседневной жизни, ситуативного риска в экстремальной ситуации.

Для оценки степени рискованности нами использован опросник «Личностные факторы принятия решений» (ЛФР) Т. В. Корниловой, авторский опросник по определению склонности к риску. Опросник состоит из 25 пунктов и позволяет определить показатели по шкалам: готовности к риску и рациональности.

Показатели Альфа Кронбаха варьируют в пределах 0,86–0,92, что свидетельствует о достаточно хорошей внутренней согласованности и вполне приемлемо для использования.

Выборка

В исследовании приняли участие 274 курсанта мужского пола, Саратовского военного ордена Жукова Краснознаменного института войск национальной гвардии Российской Федерации, в возрасте от 17 до 24 лет, M = 20,55 лет. Объем выборок: 1 курс — n = 50, 2 курс — n = 55, 3 курс — n = 53, 4 курс — n = 56, 5 курс — n = 60. Испытуемые представляют разные социально–демографические группы: по семейному положению, уровню дохода, составу семьи, месту проживания до поступления в военный институт.

Основная часть

Как видно из данных средних и стандартных отклонений, приведенных в таблице 1, показатели рациональности весьма сильно разбросаны у курсантов 4 курса, а более всего гомогенны на третьем курсе. Это значит, что на четвертом курсе происходит сильная дифференциация между теми, кто характеризуется низкой рациональностью и высокой. Аналогично обстоит дело и с готовностью к риску (второй показатель). Показатели ситуативного риска в обыденной жизни и в служебной ситуации наиболее низки и гомогенны на четвертом курсе. На 1–3 курсах они в основном находятся в противоположных фазах. Очевидно, обыденная жизнь и служебная деятельность курсантами достаточно гибко различаются на 1–3 курсах, а далее происходит усиление связи между ними и аналогичная динамика. Нечто подобное происходит и с представлениями об оправданном и разумном риске: несоответствие на начальных этапах социализации и согласованность на более поздних.

Динамика отдельных показателей риска у курсантов военного ВУЗа связана с ростом и спадом на отдельных этапах военной социализации. Так, на втором курсе отмечен спад показателей фактора рационального принятия решений, фактора принятия решений связанного с готовностью к риску и показателей разумного риска. В свою очередь отмечается рост показателей оправданного риска, ситуативного риска в обыденной жизни и ситуативного риска в экстремальной ситуации.

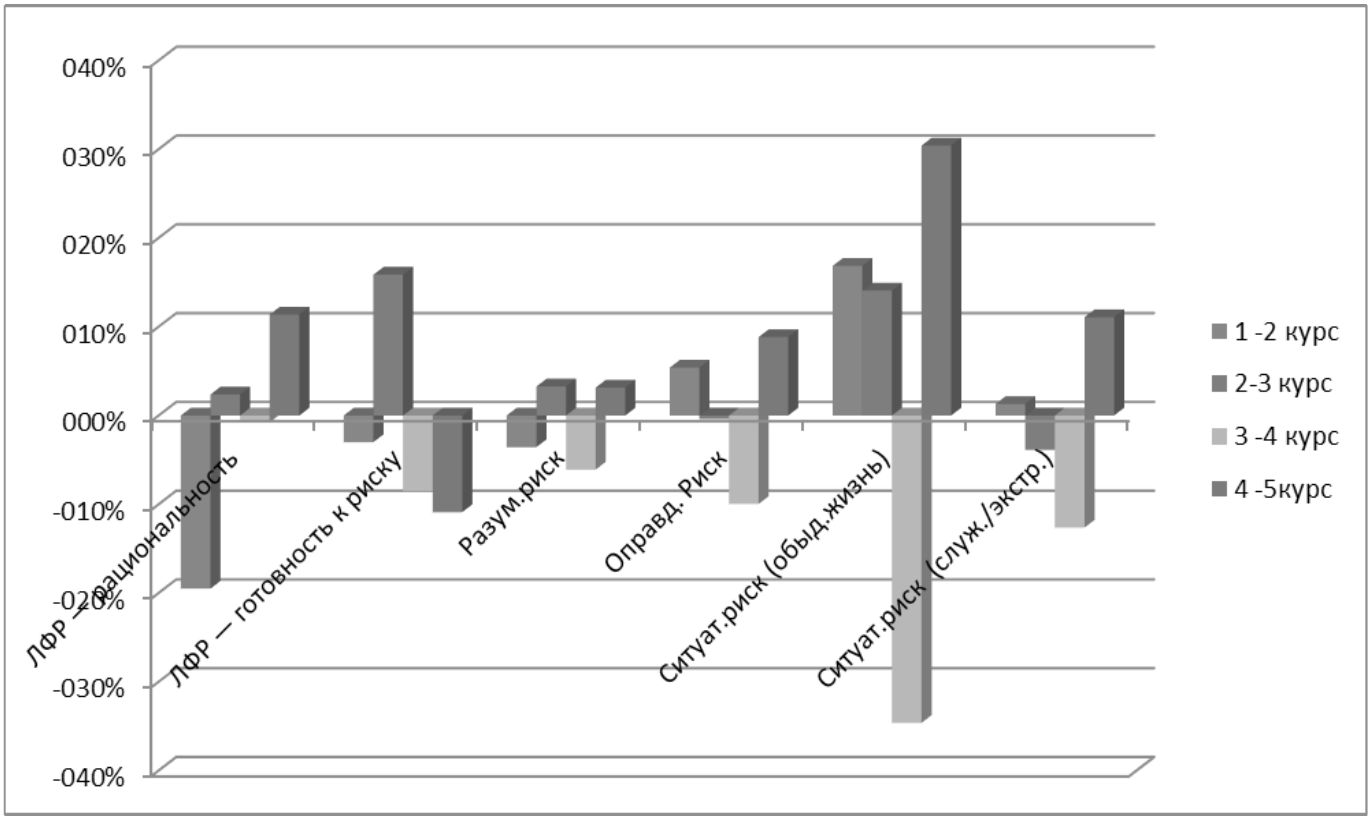

Рис. 1. Изменение показателей риска на разных этапах социализации

На третьем курсе отмечен рост показателей фактора рационального принятия решений, фактора принятия решений связанного с готовностью к риску, разумного риска, ситуативного риска в обыденной жизни. Снижаются показатели оправданного риска и ситуативного риска в экстремальной ситуации.

На четвертом курсе показатели риска идут на снижение: фактора рационального принятия решений, фактора принятия решений связанного с готовностью к риску, разумного риска, оправданного риска, ситуативного риска в обыденной жизни и ситуативного риска в экстремальной ситуации.

На пятом курсе, в ходе завершающего этапа военной социализации в военном ВУЗе установлен рост следующих показателей риска: фактора рационального принятия решений, разумного риска, оправданного риска, ситуативного риска в обыденной жизни, и ситуативного риска в экстремальной ситуации. Выявлено снижение показателей фактора принятия решений связанного с готовностью к риску.

Таким образом, нами установлено, что показатели риска в период военно-профессиональной социализации в военном ВУЗе изменяются нелинейно.

Как видно из рис. 1, такой показатель риска, как фактор рационального принятия решений претерпевает ряд изменений в процессе военной социализации курсантов военного ВУЗа. Так, с первого по второй курс происходит резкий спад, а со второго на третий — слабый рост показателей данного фактора. Затем на четвертом курсе мы видим незначительное снижение и с четвертого по пятый курс сильный рост вышеуказанного показателя риска.

По нашему мнению, данные изменения обусловлены тем, что на начальном этапе военно-профессиональной социализации (с первого по второй курс) курсанты находятся в процессе адаптации к новым для себя условиям. Недостаточно зная основные правила функционирования военной организации, не умея еще в достаточной степени уверенности оперировать усваиваемыми в процессе военной социализации знаниями и нормами, курсанты в меньшей степени готовы принимать решения с точки зрения рациональности. Динамическое равновесие «фактора рационального принятия решений» со второго по четвертый курсы обусловлено тем, что пройдя определенный процесс становления в воинском коллективе, курсанты более склонны к осторожности в вопросах принятия решений и рассмотрения последствий их принятия с точки зрения целесообразности

и рациональности. На завершающем этапе военной социализации, курсанты уже напротив, готовясь к предстоящему выпуску, планируя свою деятельность в роли офицера, командира, на чьих плечах будет лежать ответственность за человеческие жизни, относятся к принятию решений с осторожностью и расчетливостью, избегая ненужных, неоправданных, опасных ситуаций.

Показатель принятия решений связанный с готовностью к риску, в свою очередь, также претерпевает ряд изменений: с первого по второй курс происходит незначительный спад, со второго на третий — резкий скачок показателей вышеуказанного параметра. Затем, с третьего по четвертый курс происходит резкое снижение показателей и с четвертого по пятый курс это снижение продолжается, но уже не так значительно.

Мы считаем, что данные изменения связаны с тем, что на первом и втором курсах, находясь в большой зависимости от семьи, основная масса курсантов опасаясь отчисления, порицания командования и родителей, стараются не принимать такие решения, которые смогут навредить их дальнейшему обучению в военном ВУЗе, а принятие ответственных, связанных с риском решений стараются переложить на плечи более опытных, авторитетных людей (командиров, товарищей, родителей и т.д.).

Резкий скачок показателей данного параметра со второго по третий курс, по нашему мнению, обусловлен тем, что на данном этапе социализации, по мере взросления, молодые люди становятся более самостоятельны и проявляют больше смелости в вопросах принятия решений. Более подробно о причинах изменений именно в этот период и именно в этом возрасте показано в работах Э. Эриксона [15]. У курсантов формируется т.н. «чувство цели». Как указали в своей работе В. Ильин, и Д. Свирин [16], «Развитое чувство цели обусловливает способность индивида ставить достаточно амбициозные и вместе с тем реалистичные личностные задачи и прилагать целенаправленные усилия к их достижению. Такие люди, как правило, готовы идти на оправданный риск, не «пасуя» перед возможными промежуточными неудачами на пути к намеченной цели. Они также открыты для нового опыта и ролевого экспериментирования». Именно на третьем курсе происходит основная масса отчислений из ВВУЗа и самое большее количество проблемных ситуаций, связанных с внутриличностными и межличностными конфликтами.

На четвертом курсе, показатель принятия решений связанный с готовностью к риску у курсантов резко падает, что в свою очередь свидетельствует о более зрелой, «взрослой» точке зрения на жизнь в воинском коллективе, свою роль в нем, расстановке основных жизненных ориентиров.

К пятому курсу, как мы видим, показатель принятия решений связанный с готовностью к риску у исследуемых продолжает снижаться. Мы считаем, что это напрямую связано с повышением параметра рационального принятия решений. Т.е. чем более курсант склонен в вопросе принятия решений руководствоваться принципом рациональности, тем меньше вероятность совершения рискованных поступков.

Следующий показатель на рисунке,— «склонность к разумному риску» также претерпевает ряд изменений, может не таких значительных как у предыдущего показателя, но от этого не менее значимых.

Так, с первого по второй курс происходит снижение индекса, затем со второго на третий курс значение параметра повышается, с третьего на четвертый курс индекс опять снижается, и с четвертого по пятый курс показатель повышает свое значение примерно до уровня второго-третьего курсов. Такие изменения показателей разумного риска могут быть связаны с изменением жизни курсантов, усложнением всей системы взаимоотношений, а также с возрастной сменой жизненных ориентиров и расстановкой первоочередных целей (что в принципе, согласовывается с изменениями которые мы наблюдали у предыдущих показателей риска).

Причину снижения показателя на начальном этапе военной социализации в ВВУЗе мы видим в том, что в силу возрастных особенностей молодые люди менее склонны рассматривать свои поступки и вероятные последствия от их совершения через призму разумной адекватности, человеку в 17–18 лет более присуща импульсивность в принятии решений и совершении поступков [16]. А в новых для курсантов условиях, когда только идет становление нового воинского коллектива, когда на них накладываются определенные ограничения, когда от них требуется совершение каких-либо действий, (в ходе учебы, службы и т.д.) не каждый человек, придя из гражданского общества способен вполне адекватно реагировать на реалии военной жизни.

Повышение индекса разумного риска в процессе военной социализации со второго по третий курс мы склонны рассматривать с позиции становления курсантов, как членов воинского коллектива, ознакомлением их с большинством тонкостей военной службы (необходимых для второго курса и в объеме подготовки «командир отделения-заместитель командира взвода») получением определенного опыта жизни в стенах военного института (знание распорядка дня, расписания занятий, требований командиров, преподавателей и т.п.).

С третьего по четвертый курс показатель разумного риска снижается, эти изменения могут быть связаны,

помимо эмоционально — возрастных причин с тем, что в ходе общения со своими сверстниками вне стен ВВУЗа, во время отпуска, курсанты особо восприимчивы к т.н. «альтернативным», возможным путям развития собственной жизни, в этот период усилия, затраченные на военную службу и учебу в военном институте кажутся зачастую напрасными, неоправданными («время проходит, а мои сверстники уже имеют высокий заработок», «а товарищ учится в престижном гражданском вузе и имеет лучшие перспективы», и т.п.), и этот внутренний конфликт снижает «разумность» принимаемых решений, не снижая готовности рисковать в целом.

Наконец с четвертого по пятый курс мы наблюдаем рост показателя разумного риска, что, по нашему мнению, может быть связано со своего рода преодолением кризиса неопределенности у молодых людей и укреплением военно-профессиональной ориентации.

В ситуации с таким показателем как «оправданный риск» мы видим, что с первого по второй курс его значение растет, такое изменение может быть связано с тем, что в возрасте 17–18 лет при принятии того или иного решения, сопряженного с риском для курсантов наиболее важно иметь оправдание своих действий (предстоящих или совершенных). Имея такое, своего рода, оправдание (обоснование), курсанту становится легче принимать решение.

Со второго по третий курс показатель оправданного риска понижается, что, как мы считаем связано с их адаптацией в условиях нахождения в стенах военного института (жизнь приобрела определенную размеренность, устроенность) и снижением общей готовности к риску.

С третьего по четвертый курс мы наблюдаем еще более резкое снижение индекса оправданного риска, что на фоне предыдущих показателей риска также может быть связано с нахождением курсантов на кризисном этапе военной социализации и в данный период на фоне роста готовности к риску в общем, оправданность рискованных поступков не имеет для исследуемых большого значения.

Рост показателя оправданного риска с четвертого по пятый курс, как мы считаем, связана с преодолением кризисного этапа военной социализации. В этот период снижается показатель готовности риска в целом, но приобретает значение его оправданность и обоснованность.

Рассматривая показатели ситуативного риска в обыденной жизни и в экстремальных условиях (в интересах военной службы) мы видим, что на разных этапах военной социализации показатели также претерпевают ряд изменений. Например, с первого по второй курс происходит резкий скачок показателя ситуативного риска в обыденной жизни; а показатель ситуативного риска в экстремальных условиях, в свою очередь, имеет незначительный рост. Эти значения, по нашему мнению, свидетельствуют о том, что на начальном этапе социализации молодым людям уже случалось идти на определенный риск в гражданской жизни (при занятиях спортом, в отношениях с близкими и т.п.), т.е. определенный опыт рискованных ситуаций уже был приобретен. Но к риску в экстремальных условиях (в интересах военной службы) они еще не совсем готовы.

Со второго по третий курс показатели ситуативного риска продолжают снижаться, что может быть объяснено общим снижением готовности к риску.

С третьего по четвертый курс, показатели ситуативного риска еще более резко идут на снижение, данное падение индекса на фоне роста готовности к риску в общем может быть объяснено тем, что в период кризисного этапа военной социализации курсанты готовы к риску в целом, как люди военные, как люди, имеющие возможность поменять свою судьбу в ту или иную сторону (вопрос, связанный с отчислением, сохранности жизни, здоровья, изменением семейного положения), но в вопросах ситуативного риска демонстрируют сдержанность и осторожность.

И на завершающем этапе военной социализации показатели ситуативного риска, и в обыденной жизни, и в экстремальных условиях (в интересах военной службы) демонстрируют нам резкий скачок. Такие изменения показателей, по нашему мнению, связаны с преодолением кризисного этапа. Курсанты ощущают себя военными людьми, уверенно связавшими свою судьбу с войсками национальной гвардии России в качестве будущих офицеров, общая напряженность, характерная для третьего-четвертого курсов снизилась. В данном случае, как мы считаем, можно говорить о формировании готовности уже зрелых, ответственных людей уверенно действовать в случае возникновения рискованных ситуаций.

Таким образом, рассмотрев изменения показателей риска на разных этапах военной социализации, на наш взгляд, можно сказать, что отношение к риску у курсантов ВВУЗа постоянно изменяется. Но в итоге, к окончанию пятого курса, основная масса курсантов относятся к принятию решений с осторожностью и расчетливостью, избегая ненужных, неоправданных, опасных ситуаций, в вопросе принятия решений руководствуются принципом рациональности. У курсантов складывается представление о целях и задачах, стоящих перед ними в будущей жизни, формируется готовность к будущей деятельности, некоторые к этому времени уже успели обзавестись семьей. Преодолевается кризис неопределенности, укрепляется военно-профессиональная направленность. В этот пе-

риод снижается показатель готовности риска в целом, но приобретает значение его оправданность и обоснованность. Курсанты ощущают себя «государевыми людьми», сформирована готовность уверенно действовать в случае возникновения рискованных ситуаций.

Выводы

В результате проведенных исследований нами обнаружены важные характеристики отношения к риску и готовности к риску. Наименее низкой динамикой обладают характеристики разумности и оправданности риска.

Анализ отношения к риску и рискованности в аспекте их изменений в условиях военной социализации курсантов является важным не только для риск-менеджмента в столь специфичной среде, но и для понимания психологических механизмов рискованного поведения, принятия риска в условиях подготовки к военной деятельности и ее реализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Драгомиров М. «Что сделает ваш штык против этого? (Que fera votre baïonette contre ceci?)» «Разведчик», журнал военный и литературный, № 481, 1 января 1900 года, стр. 4–7.
2. Кульчицкий В. Кодекс чести русского офицера или Советы молодому офицеру — Н. Новгород, 2017, Чёрная сотня — 160 с.
3. Шамионов Р. М. Социальная активность личности и риски. Известия Саратовского университета. 2012. Т. 1. Сер. Акмеология образования. Психология развития, вып. 3. С. 3–7.
4. Шамионов Р. М., Кленова М. А. Ценность и мотивация риска у представителей разных поколений// Вестн. Костромск. гос. ун.-та. 2009. Т. 15, № 3. С. 63–67.
5. Бахтин И. С. Особенности личности военнослужащих, склонных к аддиктивному поведению // Вестник Южно — Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2014. Том 7. № 2. С. 93–97.
6. Ильинский С. В. Психологические особенности военнослужащих по призыву из неполных семей [Электронный ресурс] — Режим доступа: https: // cyberleninka.ru / article / v / psihologicheskie — osobennosti — voennosluzhaschih — po — prizyvu — iz — nepolnyh — semey
7. Караяни А.Г., Малицкий Г. В. Социально — экологические факторы девиантного поведения военнослужащих [Электронный ресурс] — Режим доступа: https: // cyberleninka.ru / article / n / sotsialno — ekologicheskie — faktory — deviantnogo — povedeniya — voennosluzhaschih
8. Патахов П. П. Стрессоустойчивость военнослужащих в зоне особого риска. Кубанский научный медицинский вестник № 3 (145) 2014.
9. Разов П. В. Риски в сфере здоровья военнослужащих, уволенных в запас и членов их семей в контексте социальной адаптации.// Власть. 2015. № 10. С. 92–96
10. Антипьева Н. В. Жилищное обеспечение как способ компенсации социального риска военнослужащих. Вестник Омского университета. Серия «Право». 2009. № 4 (21). С. 169–179
11. Мещеряков Б.Г., Зинченко В. П. Большой психологический словарь. — СПб: Изд-во «Прайм-ЕВРОЗНАК», 2007.
12. Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах/ ред.-сост. Л. А. Карпенко под общ. ред. А. В. Петровского. М.: ПЕР СЭ, 2006.176 с.
13. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1975.
14. Рягин Ю. И., Бабушкин А. Н. 2017, 1-е изд. ред. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство ЮРАЙТ». 255 стр. (Сер. 11 Университеты России).
15. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.
16. Ильин В. А., Свирин Д. В. Психосоциальное развитие высокостатусных, среднестатусных и низкостатусных военнослужащих срочной службы // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 1. С. 144–161.
17. Ильин Е. П. Психология риска / Е. П. Ильин. — СПб.: Питер, 2012. — С. 17–37.
18. Альгин А. П. Риск и его роль в общественной жизни / А. П. Альгин. — М., 1989. — С. 19–47.

© Мещеряков Денис Александрович (dma21051980@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВОЗМОЖНОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ТРЕНИНГА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ БЛОКА БИОМЕХАНИЧЕСКОЙ СТИМУЛЯЦИИ МИМИЧЕСКИХ ПАТТЕРНОВ ЛИЦА В ОПТИМИЗАЦИИ САМООТНОШЕНИЯ У ЖЕНЩИН ЗРЕЛОГО ВОЗРАСТА

POSSIBILITIES OF PSYCHOLOGICAL TRAINING USING A BLOCK OF BIOMECHANICAL STIMULATION OF FACIAL EXPRESSION PATTERNS IN OPTIMIZING SELF-ATTITUDE IN WOMEN OF MATURE AGE

S. Nikiforova
J. Zhivaeva
E. Stoyanova

Summary. The article presents the results of training using the block of biomechanical stimulation of facial expression patterns. The effectiveness of training through biomechanical stimulation of facial patterns in all indicators of self-attitude in women aged 40 to 45 years is shown. The concept of self-attitude in women during adulthood is examined in detail.

Keywords: biomechanical stimulation, self-attitude, psychological training, women of mature age, optimization.

Никифорова Светлана Владимировна
Клинический психолог, руководитель, студия «Экология красоты», г. Красноярск
583050@mail.ru
Живаева Юлия Валерьяновна
К.псх.н., доцент, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В. Ф. Войно–Ясенецкого», г. Красноярск
yul-zhivaeva@yandex.ru
Стоянова Екатерина Иннокетьевна
К.псх.н., доцент, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В. Ф. Войно–Ясенецкого», г. Красноярск
chernova@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены результаты тренинга с использованием блока биомеханической стимуляции мимических паттернов лица. Показана эффективность тренинга посредством биомеханической стимуляции паттернов лица по всем показателям самоотношения у женщин в возрасте от 40 до 45 лет. Подробно рассматривается понятие самоотношение у женщин в период зрелого возраста.

Ключевые слова: биомеханическая стимуляция, самоотношение, психологический тренинг, женщины зрелого возраста, оптимизация.

Введение

Отношение человека к себе является базовым конструктом личности, оказывает регулирующее влияние практически на все аспекты поведения, играет важнейшую роль в установлении межличностных отношений, в постановке и достижении целей, в способах формирования и разрешения кризисных ситуаций (С. Р. Пантилеев, В. В. Столин, Н. Ю. Хусаинова). По мнению А. П. Корнилова, позитивное устойчивое самоотношение лежит в основании веры человека в свои возможности, в свою самостоятельность, энергичность, обусловливает оптимизм в отношении ожидания успешности своих действий в ситуациях неопределенности. С. Г. Якобсоном и Г. И. Моревой показано, что люди с позитивным самоотношением менее поглощены своими внутренними проблемами, гораздо реже страдают психосоматическими расстройствами. Негативное же самоотношение, по мнению С. Куперсмита, является источником психологических проблем, являющихся причиной обращения за помощью к психологу.

В современной психологии проблеме самоотношения уделяется пристальное внимание. Среди зарубежных и отечественных исследований можно назвать работы Р. Бернса, С. Куперсмита, С. Р. Пантилеева, М. Розенберга, Н. И. Сарджвеладзе, Е. Т. Соколовой, В. В. Столина, Р. Щавельзона, изучавших особенности строения самоотношения. Д. В. Желателев, А. П. Корнилов, М. И. Лисина, Г. И. Морева, К. Роджерс, И. Г. Чеснова, С. Г. Якобсон исследовали взаимосвязи самоотношения с другими проявлениями личности. Н. Н. Авдеева, А. Адлер, Р. Берне, Г. К. Валицкас, Ю. Б. Гиппенрейтер, Е. И. Савонько, В. Сатир, Э. Эриксон выделяли факторы, оказывающие влияние на формирование самоотношения.

В отечественной психологии понимание «самоотношения», как установочного образования, нашло свое отражение в работах тех исследователей, которые выстраивают свои представления о данном феномене на базовых положениях теории диспозиционной регуляции социального поведения В. А. Ядова и теории установки Д. Н. Узнадзе.

В традиции школы Д. Н. Узнадзе концептуальная модель самоотношения как социальной установки была наиболее детально разработана Н. И. Сарджвеладзе. Этот исследователь впервые ввел понятие «самоотношение» в научный обиход, классифицируя его как подкласс социальной установки. Самоотношение определяется им как отношение субъекта потребности к ситуации ее удовлетворения, которое направлено на самого себя. В целом, можно отметить, что исследователи, определяющие самоотношение личности как установочное образование, акцентируют свое внимание на его важном месте в системе саморегуляции.

Теоретические основы понимания самоотношения как компонента самосознания были заложены И. И. Чесноковой, которая ввела в научный обиход понятие «эмоционально-ценностное самоотношение». Она определила эмоционально-ценностное самоотношение как «специфический вид эмоционального переживания», в котором отражается собственное отношение личности к тому, что она узнает, понимает, «открывает» относительно самой себя.

Наиболее полно и целостно, на наш взгляд, категория самоотношения в отечественной психологии была разработана в трудах В. В. Столина и С. Р. Пантилеева. Этими авторами понятие самоотношения рассматривается в русле концепции о личностном смысле «Я» А. Н. Леонтьева. И, в соответствии с данным пониманием, определяется как «лежащее на поверхности сознания непосредственно-феноменологическое выражение (или представленность) личностного смысла «Я» для самого субъекта. При этом специфика переживания смысла «Я» производна от реального бытия субъекта, его объективной позиции в социуме». В своей работе мы придерживаемся именно этого определения самоотношения.

Несмотря на то, что в последние десятилетия в психологии общеосознанна необходимость учета гендерных различий психических процессов, свойств, личностных образований (И. В. Грошев, И. С. Клецина, О. Г. Лопухова и др.). В диссертационном исследовании Шарай Татьяны Петровны «Изменение самоотношения личности у женщин в результате многомерного психологического воздействия» показано, что внимание гендерным особенностям самоотношения акцентируется в отечественной и зарубежной психологии недостаточно.

Одним из направлений развития гендерных исследований в психологии является «женская психология». «Женские исследования» (women studies) направлены на решение задачи выявления особенностей женского опыта и чисто «женских» психологических проблем (Р. Хоф). Как отмечает И. С. Клецина, проблема половой дифференциации в рамках этого направления приобрела новый ракурс. В основном исследования «женской психики» ориентированы на психологическую практику, выполняются в контексте психологической помощи женщинам, пострадавшим в результате психического или физического насилия, и, чаще всего, не находят отражения в научных публикациях. Среди немногих авторов, касающихся проблем женской психологии,— Ю. Е. Алешина, С. Бем, Ш. Берн, И. С. Кон.

В рамках тендерной психологии близкими к теме нашего исследования являются работы, посвященные выявлению особенностей самооценок у мальчиков и девочек, юношей и девушек (Я. И. Михайловский, О. М. Мороз, Н. Н. Обозов, И. В. Тельнюк), анализу степени выраженности отдельных компонентов самоотношения у мужчин и женщин (Т. Н. Курбатова, Я. В. Куус), взаимосвязи образа тела и самоотношения у старшеклассников (Д. В. Желателев). Обзор литературы показал, что недостаточно изученным остается вопрос об особенностях самоотношения женщин. В настоящее время в психологической практике разрабатываются поло-ориентированные технологии изменения самоотношения методами психологического воздействия.

Формулировка цели статьи, ее актуальность

Актуальность нашего исследования «Возможности тренинга в оптимизации самоотношения у женщин» обусловлена совмещением технологий изменения самоотношения методами психологического воздействия с технологиями биомеханической стимуляции. Биомеханическая стимуляция — новое направление в физической культуре и спорте. Она осуществляется путем воздействия на мышцы человека механическими факторами, точнее вибрацией, а в результате получаются психофизиологические эффекты.

Изложение основного материала статьи

В настоящее время, существует множество разрозненных и противоречивых фактов, различных методологических установок, отсутствует общепризнанная и устоявшаяся терминология, связанная с самоотношением и образом тела как объектов социально-психологического анализа. Отечественная психология располагает еще недостаточными теоретическими и практическими данными по этой проблеме. В настоящий момент, в социальной психологии существует лишь немногочисленное число работ, посвященных проблеме гендер — социальные атрибуты внешнего облика С. Н. Яременко, D. Kyle. и др.; изучающие представления о способах оформления внешнего облика маскулинной, феминной личности А. А. Бодалев, В. А. Лабунская. Нет четко установленных

закономерностей влияния самого содержания Образа Физического Я, сформированного в процессе социального взаимодействия, его составляющих, его формально-структурных характеристик, как на частные самооценки, так и глобальное отношение к себе.

Методологической основой исследования выступили положения С.Л. Рубинштейна о признании человека субъектом собственной жизни и теоретические представления об уровневой организации системы самоотношения, изложенные в работах В.В. Столина.

При построении схемы эмпирического исследования учитывались: принцип единства теории, эксперимента и практики Б.Ф. Ломова, принцип целостного изучения личности во всем многообразии ее проявлений (Б.Г. Ананьев, В.Н. Мясищев, К.К. Платонов, В. Штерн) и концепция психологической организации человека как субъекта саморазвития (Л.М. Попов).

Исследование было организовано и проведено на базе: студия «Экология Красоты». В исследовании принимали участие 14 женщин в возрасте 40–45лет.

В качестве диагностического инструментария нами были использованы: Опросник самоотношения направлен на выявление уровня самоотношения испытуемого к самому себе. Разработан В.В. Столиным и С.Р. Пантилеевым в 1985 году. Опросника позволяет выявить три уровня самоотношения, отличающихся по степени обобщенности:

1. глобальное самоотношение;
2. самоотношение, дифференцированное по самоуважению, аутсимпатии, самоинтересу и ожиданиям отношения к себе;
3. уровень конкретных действий (готовности к ним) в отношении к своему «Я».

Методика «Маскулинность-феминность» С. Бем

Методика была предложена Сандрой Бем (Sandra L. Bem, 1974) для диагностики психологического пола и определяет степень андрогинности, маскулинности и феминности личности.

В качестве исходного положения при разработке психологического блока тренинга нами были учтены три уровня самоотношения, отличающихся по степени обобщенности:

1. глобальное самоотношение;
2. самоотношение, дифференцированное по самоуважению, аутсимпатии, самоинтересу и ожиданиям отношения к себе;
3. уровень конкретных действий (готовности к ним) в отношении к своему «Я».

Цель психологического блока тренинга: расширение сферы «Я» человека (получить полное и точное представления о себе как об индивидуальности), коррекция отношения к себе, формирование уверенности.

Задачи:

- развитие внутренней активности, самопонимания,
- оптимизация самоуверенности и самопринятия,
- формирование социального доверия,
- формирование адекватной самооценки.

Технология коррекции направлена на изменение самоотношения. Однако поскольку отношение к себе формируется на основе представлений о себе, сопряженных с их самооценкой, и проявляется в поведении, в орбиту воздействия вовлекаются все компоненты сферы Я — «образ Я», самооценка, самоотношение.

Инструментом воздействия выступает группа, которая позволяет выйти на понимание и коррекцию проблем человека за счет межличностного взаимодействия и групповой динамики. В группе человек чувствует себя принимающим и принятым, доверяющим и пользующимся доверием, заботящимся и окруженным заботой, помогающим и получающим помощь. В такой обстановке взаимопонимания и взаимодействия облегчается процесс разрешения межличностных конфликтов, возникающих вне группы. Человек пробует и осваивает новые навыки поведения, у него появляется возможность экспериментировать с различными стилями межличностных отношений.

Средства: мини лекции, игра, элементы психогимнастики, приемы неигровой деятельности, направленные на развитие навыков самоанализа, общения, релаксации, элементы психодрамы.

Тематика занятий предусматривает коррекцию представлений о себе, т.е. когнитивных компонентов сферы «Я», процесс самооценивания, эмоционально-ценностного отношения к себе, и, как следствие, неадекватных образцов поведения.

Психологический блок разработан на основе работ: Чурило Н.В. (2015), Колковой С.М. (2006), Трошкиной Е.В. (2001), Большакова В.Ю. (1996), Харина С.С (1998).

При построении психологического блока тренинга самоотношения учитывались следующие принципы:

1. акцент на взаимоотношениях между участниками группы в ситуациях «здесь и теперь»;

2. объективация субъективных чувств и эмоций участников группы по отношению друг к другу, выступающих в качестве материала для анализа;
3. атмосфера раскованности и свободы общения между участниками, которая создается для того, чтобы можно было искренне и правдиво выражать свои чувства и ощущения по отношению друг к другу, а также получать «обратную связь» от других членов группы;
4. климат психологической безопасности, при котором обеспечивается индивидуальный выбор как степени включения в групповой процесс, так и происходящих в ходе этого процесса изменений.

Технология оптимизации самоотношения личности рассчитана на регулярные занятия в течение 12 занятий в течение 2 месяцев. Самое главное при проведении различных упражнений — это анализ и рефлексия своих мыслей, эмоциональных состояний, поступков. Каждый член группы в ходе выполнения упражнений анализирует представления о себе, механизмы оценивания себя в различных ситуациях, причем может сразу проверить адекватность самооценки через обратную связь и обсуждение в группе. При выполнении любых упражнений есть возможность высказать свое мнение, эмоции, обсудить свое состояние, отношение к себе и другим в процессе работы и после выполнения какого-либо упражнения.

Завершает каждое занятие самоотчет всех участников группы о своих ощущениях, эмоциях, установках и др., проводимый последовательно каждым членом группы и направленный на закрепление знаний, отношений и поведенческих паттернов, полученных в ходе занятия. Самоотчет проводится в форме упражнения «Рефлексия „здесь и сейчас»*, которое предназначено для отработки навыка рефлексии и контроля внутригрупповых процессов в ходе тренинга. а также с помощью данного упражнения участники программы обучаются анализировать информацию о себе и других людях, как во время занятий, так и вне их.

Описание блока Биомеханической стимуляции мимических паттернов лица

Увядание кожи, особенно мышц лица — это наступление не лучшего периода в нашей жизни. Особенно тягостно переносят его женщины. Делаются отчаянные попытки стереть следы возраста. Это частично удается разглаживанием морщин, кремом и пудрой, в крайнем случае хирургической операцией. Все эти средства не функциональные, а чисто внешние, косметические. Они не борются с причинами увядания кожи, а только с внешним их проявлением. Происходит своеобразная погоня за своей тенью.

Работы по воздействию на организм человека методами БМ-стимуляции защищены 10 авторскими свидетельствами на изобретения, отмечены Почетной грамотой Спорткомитета СССР, в короткий срок прошли от стадии научных разработок до внедрения в практику. Само явление биомеханической стимуляции представляется чрезвычайно интересным и перспективным во многих отношениях. Практически нет такого проявления жизнедеятельности человека, в области которой с той или иной мерой положительного эффекта нельзя было бы использовать ее.

Анализируя результаты первичной и повторной диагностик «Опросник самоотношения», мы имеем возможность констатировать следующее: по Шкале «Закрытость» высокие значения (данные изменились в соотношении 35 на 25%) отражают выраженное защитное поведение личности, желание соответствовать общепринятым нормам поведение и взаимоотношений с окружающими людьми. Средние значения (данные изменились в соотношении 40 на 35%) означают избирательное отношение человека к себе; преодоление некоторых психологических защит при актуализации других, особенно в критических ситуациях. Низкие значения (данные изменились в соотношении 25 на 40%) указывают на внутреннюю честность, на открытость отношений человека с самим собой, на достаточно развитую рефлексию и глубокое понимание себя.

По Шкале «Самоуверенность» высокие значения (данные изменились в соотношении 20 на 40%) характеризуют выраженную самоуверенность, ощущение силы собственного «Я», высокую смелость в общении. Человек уважает себя, доволен собой, своими начинаниями и достижениями, ощущает свою компетентность и способность решать многие жизненные вопросы. Средние значения свойственны тем, кто в привычных для себя ситуациях сохраняет работоспособность, уверенность в себе, ориентацию на успех начинаний. Низкие значения (данные изменились в соотношении 40на20%) отражают неуважение к себе, связанное с неуверенностью в своих возможностях, с сомнением в своих способностях. Человек не доверяет своим решениям, часто сомневается в способности преодолевать трудности и препятствия, достигать намеченные цели.

По Шкале «Саморуководство» высокие значения (данные изменились в соотношении 30 на 40%) характерны для тех, кто основным источником развития своей личности, регулятором достижений и успехов считает себя. Средние значения раскрывают особенности отношения к своему «Я» в зависимости от степени адаптиро-

ванности в ситуации. В привычных для себя условиях существования, в которых все возможные изменения знакомы и хорошо прогнозируемы, человек может проявлять выраженную способность к личному контролю. Низкие значения (данные изменились в соотношении 30 на 20%) описывают веру субъекта в подвластность своего «Я» внешним обстоятельствам и событиям. Механизмы саморегуляции ослаблены. Волевой контроль недостаточен для преодоления внешних и внутренних препятствий на пути к достижению цели. Основным источником происходящего с человеком признаются внешние обстоятельства. Причины, заключающиеся в себе, или отрицаются, то встречается довольно часто, вытесняются в подсознание.

По Шкале «Отраженное самоотношение» высокие (данные изменились в соотношении 35 на 40%) значения соответствуют человеку, который воспринимает себя принятым окружающими людьми. Средние значения (данные изменились в соотношении 35 на 40%) означают избирательное восприятие человеком отношения окружающих к себе. Низкие значения указывают на то, что человек относится к себе как к неспособному вызвать уважение у окружающих, как к вызывающему у других людей осуждение и порицание.

По Шкале «Самоценность» высокие значения (данные изменились в соотношении 35 на 45%) принадлежат человеку, высоко оценивающему свой духовный потенциал, богатство своего внутреннего мира, человек склонен воспринимать себя как индивидуальность и высоко ценить собственную неповторимость. Средние значения отражают избирательное отношение к себе. Человек склонен высоко оценивать ряд своих качеств, признавать их уникальность. Низкие значения (данные изменились в соотношении 35 на 25%) говорят о глубоких сомнениях человека в уникальности своей личности, недооценке своего духовного «Я».

По Шкале «Самопринятие» высокие значения (данные изменились в соотношении 20 на 40%) характеризуют склонность воспринимать все стороны своего «Я», принимать себя во всей полноте поведенческих проявлений. Средние значения отражают избирательность отношения к себе. Низкие значения (данные изменились в соотношении 40 на 20%) указывают на общий негативный фон восприятия себя, на склонность воспринимать себя излишне критично.

Шкала «Самопривязанность» высокие значения (данные изменились в соотношении 35 на 20%) отражают высокую ригидность «Я»-концепции, стремление сохранить в неизменном виде свои качества, требования к себе, а главное — видение и оценку себя. Средние значения (данные изменились в соотношении 45 на 35%) указывают на избирательность отношения к своим личностным свойствам, на стремление к изменению лишь некоторых своих качеств при сохранении прочих других. Низкие значения (данные изменились в соотношении 20 на 45%) фиксируют высокую готовность к изменению «Я»-концепции, открытость новому опыту познания себя, поиски соответствия реального и идеального «Я».

По Шкале «Внутренняя конфликтность» высокие значения (данные изменились в соотношении 45 на 20%) соответствуют человеку, у которого преобладает негативный фон отношения к себе. Он находится в состоянии постоянного контроля над своим «Я», стремится к глубокой оценке всего, что происходит в его внутреннем мире. Средние значения (данные изменились в соотношении 35 на 45%) характерны для человека, у которого отношение к себе, установка видеть себя зависит от степени адаптированности в ситуации. Низкие значения (данные изменились в соотношении 20 на 35%) наиболее часто встречаются у тех, кто в целом положительно относится к себе, ощущает баланс между собственными возможностями и требованиями окружающей реальностию.

По Шкале «Самообвинение» высокие значения (данные изменились в соотношении 40 на 20%) можно наблюдать у тех, кто видит в себе прежде всего недостатки, кто готов поставить себе в вину все свои промахи и неудачи. Средние значения (данные изменились в соотношении 40 на 60%) указывают на избирательное отношение к себе. Обвинение себя за те или иные поступки и действия сочетается с выражением гнева, досады в адрес окружающих. Низкие значения обнаруживают тенденцию к отрицанию собственной вины в конфликтных ситуациях. Защита собственного «Я» осуществляется путем обвинения преимущественно других, перенесением ответственности на окружающих за устранение барьеров на пути к достижению цели.

По результатам исследования нами выявлены изменения в характеристиках «Маскулинность-феминность». Произошли изменения в параметре андрогинность. В соответствии с существующими представлениями индивид не обязательно является носителем четко выраженной психологической маскулинности или феминности. В личности могут быть на паритетных началах представлены существенные черты как маскулинного, так и феминного типов. При этом предполагается, что у андрогина эти черты представлены гармонично и взаимодополняемо. Считается, что такая гармоничная интеграция маскулинных и феминных черт повышает адаптивные возможности андрогинного типа. При этом большая мягкость, устойчивость в социальных контактах и отсутствие резко выраженных доминантно — агрессивных тенденций в общении никак не связаны со снижением уверенности в себе, а напротив проявля-

ются на фоне сохранения высокого самоуважения, уверенности в себе и самопринятия. В уже упоминавшемся выше исследовании (Lau Sing, 1989) было показано, что адрогины не уступают маскулинному типу ни по уровню самоуважения в целом, ни по уровню самооценок академических достижений и собственной внешности (физическое Я).

На основании данных, полученных в результате повторной диагностики, мы наблюдаем оптимизацию показателей по всем использованным методикам.

Для определения эффективности проведения тренинга, мы использовали t-критерий Стьюдента (для связанных выборок). Анализ результатов статистической обработки данных по методике «Опросник самоотношения» В. В. Столина, С. Р. Пантилеева мы имеем возможность отметить следующее: полученное значение tэмп.=2,5 по шкале «Закрытость» находится в зоне значимости (t кр.=1,97; $p < 0,05$), что свидетельствует о статистической существенности различий между показателями первичной и повторной диагностик; по шкале «Самоуверенность» значение так же находится в зоне значимости tэмп.=2,6 (t кр.=1,97; $p < 0,05$), что так же свидетельствует о статистической существенности различий между показателями первичной и повторной диагностик; полученное значение tэмп.=2,3 по шкале «Саморуководсво» находится в зоне значимости (t кр.=1,97; $p < 0,05$), что свидетельствует о статистической существенности различий между показателями первичной и повторной диагностик. Полученное значение tэмп.=2,2 по шкале «Отраженное самоотношение» находится в зоне значимости (t кр.=1,97; $p < 0,05$), что свидетельствует о статистической существенности различий между показателями первичной и повторной диагностик; по шкале «Самоценность» значение так же находится в зоне значимости tэмп.=2,6 (t кр.=1,97; $p < 0,05$), значение tэмп.=2,5 по шкале «Самопринятие» находится в зоне значимости (t кр.=1,97; $p < 0,05$), что свидетельствует о статистической существенности различий между показателями первичной и повторной диагностик. Полученное значение tэмп.=2,4 по шкале «Самопривязанность» находится в зоне значимости (t кр.=1,97; $p < 0,05$), по шкале «Внутренняя конфликтность» значение так же находится в зоне значимости tэмп.=2,5 (t кр.=1,97; $p < 0,05$), полученное значение tэмп.=2,3 по шкале «Самообвинение» находится в зоне значимости (t кр.=1,97; $p < 0,05$), что свидетельствует о статистической существенности различий между показателями первичной и повторной диагностик; полученное значение tэмп.=2,4 по шкале «Феминность-мускулинность» находится в зоне значимости (t кр.=1,97; $p < 0,05$), что свидетельствует о статистической существенности различий между показателями первичной и повторной диагностик. Таким образом, определение эффективности проведения тренинга, посредством t-критерий Стьюдента показало существенность различий между показателями первичной и повторной диагностик.

Выводы

Практическая значимость: На основе анализа работ отечественных и зарубежных авторов выявлены основные характеристики понятия «самоотношение», его структура, функции, взаимосвязь с другими психологическими категориями, а также гендерные особенности и факторы детерминации самоотношения женщин. Систематизирован теоретический материал по проблеме исследования, который может быть использован при написании курсовых и выпускных работ студентами, изучающими проблему оптимизации самоотношения.

Создана модель воздействия на самоотношение женщин — тренингсостоящий из блоков: психологического и блока биомеханической стимуляции мимических паттернов лица. Выявленные особенности самоотношения женщин позволяют более дифференцированно подходить к психологической коррекции и обогащают психологическую практику новым методическим и методологическим инструментарием, что позволяет использовать полученные результаты в групповой и индивидуальной психологической работе с представительницами женского пола, а также в практике семейной психотерапии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никифоров, Г. С. Психология здоровья / Г. С. Никифоров. — СПб: Речь, 2002. — 256 с.
2. Назаров В. Т. Биомеханическая стимуляция: явь и надежды. / В. Т. Назаров. Минск. Издательство «Полымя», 1986.-220 с.
3. Орлов, А. Б. Психология личности и сущности человека: Парадигмы, проекции, практики / А. Б. Орлова // Учебное пособие для студ. психол. фак. вузов. — М.: Издательский центр «Академия», 2012. — 272с.
4. Панкратов, В. Н. Саморегуляция психического здоровья / В. Н. Панкратов // Практическое руководство. — М.: Изд-во Института Психотерапии, 2011. — 352 с.
5. Петровский, В. А. Личность в психологии: парадигма субъектности / В. А. Петровский. — Ростов н/Д: Феникс, 2016. — 512 с.
6. Петрушин, С. В. Психологический тренинг в многочисленной группе / С. В. Петрушин. — М.: Академический Проект; Екатиринбург: Деловая книга, 2010. — 256с.

7. Пуртова, Е. А. Психологические механизмы психотерапии / Е. А. Прутова // Журнал практического психолога, 2015. № 5–6.— С. 26–42.
8. Пантилеев С. Р. Методика исследования самоотношения.— М.: «СМЫСЛ», 1993.— 32 с.
9. Роджерс, К. Р. Клиентоцентрированная терапия / Т. Гордон, Э. Дорфман, К. Роджерс, Н. Хоббс // Пер. с англ. В. В. Лях, А. П. Хомик.— М.: «Рефл-бук», К.: «Ваклер», 1997–320 с.
10. Скиннер Р. Жизнь и как в ней выжить / Р. Скиннер, Дж. Клиз // Пер. с англ.— М.: Изд-во Института Психотерапии, 2011.-368 с.
11. Столин, В. В. Самосознание личности / В. В. Столин.— М.: МГУ, 1983.— 286 с.
12. Сарджveладзе, Н. И. Структура самоотношения личности и социогенные потребности / В кн.: Проблемы формирования социогенных потребностей.— Тбилиси, Мецниереба, 1974.— С. 103–107.
13. Серкин, В. П. Методы психологии субъективной семантики и психосемантики.— М.: Пчела, 2008.— 384 с.
14. Столин, В.В., Пантилеев С. Р. Опросник самоотношения / В кн.: Практикум по психодиагностике. Психодиагностические материалы. Под ред. Бодалева А. А., Карлинской И. М., Столина В. В., Пантилеева С. Р.— М., 1988.— С. 123–130.
15. Хасан, Б. И. Психотехника конфликта и конфликтная компетентность / Б. И. Хасан.— Красноярск: Фонд ментального здоровья, 2006–157с.

© Никифорова Светлана Владимировна (583050@mail.ru),
Живаева Юлия Валерьяновна (yul-zhivaeva@yandex.ru), Стоянова Екатерина Иннокетьевна (chernova@yandex.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Красноярск

КОГНИТИВНО-ТЕЛЕСНАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ УСТОЙЧИВОСТИ ЛИЧНОСТИ

COGNITIVE-BODY PSYCHOTHERAPY AS A NECESSARY CONDITION FOR STABILITY OF PERSONALITY

V. Penkov
I. Volochkov

Summary. The issue of maintaining the stability of personality in rapidly changing conditions is explored in the article. The stability of any system is understood as its ability to return to its original state after exposure to external forces and its withdrawal from equilibrium. However, if the system has lost its stability as a result of a sharp change in external conditions, then a return to the initial stable state is impossible, and a new «standing point» must be found. The biggest problem is to switch from a static level of stability to a dynamic one is to find the comfort zone not in a steady state, but in a process of sustainable development. A modern researcher I. V. Volochkov offers an impact on the mental supersystems as a method of achieving such a result: a random-access memory mechanism for working with thoughts, internal speech for working with the interpretation of thoughts, and physical spasms for treating emotions. This method was introduced for scientific use in 2019 and was called «cognitive-body psychotherapy» by the author.

Keywords: cognitive-body psychotherapy, system, person, psychology, stability.

Пеньков Виктор Евгеньевич
Д.ф.н., доцент, Белгородский государственный национальный Исследовательский университет
penkov@bsu.edu.ru
Волочков Илья Владимирович
Президент, Международная академия Траблхакинга (IAT)
me@volochkov.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о сохранении устойчивости личности в быстро изменяющихся условиях. Под устойчивостью любой системы понимается ее способность возвращаться в исходное состояние после воздействия внешних сил и вывода ее из равновесия. Но если система вышла из устойчивости в результате резкого изменения внешних условий, то возвращение в начальное устойчивое состояние невозможно, и необходимо найти новую «точку опоры». Самая большая проблема заключается в том, чтобы перейти из статического уровня устойчивости в динамический — сделать зоной комфорта не устойчивое состояние, а процесс устойчивого развития. Как метод достижения подобного результата современный исследователь И. В. Волочков предлагает воздействие на психические надсистемы: механизм оперативной памяти для работы с мыслями, внутреннюю речь для работы с интерпретацией мыслей и телесные спазмы для работы с эмоциями. Данный метод был введен в научный оборот в 2019 году и назван автором «когнитивно-телесная психотерапия».

Ключевые слова: когнитивно-телесная психотерапия, система, человек, психология, устойчивость.

Введение

Под устойчивостью любой системы понимается ее способность возвращаться в исходное состояние после воздействия внешних сил и вывода ее из равновесия. Вместе с этим при рассмотрении сложных высокоорганизованных систем это понятие приобретает более глубокий смысл и обуславливает целостность системы и ее способность к саморазвитию. Ведь если система вышла из устойчивости в результате резкого изменения внешних условий, то возвращение в начальное устойчивое состояние невозможно, и необходимо найти новую «точку опоры».

С философских позиций рассмотрение устойчивости осуществляется через понятие меры. Это некий интервал количественных изменений, в пределах которого система не изменяет своих главных качеств: сохраняет свои специфические свойства, однако другие неспецифические свойства, не меняющие систему в целом, изменяются. Например, какие бы изменения ни происходили в сознании психически здорового человека, он все равно останется человеком, хотя и может изменить ряд своих убеждений.

Материалы и методы

Исходя из вышесказанного, можно выделить два компонента устойчивости личности: статический и динамический.

Статическая форма устойчивости личности проявляется как определенный гомеостаз, обеспечивающий ее стабильность в определенных ситуациях. Такой уровень устойчивости является как бы «застывшим» и не обеспечивает развития.

Динамическая форма устойчивости проявляется в умении реагировать на изменяющиеся условия, изменять себя в соответствии с окружающей обстановкой, переносить жизненный опыт из одной жизненной ситуации в другую, принимать решения в нестандартных

ситуациях. Благодаря динамической форме проявления устойчивости создаются предпосылки для развития, перехода на более высокий уровень устойчивости личности в изменяющихся условиях реальности [4].

При этом старые стереотипы (или модели) перестают работать. Для наглядной демонстрации приведем несколько примеров.

Закон Архимеда. Тело, погруженное в жидкость или газ, выталкивается с силой, равной весу жидкости или газа в объеме этого тела. Формально это выражается соотношением: $FA = \rho gV$, где FA — выталкивающая сила, ρ — плотность жидкости или газа, в которое погружено тело, g — ускорение свободного падения или напряженность гравитационного поля, V — объем погруженной части тела. В невесомости (например, в космическом корабле) вес тела равен нулю, и говорить о выталкивающей силе бессмысленно. Но самым интересным является тот факт, что ни один из множителей в формуле не равен нулю. Плотность жидкости или газа осталась, гравитационное поле заставляет корабль двигаться по замкнутой кривой, объем погруженной части тела имеет некое значение. Но в действие вступают другие законы. Если ускорение корабля при свободном движении по орбите равно g, то ускорение полностью компенсирует гравитацию, и закон Архимеда просто теряет смысл.

Актуалистический метод

Униформизм и катастрофизм. Эти концепции применимы и для геологии, и для биологии, и для социума. Согласно униформизму все процессы в течение миллиардов лет происходят одинаково, внешние условия не меняются, и, чтобы реконструировать прошлые события или спрогнозировать будущие, необходимо использовать актуалистический метод, который подразумевает реконструкции процессов и обстановок прошлого путем использования закономерностей, выявленных при изучении современных процессов [1]. Чем дальше во времени реконструируемый процесс в прошлом (или в будущем), тем менее надежен метод актуализации. Но, если произошла катастрофа и внешние условия изменились кардинально, все реконструкции и прогнозы, сделанные с помощью метода актуализации, рушатся в один момент.

Сравните СССР и постсоветскую Россию. Сошлемся на слова Г. М. Малашхия: «Трансформация социально-экономической и политической систем в бывших странах социалистического лагеря явилась величайшим событием двадцатого века. Она стала неожиданным и ошеломляющим, необъяснимым для всех фактом: удивительно-радостным и приятным для одних, и непонятно-скорбным — для других. Люди, разделяющие концепцию закономерного развития общества, не могут совместить происходящее с научным познанием истории, ибо (как они думают) такое возвращение назад можно отнести к непонятным историческим ошибкам» [3]. По сути, исторический материализм как парадигма социального развития общества ушел в прошлое, и его место по сей день остается «вакантным». И это осознали далеко не все. Достаточно почитать социальные сети, где огромное число людей ностальгирует по Советскому Союзу, но ничего не предпринимает для улучшения своей жизни.

Надо уметь направить внимание в будущее, даже если оно неопределенно. Как только человек научится переосмысливать свои убеждения и принимать решения в соответствии с текущей действительностью, он сможет перейти из состояния статической устойчивости в состояние динамической устойчивости, а это будет означать переход от зоны комфорта в устойчивом состоянии к зоне комфорта устойчивого процесса. Это приведет к тому, что человек будет быстрее адаптироваться к быстро изменяющимся внешним условиям.

Проблема мотивации

Самая большая проблема заключается в том, чтобы перейти со статического уровня устойчивости на динамический. Сделать зоной комфорта человека не устойчивое состояние, а процесс устойчивого развития. Главной помехой для позитивных изменений в жизни выступает сам человек, судорожно охраняя свою «правоту» (убеждения, созданные на основе знаний о мире, который уже изменился). Другими словами, человек сам себе вредит, потому что верит своим деструктивным убеждениям, не пытаясь их переосмыслить. Внутри себя человек всегда прав, и именно это становится железобетонной стеной, ограждающей его от положительных изменений в жизни, будь то отношения с людьми, деловая сфера или даже удовольствие от жизни.

Так и получается, что человек хочет больше зарабатывать, но остается на «комфортном диване», каким-либо образом аргументируя бездействие, исходя из закоренелых убеждений. Аналогичным образом происходят ссоры и разрываются отношения между близкими людьми. Но даже если заглянуть на уровень глубже и проанализировать причины возникновения деструктивных внутренних состояний индивидуума, причины возникновения стрессов и психических расстройств, то можно обнаружить очевидную истину — индивидуум сам создает эти состояния, он собственноручно себе вредит, а внешние обстоятельства являются лишь «спусковым крючком».

Так же очевидна и последовательность того, как индивидуум создает эти состояния: он «запрашивает»

мысли из долговременной памяти и помещает их в оперативную память; эти мысли проговариваются во внутреннем диалоге и определенным образом интерпретируются, в результате чего возникает соответствующая эмоциональная и телесная реакция; далее этот процесс экспоненциально усиливается. Именно так и возникают негативные состояния, приводящие к деструктивным, иррациональным действиям. И печально то, что человек не может выбраться за рамки своей собственной «правоты», потому как он не может не доверять своим же мыслям.

И. В. Волочков писал: «Мы находимся в клетке своей собственной картины мира и иллюзорной правоты» [2, 309]. Индивидуум как система в данном случае проявляет статическую форму устойчивости, но для достижения той или иной цели часто необходимо перейти к динамической форме, чего человек сделать не может, поскольку для этого нужно прежде всего усомниться в правильности своих же убеждений и выполнить их переосмысление на предмет эффективности в соответствии с текущими целями.

В большей части случаев единственный работающий способ сподвигнуть человека совершить позитивное, полезное действие — это внешний раздражитель, или «кнут». Человеку так или иначе приходится совершать действия, но эти действия происходят по принуждению и часто приводят лишь ко временным результатам, поскольку его «правота», его система внутренней аргументации своих действий нисколько не изменилась. Как только человека перестают понукать, все возвращается на круги своя. При работе с психикой это означает временное действие терапии, медленную скорость самой терапии (некоторые виды терапии длятся годами), и, как правило, при этом проявляется третья проблема — на поверхность сознания выходят все новые и новые слои с проблемами, и лечение превращается в бесконечность.

Таким образом, индивидууму вредят его собственные мысли и интерпретации данных мыслей. Он не может ничего с этим сделать, поскольку его личность является системой, состоящей из тех самых мешающих мыслей. Он не может увидеть и переосмыслить свой опыт, поскольку он составляет его самого. Другими словами, если представить индивидуума как психическую систему, то взглядом изнутри он не может увидеть, а тем более изменить составные части этой системы.

Результаты исследования

Для решения данной проблемы была использована еще одна авторская разработка — траблхакинг [2, 250]. Траблхакинг представляет собой методологию совершенствования систем, коей в нашем случае является внутренняя психическая система индивидуума. Путем применения инструментов траблхакинга было выявлено, что для запуска в индивидууме (как системе) динамической формы устойчивости может быть использовано воздействие на оперативную память, внутреннюю речь и телесные спазмы. Так была создана когнитивно-телесная психотерапия. Обратимся к термину: «Когнитивно-телесная психотерапия (КТП) — это система комплексной коррекции психики путем воздействия на оперативную память, внутреннюю речь и телесные спазмы» [2, 312].

И. В. Волочков предлагает воздействовать на сам механизм мышления индивидуума. Например, предлагается управляемо вытеснять мысли из оперативной памяти путем перенаправления внимания на другой мыслительный объект. Таким образом, в ряде случаев возможно прервать цепочку мыслительных событий, которая привела бы к деструктивным состояниям или действиям. «Мы можем сознательно вытеснить мысли и убеждения, которые мешают нам действовать себе во благо в соответствии с целью текущего действия» [2, 314]; «Ты знаешь, как тебя зовут. Но ты знаешь это, только когда обратишь на это внимание и вспомнишь. Все остальное время ты не знаешь, как тебя зовут. Звучит удивительно, не правда ли? Для тебя не существует всех твоих убеждений и знаний о мире, пока ты о них не вспомнишь. Для тебя не существует ничего, что ты знаешь, пока ты сознательно не обратишь на это внимание. А во сне ты даже не помнишь, что ты — это ты» [2, 317],— писал автор.

Другим компонентом когнитивно-телесной психотерапии является воздействие на интерпретацию мыслей. Автор считает, что механизм интерпретации и удержания мысли в оперативной памяти во многом базируется на речевом проговаривании данной мысли во внутреннем диалоге: «Слова — это не реальность, слова — это интерпретация. Стоит отделять интерпретации от реального мира… Интерпретации, основанные на иллюзорной правоте и фантазиях, неэффективны и часто вредны» [2, 322]; «Все, во что ты свято веришь,— это лишь слова в твоей голове, которые ты считаешь реальным миром. И самое грустное, что большую часть этих слов тебе вложили в голову извне» [2, 321]. Этот же процесс проговаривания запускает поиск в памяти других, соответствующих по направленности мыслей и запускает соответствующие эмоциональные и телесные реакции (спазмы определенных зон тела, выделение соответствующих гормонов и другое).

И. В. Волочков предлагает прервать процесс произнесения мыслей, временно «забыв» слова родного языка. Данный навык «управляемого забывания речевого языка» тренируется следующими способами: индивидууму предлагается смотреть на текст, но никак его

не интерпретировать и не произносить. Другими словами, видеть текст, но не читать его, относясь к нему лишь как к неизвестным иероглифам. Также предлагается более сложный способ тренировки «управляемого забывания речевого языка»: слышать речь другого человека, но не интерпретировать ее, пропуская каждое слово «мимо ушей». Таким образом может быть сформирован навык блокировки интерпретации деструктивных мыслей, который может быть применен в любой подходящий момент времени.

Усилителем для «управляемого забывания мыслей» и «управляемого забывания речевого языка» является воздействие на телесные спазмы для нормализации общего эмоционального фона; это достигается за счет упражнений телесно-ориентированной психотерапии по Райху или Лоуэну [5], а также сеансами общего массажа [2, 324–236].

Обсуждение и выводы

С точки зрения устойчивости и самоорганизации, система кардинально меняет себя (в идеале — полностью разрушает ментальные связи в структуре сознания, а затем выстраивает новые) в соответствии с рациональной направленностью действий (целями, задачами и прочим) и исходя из этого принимает решение. Самое сложное в этом процессе — «забыть» свой предыдущий опыт, который в данный момент бесполезен, поскольку внешние условия качественно изменились.

Таким образом, для сохранения устойчивости в быстро изменяющемся мире необходимо научиться быстро перестраивать себя, переходя из устойчивого состояния в процесс устойчивого развития, и когнитивно-телесная психотерапия является необходимым условием для достижения этого результата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большая российская энциклопедия. Актуалистический метод. [Электронный ресурс] URL: https://bigenc.ru/geology/text/1808122 (Дата обращения 19.11.2019).
2. Волочков И. В. Дневник реалиста: книга про деньги, отношения и смысл жизни. М.: Арт. Экспресс, 2019. 384 с.
3. Малашхия Г. М. Постсоциалистическая трансформация в «зеркале» общечеловеческих ценностей // Человек: соотношение национального и общечеловеческого. Выпуск 2 / Сб. материалов международного симпозиума (г. Зугдиди, Грузия, 19–20 мая 2004 г.) Под ред. В. В. Парцвания. Санкт-Петербург. [Электронный ресурс] URL: http://anthropology.ru/ru/text/malashhiya-gm/postsocialisticheskaya-transforma ciya-v-zerkale-obshchechelovecheskih-cennostey (Дата обращения 19.11.2019).
4. Пеньков В. Е. Формирование профессионально-личностной устойчивости будущего учителя в процессе обучения в вузе. Автореф. дисс. канд. пед. наук. Белгород, 1997. 17 с.
5. Телесно-ориентированная психотерапия Райха — упражнения, обучение. [Электронный ресурс] URL: https://xn——7sbabkauaucayksiop0b0af4c.xn — p1ai/techniki-psychoterapii/telesno-orientirovannaya-psikhoterapiya/ (Дата обращения 19.11.2019).

© Пеньков Виктор Евгеньевич (penkov@bsu.edu.ru), Волочков Илья Владимирович (me@volochkov.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТНОЙ ЗРЕЛОСТИ

THE FORMATION OF PERSONALITY MATURITY

I. Pomazan

Summary. The article is devoted to an analytical review of theoretical approaches to the study of socio-psychological mechanisms of the formation of a person's personal maturity. It is shown that the formation of personality maturity obeys the general laws of ontogenetic development in the context of a person's life path. The socio-cultural determination of the formation of maturity of a person in the process of individual human development is shown. The essential characteristics of personality maturity are revealed through an understanding of subjectivity as an internal being of a person. The criteria of a mature personality are described.

Keywords: personality maturity, psychoanalysis, behaviorism, activity psychology, cultural-historical direction, gestalt psychology, humanistic psychology, cognitive psychology, subjective-existential approach.

Помазан Игорь Александрович
Аспирант, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
4632164@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена аналитическому обзору теоретических подходов к исследованию социально-психологических механизмов становления личностной зрелости человека. Показано, что становление личностной зрелости подчиняется общим законам онтогенетического развития в контексте жизненного пути человека. Показана социально-культурная детерминация становления зрелости личности в процессе индивидуального развития человека. Раскрыты сущностные характеристики личностной зрелости через понимание субъектности как внутреннего бытия личности. Описаны критерии зрелой личности.

Ключевые слова: личностная зрелость, психоанализ, бихевиоризм, деятельностная психология, культурно-историческое направление, гештальпсихология, гуманистическая психология, когнитивная психология, субъектно-бытийный подход.

Личностная зрелость и социально-психологические условия ее становления как предмет научного исследования не теряет своей актуальности. Личностная зрелость, являясь системных феноменом, исследуются с позиции различных направлений психологической научной мысли в работах зарубежных и отечественных ученых.

В рамках культурно-исторической концепции становление личностной зрелости определяется как интегральная линия онтогенеза, которая подчиняется общим законам онтогенетического развития, проходит ряд этапов с чередованием сензитивных, стабилизационных и критических периодов. Становление личностной зрелости характеризуется гетерохронностью развития, отражающей неравномерность развития тех или иных видов зрелости в процессе формирования и развития личности (К. А. Абульханова-Славская, Б. Г. Ананьев, Л. И. Бершедова, Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, Е. Е. Сапогова, Е. Л. Солдатова и др.).

Более узко становление личностной зрелости раскрывается как новообразование периода взрослости, основным содержанием которого, согласно Е. Л. Солдатовой является процесс формирования эго-идентичности, ядерного личностного конструкта, который выполняет регулирующую, управляющую и оценивающую функции с целью сохранения непрерывности и интегративности личности в условиях системных изменений социальной ситуации развития. С этих позиций новообразованием и критерием окончания кризиса перехода к взрослости является достижение эмоциональной зрелости; новообразованием кризиса перехода к средней взрослости является принятие себя, осознание ценности «быть собой», гибкость в выборе направлений саморазвития; новообразованием кризиса перехода к зрелости является самодостаточность или сила эго, определяющая независимость личности [7].

Раскроем критерии зрелой личности с позиции отечественных ученых. По мнению К. А. Абульхановой-Славской, зрелую личность отличает мера понимания времени, самостоятельность в выстраивании личностной и жизненной перспективы. Личностно зрелая личность реализует мотивы своих поступков, руководствуясь значимостью их для своей жизненной линии [1]. Социально ориентированные показатели зрелости описаны В. И. Слободчиковым, Е. И. Исаевым, в качестве которых авторы называют ценностные ориентации, социальные и нравственные нормы, убеждения и установки личности. Ученые рассматривают личностную зрелость как позицию, которая проявляется в способности личности выходить за грани социально-ролевых ограничений, нормативных директив и предписаний, как позицию действовать свободно и самостоятельно [6]. Б. Г. Ананьев трактует зрелую личность как общественно активную личность с гражданской позицией [2]. Е. С. Граненкова выделяет следующие характеристики зрелой личности: чувство ответственности, потребность в заботе о других, способность к психологической близости со значимым Другим, способность

к активному участию в жизни общества, система адекватных мотивов, устойчивость характера и чувств [3].

В психоаналитической психологии, по мнению З. Фрейда, становление зрелости личности характеризуется стремлением к активности и отказом от пассивности и нарциссизма, которые свойственны периоду детства. Зрелая личность по З. Фрейду отражает идеальный генитальный тип личности. Переживание травматического детского опыта способствует фиксации либидо, что затрудняет вхождение в генитальную стадию развития и достижение зрелости [10]. Согласно аналитической концепции К. Г. Юнга, становление личностной зрелости связано с процессом индивидуации, который понимается как естественный и органичный процесс, как путь личностной самореализации, связанный с «верностью собственного закона», с выбором своего пути, с желаниями и сознанием самого человека. Достижение личностной зрелости осуществляется через смещение фокуса внимания на внутреннюю жизнь человека, поиск смысла собственной жизни, осознания своей самости, символизирующую целостность и психическое равновесие личности [11].

В рамках гештальт-подхода Ф. Перлза личностная зрелость раскрывается посредством категорий актуальности, осознанности и ответственности, которые образуют триединство и являются ядром зрелой личности. Для зрелой личности характерен процесс переживания актуального «здесь и сейчас» в форме понимания потребностей личности и определения вариантов их удовлетворения самостоятельно, не причиняя вреда окружающим людям. Становление личностной зрелости по Ф. Перлзу, означает переход от поддержки окружающих людей к самостоятельной поддержке и регуляции [5].

В социально-когнитивном направлении психологического знания становление личностной зрелости исследуется с точки зрения влияния социокультурных факторов. По мнению Л. Колберга, личностная зрелость человека тесно связана с моральным сознанием, которое характеризуется стадиальностью своего развития в процессе активного взаимодействия человека с социальной средой. Рассматривая личностную зрелость сквозь призму развития морального сознания, Л. Колберг к условиям развития моральной зрелости личности относит моральное содержание деятельности на основе принятия личностью моральной ответственности. Критериями зрелой личности по Л. Колбергу являются готовность отстаивать универсальный принцип справедливости, непрерывно совершенствоваться, выходить за пределы личной жизни, принимать активное участие в развитии своего общества и человечества в целом [13].

С позиции субъектно-бытийного похода содержание понятия зрелой личности раскрывается через понимание сущности и структуры субъектности как внутреннего бытия личности. В экзистенциальной психологии К. Ясперса рассматриваются проблемы бытия личности в мире, среди которых отношение к себе и своей жизни, сквозь призму которых определяется достижение личностной зрелости. К. Ясперс дает характеристику зрелой личности как личности, у которой присутствует подлинное бытие: смелость принятия одиночества, верность решению, способность оказывать влияние на людей, сохранять немного тайны в себе. Зрелая личность, способная различить свою подлинную жизненную задачу, обладает умением дистанцироваться от мира для свободы и при необходимости погружаться в него [12].

В отечественной психологии субъектность как характеристика зрелости личности трактуется как особая форма проявления и организации активного самоотношения человека к самому себе как субъекту, отношения к другим как уникальным субъектам, к деятельности как креативной и инновационной, в которой происходит его саморазвитие, поддержания воспроизводства себя как автора собственного бытия в мире. Субъектность как качество личности, возникающее на определенном уровне ее развития, проявляется, с одной стороны, в познавательном и деятельностном отношении к миру, с другой,— в отношении к другим людям и обществу [1; 2; 4; 6].

Сущностные характеристики зрелости личности Е. Р. Калитеевская раскрывает через понятие самодетерминации, которая отражает характеристику регуляции отношений человека с собой и с миром. Автором выдвинута гипотеза о существовании трех базовых параметров личностной саморегуляции уровня самодетерминации, взаимодействие которых рождает качество «субъектности», проявляющееся в личностном выборе. К ним относятся степень осознанности, альтернативности и управляемости активности (свобода); степень осознавания себя причиной изменений в собственной жизни (ответственность); сформированность, активность и подвижность ценностно-смысловой регуляции жизнедеятельности (духовность). Развитие личности в пространстве этих параметров происходит на протяжении всей жизни, по мере взросления источник и движущие силы развития смещаются внутрь самой личности, которая обретает способность трансцендировать обусловленность ее жизнедеятельности своим жизненным миром и смысловыми структурами, сформировавшимися в ходе социализации. Развитие зрелой личности осуществляется через взаимодействие двух внутренних личностных векторов: свободы и ответственности. Свобода проявляется как осознанная активность и субъектность выбора, основанная на интересе к собственной жизни и подчинении «Я» ценностям, обеспечивающим направленность личности в мир («свобода для» в противоположность «свободе от»). Способность к спонтанности и творчеству

определяется переживанием альтернатив. Ответственность есть результат интернализации регуляторных влияний, экзистенциальная совесть личности, опосредующая личностный выбор. Духовность как обращение к ценностным ориентирам в совершении и принятии собственных выборов опосредует базовые механизмы самодетерминации — свободу и ответственность. У зрелой личности все параметры самодетерминации переживаются в интегрированной форме как экзистенциальное, действующее «Я», как переживание себя субъектом собственной жизни в отношениях с миром. Таким образом, свобода, ответственность и духовность представляют собой три измерения развития зрелой личности [4].

Таким образом, анализ теоретических подходов к пониманию личностной зрелости в отечественной психологии показывает, что становление зрелой личности является сложным процессом социально-духовного развития личности, в ходе которого усваиваются социально-значимые ценности, в основе которого лежит осознанный свободный выбор и личностная саморегуляция, способность самостоятельно выстраивать личностную и жизненную перспективу.

В зарубежной психологии понятие субъектности наиболее полно раскрыто в рамках гуманистической психологии. Согласно Э. Фромму, субъектность трактуется как позитивная свобода, подразумевающая спонтанную субъектную активность. Зрелая личность проявляется в осмысленности своего бытия, где ключевую роль приобретают «ценности переживания», проявляющиеся в чувственном проживании человеком явлений окружающего мира. С точки зрения гуманистического психоанализа Э. Фромма критериями личностной зрелости являются установление привязанностей, единение с миром, трансцендентность, идентичность с собой и другими людьми, ощущением собственной значимости и свободы действий, сформированная система жизненных ориентаций. Э. Фромм описывает зрелую личность как обладающую независимостью, честностью, спокойствием, умеющей любить, проявляющей творчество, способной к продуктивному познанию и деятельности, совершающей социально полезные поступки, то есть позиционируется автором как личность с продуктивным типом характера [9]. Гуманистическая психология раскрывает зрелую личность как личность, способную к самореализации и самоактуализации, обладающую автономностью, целостностью и продуктивностью.

Итак, личностная зрелость как системное образование выступает качественной характеристикой личности, которая обеспечивает целенаправленный процесс самореализации и самоорганизации жизненного пути, установления отношений с окружающим миром и самим собой. Критериями личностной зрелости выступают самостоятельность, активность, ответственность, высокий уровень ценностной сферы, позитивное отношение к миру и к себе. Содержательный анализ становления личностной зрелости должен включать развитие личности в контексте ее жизненного пути, анализ кризисных периодов, новообразований возраста и кризиса, их структурно-динамические связи, изменения в системе самоотношения, представлений о себе, отношения с другими и миром на разных этапах жизненного пути человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова-Славская К. А. Психология и сознание личности: избранные психологические труды.— М.: РГБ, 2004.— 216 с.
2. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания.— Санкт-Петербург: Питер, 2010.— 282 с.
3. Граненкова Е. С. Психологическая зрелость как компонент готовности молодежи к семейной жизни // Ярославский педагогический вестник. 2012 — № 4 Том II.— С. 257–260.
4. Калитеевская Е. Р. Психическое здоровье как способ бытия в мире: от объяснения к переживанию // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии.— М.: Смысл, 1997.— С. 231–238.
5. Перлз Ф. Гештальт-подход. Свидетель терапии.— М.: Академический проспект, 2019.— 2017 с.
6. Слободчиков В.И., Исаев Е. И. Психология человека. Учебное пособие для вузов.— М.: Школа-Пресс, 1995.— 384 с.
7. Солдатова Е. Л. Нормативные кризисы развития личности взрослого человека: автореф. диссертации … доктора психологических наук.— Челябинск, 2007.— 43 с.
8. Франкл В. Человек в поисках смысла.— М.: Прогресс, 1990.— 366 с.
9. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности.— Москва: АСТ. 2016.— 618 с.
10. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. Серия: Мастера психологии.— СПб.: Питер, 2017.— 608 с.
11. Юнг К. Проблемы души нашего времени.— М.: Прогресс, 1996.— 336 с.
12. Ясперс К. Общая психопатология.— Москва: Практикум, 1997.— 1053 с.
13. Kohlberg L., Hersh R. Moral Development // Theory into Practice.— 1977.— Vol. 16, № . 2.— P. 53–59.

© Помазан Игорь Александрович (4632164@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОТЕХНОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ СЕБЯ И СОВРЕМЕННОГО МИРА — СИСТЕМНЫЙ ГЕДОНИЗМ

PSYCHOTECHNOLOGY OF KNOWLEDGE OF SELF AND MODERN PEACE — SYSTEMIC HEDONISM

I. Sokolovskaya
I. Volochkov

Summary. The article analyzes the philosophical ethical doctrine — system hedonism (kef-management), created to increase the productivity of life through the systematization of pleasures. The author of the technology I. V. Volochkov believes that a properly built pleasure management system can trigger a self-development vector in a person, and an incorrect one — a self-destruction vector. The author suggests dividing all the pleasures into two groups: useful and harmful. If pleasure does not take resources, then it can be recorded in a personal list of pleasures (in the terminology of system hedonism — «Menu of pleasures»). Harmful pleasures are not excluded, but are gradually supplanted by expanding the list of useful pleasures. Thus, having a «Menu of pleasures» consisting of hundreds of items, a person is recommended to use this or that pleasure every day, based on the rules of systemic hedonism. In this article, we will consider systemic hedonism from the point of view of psychology and show you how to use the systematization of pleasures for automated self-development in the modern «digital» world.

Keywords: psychotechnology, «systemic hedonism», hedonism, self-improvement, development method, kef-management.

Соколовская Ирина Эдуардовна
Д.псх.н., профессор, Российский государственный социальный университет (РГСУ)
iesokol@yandex.ru
Волочков Илья Владимирович
Соискатель, Пермский национальный исследовательский политехнический университет
me@volochkov.ru

Аннотация. В статье анализируется философское этическое учение — системный гедонизм (кайф-менеджмент), созданное для повышения продуктивности жизни через систематизацию удовольствий. Автор технологии И. В. Волочков считает, что правильно выстроенная система управления удовольствиями может запустить в человеке вектор саморазвития, а неправильная — вектор саморазрушения. Автор предлагает разделить все удовольствия на две группы: полезные и вредные. Если удовольствие не отнимает ресурсы, то оно может быть записано в персональный список удовольствий (в терминологии системного гедонизма — «Меню удовольствий»). Вредные удовольствия не исключаются, а постепенно вытесняются через расширение списка полезных удовольствий. Таким образом, имея «Меню удовольствий», состоящее из сотен позиций, человеку рекомендуется использовать то или иное удовольствие каждый день, основываясь на правилах системного гедонизма. В этой статье мы рассмотрим системный гедонизм с точки зрения психологии и покажем вам, как можно использовать систематизацию удовольствий для автоматизированного саморазвития в современном «цифровом» мире.

Ключевые слова: психотехнология, системный гедонизм, гедонизм, самосовершенствование, способ развития, кайф-менеджмент.

Выбирая модели собственной жизни, человек либо находит собственный путь, либо принимает уже известные, апробируемые и избранные большинством. Второй вариант выбирает почти вся масса людей на Земле, и это не удивительно, поскольку консерватизм — то великолепное качество, которое и сохраняет достигнутое, консервируя его для использования новыми поколениями. Но есть у этого свойства и минусы, как известно: застылость мышления и действий, торможение развития. Рассуждая в интересующем нас психологическом ракурсе, посмотрим, что же можно сделать индивидууму, чтобы найти разумный баланс между полученными от семьи, школы, окружающей среды готовыми рецептами жизненных установок и самостоятельно придуманными новыми решениями, способными произвести прорыв и привести к успеху.

Идеи «правильной жизни» неискоренимы в истории человечества — от десяти заповедей, начертанных рукой Всевышнего на каменных скрижалях Моисея, до бесчисленных рекомендаций философов, социологов, психологов, переполняющих Интернет: «10 способов разбогатеть», «25 путей к счастью в личной жизни» и т.п. Кроме того, над каждым тяготеет груз банальных, общих истин, усвоенных в семье, школе, из книг и фильмов. Инициативность большинства людей подавляется родительским авторитетом еще в детстве, а в школе им делают «прививку от самостоятельности», авторитарно подчиняя утвержденным правилам. Многие ли, находясь под подобным прессом, откажутся от пути «так принято»? Так, подавляющее большинство людей не могут раскрыть свою индивидуальность, реализовать свой потенциал и просто живут по формуле «как все», заканчивая жизнь разочарованным собой и сожалея об упущенных возможностях.

Конечно, некоторые люди множество раз намеревались изменить свою жизнь и «с завтрашнего дня» начать изучать язык, заниматься спортом, пойти на курсы. Но эти благие намерения тормозят некие обстоятельства, которые для многих становятся непреодолимыми:

- **Страх**. Опаска, что при попытке улучшения жизни возможно потерять то, что уже имеешь.
- **Все так живут.** Оглядка на соседа, который вроде бы живет так же. «Комплекс толпы» — это едва ли не самое тяжелое препятствие, поскольку оно наглядно и заразительно.
- **Лень**. Освоение нового всегда тяжело, так стоит ли навлекать на себя тягости познания?
- **Нечеткость цели**. Многие люди неспособны четко описать свои цели/задачи. Более того, многие люди никогда и не задумывались, на что направлены их усилия.
- **Давление среды**. Окружающие люди начинают давить на человека, желающего изменить свою жизнь, поскольку это ставит под сомнение и их собственные жизненные установки.
- **Потеря темпа**. Когда-то, например, когда я был моложе, все препятствия брались с ходу, теперь же «драйва» нет. И другие подобные аргументы бездействовать.
- **Комплекс раба**. Человек не может решиться стать хозяином своей жизни. Им управляют обстоятельства, другие люди, власть, но только не он сам.
- **Слабая воля**. «Главное, чтобы воля была к победе», пел В. Высоцкий в песне про боксера. Конечно, чтобы освоить новое, требуются усилия, иногда длительные и немалые, а тут уж без выдержки и упорства ничего не сделать.
- **Вера в светлое будущее.** Преобладание негативного мышления в общей массе населения. Люди склонны создавать пессимистические картинки, тем самым программируя себя и свое окружение на установки из разряда «ничего не получится, это невозможно, все будет плохо…».

Имея подобный багаж деструктивных установок, человеку практически невозможно добиться счастливой жизни. Вспомните, когда вы шли по улице и смотрели на лица проходящих мимо людей, замечали ли вы «блеск в их глазах»? И мало того, что на практике единицы начнут работать над своими деструктивными установками, так еще и современный набор психологических средств не позволяет получить гарантированный результат в формате «раз и навсегда».

В антитезу к жизненным обстоятельствам, препятствующим личному прогрессу, современный российский исследователь И. В. Волочков ввел такое понятие, как системный гедонизм [1, С. 352], позволяющий запустить процесс саморазвития автоматически, без приложения усилий и применения психотерапий.

В словарях гедонизм трактуется как учение, которое возводит удовольствия в ранг смысла жизни. Но тут возникает множество проблем, связанных с тем, что удовольствия могут разрушить человеку жизнь. За примерами далеко ходить не надо: алкоголь, наркотики, разврат, интернет-зависимости и прочее. При этом очевиден факт, что удовольствия нужны человеку, и это одна из основных жизненных мотиваций. Удовольствия в общем смысле — это некий «моторчик», способный двигать человека. И почему бы не использовать это для саморазвития человека? Если мы сумеем запустить этот процесс, то с течением времени человек самостоятельно сможет улучшить качество жизни и уровень удовлетворенности жизнью.

И. В. Волочков предлагает разделить все удовольствия на две группы: полезные и вредные. Если удовольствие не отнимает ресурсы (не вредит), то оно может быть записано в персональный список удовольствий (в терминологии системного гедонизма — «Меню удовольствий»). Вредные удовольствия не исключаются, а постепенно вытесняются через расширение списка полезных удовольствий. Таким образом, имея «Меню удовольствий», состоящее из сотен позиций, человеку рекомендуется использовать то или иное удовольствие каждый день, основываясь на правилах системного гедонизма.

Дополнительным названием для системного гедонизма является кайф-менеджмент, и оно в достаточной мере выражает суть психотехнологии — управление через удовольствие. Очевидно, что ключевым словом в этих рассуждениях является удовольствие.

Впрочем, случается, что человек сознательно отказывается от удовольствий. Это может быть идейный отказ — аскетизм, религиозное верование, желание наказать себя за что-либо (своеобразный мазохизм). В последнем случае кроется опасность для здоровья — человек может впасть в депрессию, получить синдром хронической усталости, бессонницу, даже угнетение деятельности внутренних органов. Тем не менее в подавляющем большинстве случаев индивидуум стремится к удовольствиям бóльшую часть времени.

Здесь мы подробнее остановимся на принципиальном моменте кайф-менеджмента: в нем используются только хорошие, позитивные удовольствия. Да, к сожалению, есть немалое количество удовольствий, которые люди используют для разрядки, позитивных эмоций, но эти акты позитива могут оказаться вредны.

Мало того, многие вредные удовольствия еще и вводят индивидуума в дурные зависимости, да так, что он не в силах от них избавиться даже тогда, когда осознает вред подобных «радостей». Они всем известны, приведем основные: алкоголизм, курение, наркомания,

порнозависимость, переедание, любовь к сладкому, игромания, в том числе компьютерная, сетевая мания, зависимость от Интернет-развлечений; ТВ, сериаломания и прочие.

Как мы видим, эти зависимости весьма неравноценны и наркомания гораздо опаснее любви к сладкому. Однако все они в той или иной мере вредны для здоровья и, важный момент, создают ложное чувство ухода от проблем, облегчения от нерадостных жизненных обстоятельств, и, по сути, они-то и есть главные помехи на пути человека к позитивным изменениям как себя, так и собственной жизни. Они отвлекают его от проблем на время, и так до следующего контакта с данной зависимостью. При этом проблема так и не решается. Кроме того, все подобные зависимости требуют траты на них времени, а нередко и денег. Между тем это время жизни, в которое человек мог бы сделать нечто для своего развития и продвинуться в личном прогрессе. Получается, что вредные удовольствия запускают вектор деградации и должны считаться заведомо опасным занятием.

Логичный шаг — надо отказаться от таких зависимостей. Известно, что это очень нелегко, да и как это сделать? Представим, человек приходит вечером уставшим с работы: дома удобный диван, телевизор, может, и бутылочка с привычным напитком на столе. Что он сделает? Конечно, он сделает то же, что и в каждый предыдущий вечер. И потому, что это устоявшаяся привычка, и потому, что эти действия снимают стресс, и, наконец, потому что он не знает других способов получения удовольствий.

Итак, прежде чем освободить человека от вредных зависимостей, надо заместить их другими, позитивными.

Но как запустить механизм замены вредных удовольствий на полезные? С этой целью мы предлагаем такой инструмент замещения, как «Меню удовольствий». Это индивидуальный перечень удовольствий, составленный человеком для себя лично, где присутствует лишь один фильтр отбора — удовольствие не вредит человеку. Рекомендуется держать «Меню удовольствий» перед глазами и каждый день выбирать несколько удовольствий (2–3) для получения позитива, отдыха после работы. В философской терминологии такой подход называется «возвышенным гедонизмом»: индивидуум приучает себя наслаждаться, поднимаясь по ступенькам самосовершенствования.

Античный философ Аристипп, ученик Сократа (3–4 вв. до нашей эры), говорил: «Лучшая доля не в том, чтобы воздерживаться от наслаждений, а в том, чтобы властвовать над ними, не подчиняясь им» [2]. Это можно отнести к тем удовольствиям, которые мы назвали «вредными», и вышеприведенная философская позиция говорит скорее о тактике сдерживания таких привычек.

Концепция Ильи Волочкова состоит в том, чтобы вытеснить вредные удовольствия из жизни индивида, фактически не запрещая вредные удовольствия. Таким образом автор технологии обходит сопротивление индивида. Дается лишь рекомендация — внедрять все новые и новые полезные удовольствия, но делать это каждый день. Постепенно вредные удовольствия смогут быть вытеснены более сильными полезными, минуя сопротивление индивида и приложение волевых усилий. Человек с удовольствием избавляется от того, что разрушает его жизнь, и все больше приобретает четкий вектор саморазвития.

Практически это выглядит так: индивид создает персональное «Меню удовольствий», основанное на сгруппированных по тематике списках удовольствий из книги автора [1], размещает меню в печатном виде на видном месте у себя дома, далее каждый день выбирает 1–3 удовольствия для обязательной реализации, следуя правилам системного гедонизма.

Например, для тела (баня, бассейн, массаж, спа-процедуры, прогулка на велосипеде, пешая прогулка, ванна, душ); для души (общение с друзьями, театр, художественная галерея, чтение, домашний праздник, выезд на природу); разное (занятия своим хобби, игры с животными, спортивные занятия, танцы, йога, медитация); активный отдых (охота и рыбалка, катание на лыжах, квадроцикле, мотоцикле, спелеология, дайвинг, прыжки на батуте).

Но даже авторский список удовольствий из третьего издания книги «Дневник Реалиста», насчитывающий 99 позиций, представляет собой лишь очень малый, демонстрационный фрагмент того, что может создать для себя практически каждый человек, желающий усовершенствовать себя и свою жизнь. Полезных радостей бесчисленное множество, и с создания своего индивидуального реестра начнется систематизация, которая, в свою очередь, приведет к постоянному расширению списка, более тонкой детализации и возвращению забытых радостей. Такова «магия систематизации», графического отображения мысли, и она действует благодаря скрытым свойствам нашей психики. Но систематизация удовольствий на этом не заканчивается. Автор предлагает оценить интенсивность каждого удовольствия по десятибалльной шкале, чтобы выбрать наиболее эффективные удовольствия и отсортировать их.

После того как индивидуум начинает жить в соответствии с системным гедонизмом, в его жизни происходят разительные изменения: жизнь становится более радостной и наполненной событиями, открываются новые

грани бытия; вредные привычки становятся не нужны; укрепляется стрессоустойчивость; повышается энергичность, появляется «блеск в глазах» и предвкушение радости; появляется потребность в развитии, желание сдвинуться с места. С точки зрения психологии, все это имеет фантастический терапевтический эффект и, что важно, этот эффект человек создает для себя сам, всего лишь практикуя удовольствия.

Как бы ни казались просты и будто бы наивны правила системного гедонизма (кайф-менеджмента) [1, С. 363], новоиспеченный практик данного этического учения должен записать их для ежедневной сверки:

- **Каждый день.** Ежедневно выбирать из личного «Меню удовольствий» от одного до трех удовольствий и реализовывать их в обязательном порядке.
- **Повсеместно.** Удовольствия должны быть включены во все сферы жизни индивида: работу, учебу, дружбу, семью.
- **Повторение.** «Меню удовольствий» должно постоянно пополняться новыми пунктами, находиться на видном месте и перечитываться.
- **Забота о здоровье.** Системный гедонист укрепляет здоровье, чтобы получать больше удовольствий. Больше здоровья — больше удовольствий.
- **Только реальный мир.** Системный гедонизм исключает все виртуальные удовольствия.
- **Отказ от электроники.** При получении удовольствия следует выключить телефон, компьютер и прочие электронные устройства.
- **Концентрация.** В момент получения удовольствия все внимание на ощущения от данного удовольствия.
- **Кооперация.** Системный гедонист является проводником удовольствий для других людей. По возможности следует звать с собой друзей и приобщать их к полезным удовольствиям.

Например, если все делать правильно, но в кармане будет пиликать мобильный телефон, эффект значительно снизится. Поэтому максимальный эффект от системного гедонизма достигается при неукоснительном исполнении всех перечисленных правил. Пользователям достаточно запомнить, что мы стремимся к концентрации на удовольствиях и удаляем мешающие факторы в виде электронных устройств. Так же, предсказывая все большее развитие технологий, в том числе технологий виртуальной реальности, системный гедонизм категорически исключает все виды виртуальных развлечений. Автор технологии предполагает, что со временем люди все больше «зависнут» в виртуальном пространстве и тот, кто больше времени находится в реальном мире, будет иметь интеллектуальное преимущество над другими людьми. Таким образом, системный гедонизм с течением времени способен запустить эволюционирование человека, наполнить его жизнь смыслом и радостью.

Дополнительным эффектом, который закладывал И. В. Волочков при проектировании системного гедонизма, является профилактика еще не возникших вредных зависимостей. Автор предположил, что для индивида, имеющего большой выбор эмоционально сильных полезных удовольствий, вредные зависимости будут казаться слишком слабыми, чтобы сформировалась зависимость. Индивид станет неуязвим перед вредными зависимостями, такими как алкоголь и курение, что особенно актуально в подростковом возрасте.

Помимо изложенного выше, системный гедонизм имеет уровни мастерства. И если на базовом уровне человек является неким потребителем удовольствий из «Меню удовольствий», то мастерский уровень системного гедонизма [1, С. 364] предполагает конструирование новых видов удовольствий. Психотехнология системного гедонизма вооружена тремя конструктивными принципами: «Принцип контрастов», «Хамелеон» и «Принцип спонтанности».

Суть «Принципа контрастов» состоит в том, чтобы на краткое и контролируемое время радикально изменить образ жизни в сторону «ухудшения» — лишить себя удобств, понизить статус, погрузиться в аскетизм [3] и т.п. Скажем, имея хорошую квартиру, переночевать на городской скамейке. Имея средства на путешествия классом «люкс», перемещаться автостопом.

«Принцип спонтанности» базируется на выполнении нелогичных, спонтанных действий. Это следование сиюминутным порывам, критерием которых является личная безопасность. Например, поехать на тренировку, а уехать в другой город. Сесть на произвольный транспорт и уехать в произвольную точку города. Пойти за автомобилем, а отправиться в путь пешком. «Принцип спонтанности» — это безопасный разрыв устоявшихся жизненных шаблонов поведения путем выполнения незапланированных, спонтанных действий.

Еще более радикальным является принцип «Хамелеон». Он прекрасно описан в романе Марка Твена «Принц и нищий», когда человек, имеющий высокий социальный статус, превращается в представителя низшего слоя. Еще, например, можно наняться сборщиком винограда на плантацию, носильщиком на вокзал и т.д. Смысл подобных вроде бы эскапад — какое-то время пожить той жизнью, которой данный человек не жил никогда, испытать те чувства, которые он ни разу не переживал.

В результате подобных экспериментов над собой произойдет перезагрузка сознания, притупившееся вос-

приятие обновится и появится новое видение многих сторон своей и окружающей жизни, что особенно ценно для работников творческих профессий, руководителей, людей искусства [4].

Довольно мистическим и необычным эффектом системного гедонизма является субъективное удлинение времени жизни за счет повышения количества событий на единицу времени и включения особого режима работы мозга, возникающего при высокоэмоциональных событиях. Часто, сетуя на быстротечность времени, мы не отдаем себе отчета о механизме этого ощущения. Кроме того, считаем такое положение дел объективным и неизменяемым. Однако И. В. Волочков утверждает: «Мечта многих людей — удлинить свою жизнь на пару десятков лет за счет здорового образа жизни. А как насчет того, что простое применение системного гедонизма в комплекте с осознанностью может удлинить субъективное (по внутренним ощущениям) течение жизни на дополнительную сотню лет?» [1, С. 367]

В обычном течении времени жизни, при ее рутинном наполнении, человеческий мозг получает мало информации, поскольку впечатления от происходящего уже присутствуют от прежних подобных ситуаций и сознание находится как бы в полусне, человек становится частично роботом, действующим по давно отлаженной схеме. Течение времени при этом почти не фиксируется, оно «проскальзывает», проходит незаметно. Отсюда и возникает ощущение быстро сменяющихся дней, недель, месяцев, похожих друг на друга. Мы просто не проживаем время своей жизни, а как бы скользим по нему. В описанных выше примерах мастерского уровня системного гедонизма мозг воспринимает значительно больше информации. Она не была записана в памяти, ее надо обработать и усвоить; таким образом, наш мыслительный аппарат просыпается и начинает фиксировать время. Теперь оно не проходит незаметно, напротив, человек замечает течение времени, и оно субъективно кажется длиннее.

Таким образом, предложенная И. В. Волочковым психотехнология «системный гедонизм» может иметь фантастический психотерапевтический эффект на практически любом индивиде любой возрастной категории. Для разного возраста будут меняться лишь пункты «Меню удовольствий». Системный гедонизм может быть рекомендован при лечении депрессий, а также других заболеваний, связанных с потерей радости жизни; при лечении алкоголизма, наркомании и иных зависимостей, а также профилактике подобных зависимостей у подрастающего поколения. В целом же системный гедонизм может раскрыть жизнь индивида с новых сторон, усилить позитивное мышление, удлинить субъективное течение времени, но, что особенно важно, запустить вектор саморазвития, что принесет плоды в различных сферах жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волочков И. В. Дневник Реалиста: книга про деньги, отношения и смысл жизни. М.: Арт.Экспресс, 2019. 384 с.
2. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1986, с. 115.
3. Соколовская И. Э. Особенности религии и специфика её воздействия на Человека. Научный журнал Вестник МГОУ, Серия «Психологические науки», № 2,— 2014 г.— М.: ИИУ МГОУ,— 100 с.
4. Соколовская И. Э. Современные социально-психологические практики Германии / Ушенина А. С., Наборнова А. А.//Ученые записки РГСУ, Т. 18, № 2 (151),— 2019 — М.: Изд-во РГСУ.— С. 6–14

© Соколовская Ирина Эдуардовна (iesokol@yandex.ru), Волочков Илья Владимирович (me@volochkov.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЫЧИСЛИТЕЛЬНАЯ ФИЗИКА И КОСМОЛОГИЯ

COMPUTATIONAL PHYSICS AND COSMOLOGY

M. Openkov
N. Tetenkov

Summary. The article is devoted to modern attempts to represent physical reality. One such attempt is the physical metaphor of the Turing machine, which allows us to compare mathematical calculations with a physical process, which allows us to consider in physical terms the laws of storage and processing of information and computational physics. Twentieth century proposed to describe the physical reality of the theory of cellular automata-a mathematical construction, its structure resembles a cell. Of interest is the theory of constructs, which States that science can be formulated in terms of the difference between possible and impossible transformations. The third option is not possible in this system.

Keywords: cellular automaton, Turing machine, computational physics, cosmology, Wigner, Zuse, Deutch.

Опёнков Михаил Юрьевич
Д.ф.н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, Россия Архангельск
kotobarz@gmail.com
Тетенков Николай Борисович
К.ф.н., доцент, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, Россия Архангельск
tenibo@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена современным попыткам представить физическую реальность. Одной из таких попыток является физическая метафора машины Тьюринга, которая позволяет сравнить математические вычисления с физическим процессом, что позволяет рассмотреть в физических терминах закономерности хранения и обработки информации и вычислительную физику. XX век предложил для описания физической реальности теорию клеточных автоматов — математическую конструкцию, своим строением напоминающую клетку. Интерес представляет и теория конструктов, которая утверждает, что науку возможно сформулировать в понятиях разницы между возможными и невозможными трансформациями. Третий вариант в этой системе невозможен.

Ключевые слова: клеточный автомат, машина Тьюринга, вычислительная физика, космология, Вигнер, Цузе, Дойч.

11 мая 1959 года Юджином или Енё Пал Вингером (1902–1995), нобелевским лауреатом 1963 года по физике, был прочитан доклад «Непостижимая эффективность математики в естественных науках». [1].

В докладе Вигнер рассмотрел две главные темы:

1. между математическими понятиями возможны неожиданные связи, позволяющие точно описывать различные явления природы;
2. Мы не знаем в силу каких причин математические понятия столь эффективны, поэтому невозможно утверждать, что теория, опирающаяся на математические понятия,— это единственно возможная теория. Вигнер подчёркивал: «Эффективность математики в естественных науках есть нечто загадочное и не поддающееся рациональному объяснению» [1, стр. 536].

Существует афоризм, принадлежащий немецкому логику Вальтеру Дубиславу (1985–1937): «Философия — это злоупотребление специально разработанной терминологией». Следуя этому афоризму, Вигнер определил математику: «…как науку о хитроумных операциях, проводимых по специально разработанным правилам над специально придуманными понятиями» [2], тем самым, важным становятся создание новых понятий.

Глубина смысла, заложенного в новом понятии, выясняется в ходе использования этого понятия. Великий математик использует весь арсенал приемов мышления, балансируя на грани риска впасть в противоречие. Новые понятия математики необходимы для производства сложных логических операций, импонирующих чувству прекрасного.

Философ науки Майкл Полани (1891–1976) был другом Юджина Вигнера и в основном повлиял на его эпи-

стемологические воззрения. Полани полагал: «Математику как науку нельзя определить, не признав ее наиболее очевидного свойства, того, что она интересна» [3].

Выдающийся современный математик Ю. И. Манин заметил: «Вычислительный формализм математики — мысль, экстериоризированная до такой степени, что она на время отчуждается и превращается в технологический процесс. Математический образ формируется в затяжном приживлении к человеку этой временно отторгнутой мысли.

Думать — значит вычислять, волнуясь» (курсив наш). [4]

Именно Алан Мэтисон Тьюринг (1912–1954) использовал физическую метафору машины Тьюринга в качестве описания алгоритмизированного мышления. Сравнение вычисления с физическим процессом позволило осмыслить в физических терминах закономерности хранения и обработки информации, и соответственно, вычислительную физику.

Итак, все началось с Алана Тьюринга, с именем которого связывают три достижения:

1. Решение математической проблемы при помощи конструкции, известной как Универсальная машина Тьюринга (УМТ);
2. создание УМТ как универсальной вычислительной машин;
3. идея создания компьютеров, которые могли бы имитировать когнитивные функции, оцениваемые при помощи игры в подражание. [5]

Если УМТ имеет ограничения, которые невозможно преодолеть без нарушения законов физики, то какие из ограничений свойственны естественным механизмам, способным выполнять вычислительные или логические операции? Этот вопрос главный и даже тревожный, когда мы исследуем такие важные естественные механизмы жизни — разум человека и Вселенная.

В XX веке одним из способов представления физической реальности становится теория клеточных автоматов, где под клеточным автоматом понимается математическая конструкция, своим строением напоминающая клетку. Для исследований чаще всего использовалась двумерная сетка, где каждая клетка подвергается влиянию соседних клеток, тем самым все клетки образуют простую сеть. Для создания УМТ, по Нейману, достаточно клеток, имеющих 29 состояний.

В 1969 году Конрад Цузе (1910–19995) издал короткую книгу под названием «Вычислительное пространство» [6], в которой утверждал, что наша Вселенная — это клеточный автомат.

Исторически законом физики приписывается непрерывность, законы физики выражаются через вещественные числа и связаны дифференциальными уравнениями, наоборот, квантовая теория утверждает, что Вселенная дискретна, и в основе её лежит цифровая природа, а непрерывность Вселенной — иллюзия.

Возникает вопрос: является ли реальность цифровой, аналоговой или гибридной?

Развитие Вселенной от простого к сложному, возможно на основе довольно простых законов, что очень напоминает клеточные автоматы.

Джон Арчибальд Уилер (1911–2008) считал, что Вселенная связана с человеком, наблюдающим за ней. Наблюдая за Вселенной человек задаётся вопросами типа «да-нет». Этот процесс характеризовался им фразой «It from bit» (это из бита). Это означает, что все тела в своей основе теоретико-информационные, что мир сделан из информации.

Одним из сторонников идеи мультивселенной является Дэвид Дойч (1953), который утверждал, что корпускулярно-волновые парадоксы квантовой теории — это влияние иных миров, искажающих квантовые явления [7].

Известная нам Вселенная — это одна и возможных вселенных в абсолютной мультивселенной. Рассуждая о генераторах виртуальной реальности, Дойч развивает принцип Тьюринга в собственной интерпретации: считается, что принцип Тьюринга относится к вычислительным механизмам, есть универсальный компьютер, в него заложены вычисления, благодаря которым возможно осуществить любой физический объект. Компьютер наделяется способностью моделировать любой физический процесс. Остается только вопрос: будет ли этот компьютер классическим или квантовым?

Суть идеи теории конструктора состоит в том, чтобы обобщить квантовую теорию вычислений так, чтобы она покрывала не только расчеты, но и множество остальных физических систем и законов физики. Это позволит получить новый способ описания физических систем и законов физики. Появятся новые законы, которые будут намного глубже самых глубоких нынешних теорий, таких как квантовая механика и теория относительности.

Одним из первых плодов этой теории стала формулировка новой основы для теории информации.

С одной стороны, информация исключительно абстрактна. Изначальная теория вычислений, предложенная Аланом Тьюрингом, воспринимала компьютеры

и информацию как математические объекты. Многие математики по сей день не понимают, что информация представляет собой физическую сущность, и такой вещи, как абстрактный компьютер, просто не существует. Вычислениями может заниматься лишь физический объект.

С другой стороны, физики всегда знали, что информация представляет собой физическую сущность, но информация должна быть независима от физического объекта, в котором она находится.

Теория конструктора находится на более фундаментальном уровне физики и физических систем, чем частицы и волны, пространство и время, изначальное состояние и законы движения, описывающие эволюцию этого изначального состояния.

В основе нашей надежды на формирование новой основы для законов физики лежит квантовая теория вычислений. Некоторое время казалось, что квантовая теория вычислений — это и есть вся физика. Казалось вполне разумным считать, что универсальный квантовый компьютер может моделировать любой другой конечный физический объект с произвольной точностью. Это значит, что множество всех возможных движений, иными словами, расчетов универсального компьютера соответствует набору всех возможных движений любого объекта.

В определенном смысле изучение универсального квантового компьютера — то же самое, что изучение любого другого физического объекта. Он содержит в себе все возможные движения всех возможных физических объектов.

Затем Дойч установил, что в этой логике имеется важный разрыв. Хотя квантовый компьютер может моделировать любой другой объект и представлять его так, что вы можете изучать через его характеристики в рамках программы, квантовая теория вычислений не может сказать, какая именно программа соответствует тому или иному физическому объекту. Это вопрос фундаментальной важности. Если говорят только то, что физическая система соответствует той или иной программе квантового компьютера, но вы не знаете, какой именно, то это значит, что суть физики не определена.

Для того, чтобы теория конструктора обеспечивала новое содержание, нужно понять, что законы теории конструктора, говорят не об изначальном состоянии, законах движения, финальном состоянии, а лишь о том, какие трансформации возможны, а какие нет.

Законы движения и другие подобные вещи представляют собой косвенные и отдаленные последствия представления о том, что возможно. Законы теории конструктора говорят о том, можно ли это сделать в принципе. Эта теория аналогична теории вычислений. Теория вычислений говорит о том, какая трансформация информации возможна, а какая нет.

В случае теории конструктора важно понимать, какие трансформации физических объектов возможны, а какие нет. Если они возможны, то обычно множеством способов. Когда они невозможны, то потому что их запрещают те или иные законы физики. По словам Карла Поппера (1902–1944), суть любой научной теории состоит в том, что она не только что-то запрещает, но и объясняет, по каким причинам она это делает [8].

Если имеется теория того, что возможно, а что нет, то она подспудным образом говорит о том, что представляют собой все законы физики.

В определенном смысле эта теория, как квантовая механика, теория относительности и любые другие фундаментальные постулаты в физике, пересекаются с философией, поэтому наличие правильной философии — представляющей собой философию Поппера — хоть и не является необходимым, крайне полезно для того, чтобы не пошли по неверному пути.

Поппер более всего знаменит своим критерием демаркации между наукой и метафизикой: к научным теориям относятся те, которые в принципе могут проверять с помощью эксперимента. Это отличается от того, что он называл метафизическими теориями (их лучше было бы называть философскими).

Концепция проверяемости далеко не так проста, как может показаться на первый взгляд. Поппер очень детально изучил этот вопрос и изложил ряд принципов, которые заставили Дойча задаться вопросом: в каком смысле теория конструктора тестируема?

Теория конструктора состоит из языка, на котором выражаются другие теории (речь идет не об истинности или ложности, а лишь об удобстве или неудобстве), а также законов. Эти законы говорят не о физических объектах, а о других законах. Они говорят, что другие законы должны следовать принципам теории конструктора. Как можно протестировать закон о законах?

Эта проблема была решена Поппером.

Дойч предлагает назвать законы о законах принципами. В качестве примера берется принцип сохранения энергии, которому должны следовать все законы. Никто не провел эксперимента, способного продемонстрировать нарушение этого принципа, так как провести такой эксперимент невозможно.

Этот метод уже использовался в истории физики для открытия нейтрино. Ученые заметили, что при бета-распаде происходит нарушение закона сохранения энергии, а затем Паули предположил, что энергия могла переноситься невидимой частицей, которую невозможно выявить. Его мысль оказалась правильной, однако ее тестирование будет проводиться не с помощью экспериментов, а с помощью наблюдений за тем, насколько живучей и поддающейся независимому тестированию оказывается теория или закон, постулирующий существование нейтрино.

Тестируемость принципа напрямую связана с тестируемостью закона, о котором рассказывает этот принцип.

Теория конструктора говорит о том, как все происходит, но на другом языке. Мы просто не можем сформулировать некоторые из идей теории конструктора, пока у нас нет концептуальной основы в виде постквантовой теории вычислений — то есть пока теория вычислений не включилась явным образом не только в философию, но и в физику.

Когда фон Нейман обнаружил, что не может создать математической модели живого объекта с помощью уравнений, он обратился к вопросу упрощения законов физики. Он со временем изобрел целую научную область, которую мы называем клеточными автоматами. Это очень интересная область, но она заставляет двигаться в сторону от реальной физики, поскольку представляет собой определенную абстракцию соответствующих законов.

Дейч двигается в противоположном направлении — интегрирует ее с законами физики, которые основаны на алгебре или представляют собой некое обобщение для теории вычислений.

К решению этой задачи вело несколько путей. Все началось с Тьюринга, а затем Рольфа Ландауэра, который чуть ли не единственный утверждал в 1960-е годы, что вычисления — это и есть физика. Теория вычислений по сей день воспринимается математиками как нечто, связанное скорее с абстракциями, а не с физикой.

Ландауэр понял, что концепция исключительно абстрактного компьютера не имеет никакого смысла, а теория вычислений должна описывать то, что физические объекты могут делать по отношению к информации.

Ландауэр сконцентрировался на вопросе ограничений, которые накладывают законы физики на возможность произвести те или иные вычисления. Это был неверный путь, ведь самое важное в вопросе связи физики с вычислениями состоит в том, что квантовая теория допускает существование новых способов вычисления, невозможных в классической физике. Сформулировав квантовую теорию вычислений, получаем теорию вычислений, полностью находящуюся в области физики.

Дейч выступает сторонником иной традиции мышления, которую разделяли Хью Эверетт и Карл Поппер, с учетом присущих им различий. Они утверждали, что научные теории связаны с описанием реальности и объяснением причин, а не просто предсказанием тех или иных наблюдений, поэтому Дейч не мог удовлетвориться одной лишь операционной версией квантовой механики. Его интерпретация представляет собой, выражаясь языком философов, реалистичную теорию. Это теория, которая нацелена на описание происходящего в реальности, а не просто нашего собственного опыта. Необходимо поставить знак равенства между вычислениями и квантовой теорией, но одной квантовой теории вычислений недостаточно для создания основы для физики в целом. Чего же еще не хватает? Теории конструктора. Теория конструктора становится самой глубокой теорией, а все остальное оказывается подчиненным ей. Она создает ограничения, а это затем приводит к контакту с миром экспериментов.

Фундаментальная дихотомия теории конструктора утверждает, что вся суть науки должна быть сформулирована в понятиях разницы между трансформациями, которые возможны или невозможны. Наличие третьего варианта не позволит системе работать. Если в мире философии вы можете ограничиться написанием работы с гипотезами или новой интерпретацией, в мире физики необходимы результаты.

Одна из основных философских предпосылок занятий фундаментальной физикой, состоит в том, что интересно, как выглядит мир — не только мир наших наблюдений, того, что мы видим, но и невидимый мир, недоступные нашему наблюдению процессы и объекты, создающие все видимое.

Поскольку видимое нами представляет собой лишь крошечную, поверхностную и призрачную картину подлинной реальности, самое поразительное знание о мире и нашем месте в нем состоит в том, что мы можем открыть настоящую реальность. Мы знаем о существовании какой-то невидимой реальности, формирующей наше видимое восприятие.

Для нас важно воспринимать науку не как предприятие, цель которого состоит в создании прогнозов, а как занятие, цель которого состоит в том, чтобы понять, как на самом деле выглядит мир, что в нем есть, а чего нет, как он ведет себя и почему, и все наши идеи тестируются с помощью наблюдений. Это совершенно потрясающе, когда наш крошечный, узкий, слабый и подверженный множеству ошибок канал доступа к знанию позволяет протестировать

теории и знания о реальности, находящиеся далеко за пределами нашего опыта. И это самое потрясающее в науке.

Клеточные автоматы были использованы в качестве модели физических законов Вселенной в работах Стивена Вольфрама, который также связывал клеточные автоматы с УМТ и описывал, как они могут моделировать физические процессы. В книге «Новый вид науки» Вольфрам формулирует принцип вычислительной эквивалентности, который утверждает, что ни одна система не сможет выполнить точные расчеты, более сложные, чем те, что выполняются клеточными автоматами и машинами Тьюринга [9].

Точное вычисление должно быть реализовано в виде физического процесса, значит ему присущи такие же ограничения, что и любому подобному процессу.

Когда мы убеждаемся, что в мире не существует ничего невычислимого (на классических или квантовых компьютерах), то составляющие части не могут быть исключением из правила. Это — жизнь, как часть вычислимой Вселенной, это одно из самых известных и таинственных ее проявлений — человеческий разум [10]

Это также дает нам новый невероятный источник для технологий. Вместо того чтобы «копать» физический мир для поиска материалов, мы можем «копать» вычислительную вселенную для поиска алгоритмов. Мы можем получать удивительные вещи, которые нам, людям, никогда бы не пришли в голову, но на практике, как показали наши продукты, могут оказаться необычайно ценными. Это что-то вроде «нового вида технологий».

ЛИТЕРАТУРА

1. Вигнер Е. Непостижимая эффективность математики в естественных науках» // Успехи физических наук, 1968. Т. 94, Вып. 3. С. 535–546.
2. Вигнер Э. Этюды о симметрии. М.: Мир, 1971. С. 183–184.
3. Вигнер Э. П. Инвариантность и законы сохранения. Этюды о симметрии. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 182–185.
4. Манин Ю. И. Математика как метафора. М.: МЦНМО, 2010. С. 150.
5. Дональд Мичи Алан. Тьюринг и проект машины-ребенка // Тьюринг Алан Игра в имитацию: о шифрах, кодах и искусственном интеллекте. М.: Родина, 2019. С. 138.
6. Zuse K. Rechnender Raum // Elektronische Datenverarbeitung. 1967. № 8. Pp. 336–344.
7. Дойч Д. Теория конструктора // Вселенная: ученые обсуждают происхождение, структуру и загадки космоса. М.: Изд-во АСТ, 2018. С. 441–462.
8. Поппер К. Логика научного исследования. М.: Республика, 2005. 447 с.
9. Wolfram Stephen. A New Kind of Science Champaign. Illinois: Wolfram Media, 2002. P. 1197.
10. Петцольд Ч. Читаем Тьюринга. Путешествие по исторической статье Тьюринга о вычислимости и машинах Тьюринга. М.: ДМК Пресс, 2014. С. 387–388.

© Опёнков Михаил Юрьевич (kotobarz@gmail.com), Тетенков Николай Борисович (tenibo@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Арктический Федеральный Университет им. М. В. Ломоносова

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ КАК ПУТЬ К ПОСТИЖЕНИЮ СМЫСЛА МИРОВОГО КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПРОЦЕССА

THE PHILOSOPHY OF HISTORY AS A WAY TO COMPREHEND THE MEANING OF THE WORLD CULTURAL AND CIVILIZATIONAL PROCESS

V. Savrey

Summary. The article contains a number of conceptual statements by European and Russian thinkers, who set themselves the task of clarifying the algorithm, paradigm patterns and logical meaning in the historical process of the development of cultures and civilizations. The concept of "axial time" by K. Jaspers was used as a key principle explaining the course of world history in its religious and philosophical interpretation in a universal way — from creating the world to eschatological completion of history.

Keywords: absolute beginning, being, time, peace, cultural and historical process, progress, symbol, Christianity, Church, civilization, era, eschatology, ethnos.

Саврей Валерий Яковлевич
Д.ф.н., профессор, МГУ им. М. В. Ломоносова
vsvry@icloud.com

Аннотация. Статья содержит ряд концептуальных высказываний европейских и русских мыслителей, ставивших перед собой задачу выяснения алгоритма, парадигмальных закономерностей и логического смысла в историческом процессе развития культур и цивилизаций. Концепт «осевого времени» К. Ясперса использован в качестве ключевого принципа, объясняющего ход мировой истории в её религиозно-философской интерпретации в универсальном охвате — от создания мира до эсхатологического завершения истории.

Ключевые слова: абсолютное начало, бытие, время, мир, культурно-исторический процесс, прогресс, символ, христианство, Церковь, цивилизация, эпоха, эсхатология, этнос.

Динамика возрастающей интенсивности происходящих в мире событий в политической, экономической и культурной сферах жизни представляет собой один из существенных факторов, определяющих облик современной эпохи. Критерием оценки эпохи настоящего является историческая значимость событий прошлого. В наступившем XXI веке всемирной истории мы постоянно оглядываемся на минувший XX век — век драматических потрясений и век величайших достижений. «XXI же век открывается моральным разделением: «гуманизм или террор» [Бадью 2016, 213), которое является источником надежд и источником алармистских переживаний одновременно.

Петер Борк говорит, что «прошлое всегда опосредовано следами» [Даманска 2010, 327], и что история всегда имеет дело с проблемой «критики источников» [Там же]. История — это вера в то, что «было прошлое», но эта вера связана с вопросом исторической истины, т.е. подлинности исторической реальности, и эта вера может переживать потрясения. По этому поводу Йорк Рюзен заявляет: «Встреча с негативным историческим опытом XX века заставляет реорганизовать нашу идею исторического мышления vis-à-vis опыту отсутствия смысла в истории» [Там же, 202]. С другой стороны, как отметила Лин Хант, «чувство утраты и ностальгия о прошлом, бесспорно, связаны с весьма мрачным взглядом на настоящее» [Там же, 372]. Ностальгию о безвозвратно невосполнимой потере прошлого она характеризует как романтический, «анти-модернистский fin de siècle троп» [Там же]. В интервью, данному Л. Хант Э. Даманска, было высказано критическое замечание о том, что «посмодернизм в его наиболее крайней форме — призыв к полной деконструкции классических понятий разума и истины — станет только другим вариантом догматизма» [Там же, 373].

Г. Э. Лессинг, как известно, придавал значение ценности не факту обладания истиной, а бесконечному стремлению человека к постижению истины. Поэтому, вопреки утверждению М. Фуко о том, что «истина принадлежит этому миру, в нём она производится при помощи многочисленных принуждений» [Грицанов 2007, 186], следует признать тезис о ценности безграничности процесса познания: путь философии к постижению истины оказывается в своей потаённой глубине восхождением к универсальности.

В истории мира рождается история философской мысли, которая сопровождает историю культур и цивилизаций. Эта история характеризуется погружением культурно-цивилизационного процесса в сакральное пространство символов как знаков вечности, указывающих на присутствие в этом процессе логического

смысла, то есть Логоса истории. «Бог времени есть Бог истории. Это означает, прежде всего, что Он — Бог, действующий в истории, направленной к конечной цели» [Тиллих 1995, 262].

Согласно Э. Кассиреру, человек обитает в символической вселенной, которая создана его символической деятельностью, включающей язык, мифологию, религию, нравственность, право, искусство, науку и политику. Религиозные и светские символы пронизывают ткань творческой деятельности человека, наделяя метафорическим смыслом произведения искусства, литературные тексты, обряды и традиции. Но религиозные прозрения и интуиции, «даже если они исходят из чистейшего источника, всегда подвержены опасности соединиться с низменными страстями и деяниями, которыми охвачено реально существующее общество» [Уайтхед 1990, 414]. Альбер Беген в предисловии к книге «Романтическая душа и сновидение» упоминает «фабулы различных мифологий» и «сны, которые сменяют друг друга, как в безумии ночи, так и в состоянии рассеянности средь бела дня» [Beguin 1939].

С реальностью фантазий, мечтаний, грёз и сновидений человек встречается в опыте повседневной жизни, в сфере искусства, в религиозной, исторической, художественной и научной литературе, посвящённой проблемам антропологии и психологии. Новейшая научная психология оказалась бессильной отстоять достоинство человека, поскольку стоит на редукционистских позициях дарвинизма и фрейдизма и не способна открыть в человеке данный ему в акте творения образ Божий. По справедливому замечанию Н. А. Бердяева, «Фрейд открывает бездну греховных влечений в человеке, но души человеческой он не видит» [Бердяев 1993, 76]. В концепции Фрейда, пытавшегося понять «культурные феномены через драматургию инстинкта» [Гуревич 1993, 9], доминантная роль в психической жизни отводится стихийному, иррациональному и бессознательному началу, представленному в природе Оно (das Es). Материалистически окрашенный позитивизм здесь возносится на небывалую высоту, в то время как уже, например, для Плотина материя представляет собой последнюю инстанцию, в которой «истечение бытия из Единого истощается до предельной темноты» [Wallis 1972, 48–50]. Самым впечатляющим моментом является поразительная психологическая проницательность Фрейда. Он обладал «даром видения «обратной стороны жизни», которым сильны все мефистофельские умы» [Левицкий 2008, 345]. Придавая своей теории психоанализа универсальный характер, Фрейд на её основе пытался объяснять все феномены психической и культурной жизни, включая и историю, в событиях которой он видел либо примеры сублимации инстинктов эроса, лежащих в основе творческой деятельности человека, либо инстинктов танатоса, ведущих людей к враждебности и агрессии, проявляющихся в феноменах преступлений, войн, революций и суицидов.

В отличие от З. Фрейда, К. Г. Юнг, для которого живой религиозный опыт стоял выше доктринальных положений католической схоластики, видел в человеке не только природу, но и дух, особенно ярко проявляющийся у стоящих ближе к «священному огню» пророков и поэтов. «Рационалист,— заявлял Юнг,— возможно, посмеётся над этим. Но в нас затронуто в этом нечто глубокое, и не только в нас, но и в миллионах христиан, пусть мы и называем это всего лишь красотой» [Юнг 1994, 123]. Категория красоты, входящая в философскую триаду «истина, благо и красота», вдохновляла, начиная с В. С. Соловьёва, мыслителей эпохи русского религиозного ренессанса в начале XX века, которая хронологически совпала с творчеством русских поэтов-символистов. В стихотворении «Солнце Эммауса» поэт-символист Вячеслав Иванов сравнивает горение сердец эммаусских путников с закатом солнца, символизирующего смерть Христа во имя будущего воскресения всех умерших: «… и дара нет Тому, Кто дар».

В том историческом формате, в каком символизм заявил о себе в России в начале XX века, его следует рассматривать не только в качестве культурно-философского течения, но и как религиозно-философское учение [Чистякова 2007, 500].

Связанные с ритуалами и мифами, символы образуют язык, называемый священным [Рикёр 2017, 119]. Символ — это «иерофания», он представляет манифестацию священного, то есть запредельного, трансцендентного, абсолютного начала. В качестве примера символа Поль Рикёр, ссылаясь на размышления Мирча Элиаде в его «Трактате по истории религий», приводит «небо». Небо — это «символ очень высокого, возвышенного, огромного, могущественного и упорядоченного, прозорливого и мудрого, суверенного, незыблемого, он поистине неисчерпаем» [Там же]. Н. А. Бердяев утверждает, что раскрытие в человеческой личности Божественного начала «до времени дано в символах, но осуществиться должно реально» [Бердяев 1993, 215]. Религиозный символ выполняет инструментальную функцию, он освящает жизнь, он заключает в себе указание на высшую, абсолютную, беспредельную сферу существования, какой является вечная жизнь в Царстве Небесном. Однако, согласно Бердяеву, «реальное преображение тварного мира и реальное осуществление красоты приводят нас к последней, самой тревожной и мучительной эсхатологической проблеме» [Там же]. Суть проблемы сводится, по-видимому, к этическому моменту, требующему исключения какой-либо возможности допущения со стороны человека права на предвосхищение реаль-

ности эсхатологических разделений, как высказался, например, Дж. Эдвард Райт, доказывая, что иудаистские и христианские представления о рае вместе с надеждами на благость Бога могут стать источником «опасного чувства превосходства над чужаками» [Wrigh Edward 2000, 202].

Изречение «символ побуждает мыслить» наводит П. Рикёра на размышления о том, что «всё загадочным образом уже сказано, и, однако, всякий раз всё нужно начинать и начинать сначала» [Рикёр 2017, 118].

В теологической интерпретации мира философия народов древних цивилизаций была представлена в их священных книгах, сквозь общий контекст которых имплицитно просматривается учение о вечном и абсолютном начале как основополагающем принципе бытия. В религиях древнего мира были разработаны системы концептов и религиозных представлений о божественном, трансцендентном, сверхчувственном мире, и эти системы давали импульс к постижению природы космоса и тайн человека, его жизни и смерти, его онтологического статуса и положения в общем универсуме бытия.

Ключом к пониманию истории, её достойных благодарной памяти потомков самых замечательных и великолепных страниц и в то же время самых мрачных и драматических событий, является сам человек, творец истории. Человеку дана свобода, которая предполагает ответственное отношение к жизни, её смыслу и ценностям, и поэтому каждый человек должен будет дать ответ Богу в день Суда. Добро и зло, которые человек сознательно и свободно допускает в своей душе, актуализуются в истории. В исторических описаниях мы постоянно встречаемся с фактами бесчеловечности человека, осуществляемой сильными и властными личностями в отношении к бесправным и слабым. «История человечества,— констатирует Эрих Фромм,— написана кровью» [Фромм 1992, 16].

К. Ясперс ввёл в историю философии понятие осевого времени, под которым он имел в виду духовный процесс, охвативший древние мировые цивилизации в период от 800 -го до 200 — го гг. до Рождества Христова, и которому он придавал принципиальное значение как самому решающему повороту в истории. Почти одновременно в различных регионах древнего мира — в Египте, Палестине, Греции, Иране, Индии и Китае в сфере миросозерцания, в сфере религиозной и интеллектуальной жизни «совершался переход к универсальности» [Ясперс 1991, 33]. Это был культурный и цивилизационный поворот, обращённый к нашему времени: «Появился человек такого типа, какой сохранился и по сей день» [Там же, 32]. Вместе с тем это было преддверие того исторического события, когда «пришла полнота времени» (Гал. 4,4), открывшая эру христианства. Для всех народов были «найдены общие рамки понимания их исторической значимости» [Там же].

Уникальный феномен христианства во всемирной истории культур и цивилизаций представляет собой явление не только исключительно новое, но и окончательно новое. «Христианство — весть о Новой Реальности, которая делает возможным исполнение нашего сущностного бытия» [Тиллих 1995, 391]. В этом фундаментальном онтологическом значении христианство есть последняя новость в истории этого мира, и никакой другой новости, вплоть до эсхатологического завершения истории, в жизни мира не будет. На исходе древнего мира христиане называли себя moderni (от латинского слова modo, означавшего «недавно»), в отличие от римских политеистов, которых они называли antiqui. Согласно апостольскому благовестию, «древнее прошло, теперь всё новое» (2 Кор. 5:17). Современность христианства — в его сверхвременности, в его устремлённости к универсализму и трансцендентности. Христианство отстаивает не ценности прошлого или нового времени, оно отстаивает вечные и высшие ценности человечества. Христиане не отрицали мировоззренческой и этической значимости в достижениях античной эпохи. Святой Иустин Философ проводил мысль о том, что всё то, превосходное и ценное, что было изречено древними мыслителями, принадлежит христианству. В парадигме христианского миросозерцания человек осознаёт себя не под знаком времени, а под знаком вечности. В отличие от античности христианство акцентирует внимание не на космологическом, но на личностном аспекте бытийной реальности. Сформированное догматическим богословием Церкви понятие личности стало ключевым понятием для всей европейской философии и культуры и приобрело значение одной из самых фундаментальных категорий во всех областях гуманитарного знания.

С начала проповеди апостолов, вовлечённых во всемирно-исторический процесс преодоления разрозненными этносами замкнутой герметичности национальных культур в парадигме их освящения Божественной благодатью, распространение христианства осуществлялось преимущественно в пределах Римской империи, но уже к концу первого тысячелетия христианская вера была проповедана от Атлантики до Тихого океана. «Христианские общины проникли в Индию и на Тибет, и в Китай» [Гердер 2013, 519]. В империи ромеев христианство одолело митраизм, который окончательно пал с гибелью Юлиана Отступника. В IV веке инициатива интеллектуальной и нравственной жизни была сосредоточена в Церкви, и эллинизм угасал, приближаясь к своему неизбежному финалу. Отжившее язычество уступало своё место христианству. Под скипетром Константина Великого эллинистическая империя преобразилась

в православное христианское царство. Тем не менее, возникший новый христианский этнос называл себя традиционным именем «ромеи», а Римский император, основавший новую столицу империи на берегах Босфора, носил титул Vasilevs ton romeon. Император был «центральной, цементирующей фигурой византийской государственности» [Величко 2017, 156]. Римская империя со столицей в Константинополе, Византия, восхищала своим блеском окружающие её этносы. Её золотое сияние освещало мир более тысячи лет. Европа, а за ней и весь мир стали наследниками достижений византийской цивилизации.

Для императора Юстиниана Великого было принципиально невозможно восприятие тандема Церкви и государства в качестве двух различных социальных образований. Границы Церкви и государства совпадали в географическом и политическом плане, в общности идеологических и культурных задач и в общности подчинённого им контингента разноплемённого, но объединённого под единым державным скипетром этноса.

Византийская держава воспринимала себя как единственная империя, для которой православная ойкумена была «Римским миром» (Orbis Romanus) [Мейендорф 2003, 159–160]. В этническом отношении всякое государство по своей органической природе представляет собой полиэтническое общество и создаётся государствообразующей нацией. Наибольшую часть населения Византийской империи составляли греки и эллинизированные местные жители, а также римляне и многочисленны группы македонцев, фракийцев, дакийцев, готов, коптов, лидийцев, гуннов, каппадокийцев, кельтов, аланов, адыгов, черкесов, скифов, армян, болгар, сербов, исавров, сирийцев, арабов, венгров, испанцев и представителей германских племён, входивших в состав римской нации [Сказкина 1967, 71–75]. Все эти народы, объединённые системой православного христианского учения, «отстаивали империю как своё отечество» [Гумилёв 1993, 54]. Христианство отделилось от иудаизма, потому что иудаизм сделал выбор в пользу своего закона, который никогда не смог стать законом для всех народов. Собрание разноплеменных детей Божиих — это «Церковь, которая собирает все народы,— это конец религиозного национализма» [Тиллих 1995, 263].

П. Барт, профессор Лейпцигского университета, придерживался распространённых в его время воззрений на постепенное развитие цивилизации, предварительными ступенями которой служили рыболовство, охота, скотоводство и земледелие, то есть три стадии: дикость, варварство и, собственно, цивилизация, начало которой он связывал с возникновением письменности [Барт 1902, 226–227].

В концепции Гегеля «всемирная история направляется с Востока на Запад, т.к. Европа есть безусловный конец истории, а Азия её начало» [Гегель 1936, 98]. В основании цивилизации лежит текст. Первая философия была представлена в священных книгах Востока, сквозь общий контекст которых просматривается учение о Логосе как основополагающем принципе бытия. В религиях древнего Востока содержался опыт осмысления бытия, полагавшийся в основание картины мира.

Как отмечает П. Тиллих, «история обусловлена сверхисторическими событиями» [Тиллих 1995, 219], к которым относятся пророческая весть, пришествие Бога в мир, апостольская проповедь и основание Христианской Церкви. Блистательная Византия, древний Рим, эпоха Ренессанса, европейское Просвещение, Новое время — всё это стало историческим и культурным достоянием человечества.

«Когда, по выражению Гегеля, мир для европейцев стал круглым, произошла многозначительная встреча Европы с остальной ойкуменой» [Toynbee 1963, 233]. Вклад Гегеля в историю философии истории является значительным и общепризнанным. Не менее значимым был для русской философской мысли гений Гердера, с большой симпатией относившегося к славянскому миру. Русская общественная мысль заинтересовалась сочинениями Гердера ещё при его жизни. Карамзин, Радищев, Державин, Жуковский были внимательными и благосклонными читателями его работ. Точную характеристику Гердера как исторического мыслителя мы находим в «Арабесках» Гоголя. По словам писателя, это один из «величайших зодчих мировой истории… Его мысли все высоки, глубоки и всемирны…» [Гоголь 1889, 249].

В отличие от Гердера, уже гораздо позднее, в период «восточного вопроса», т.е. во время русско-турецкой войны 1887–1888 гг., более проницательную характеристику славянству дал Ф. М. Достоевский: «Не будет у России, и никогда ещё не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобождёнными…» [Достоевский 1984, 78–79]. Эта оценка Достоевского, оценка не лишённая печати харизматического дара пророческого предвидения, подтвердилась историей.

Вслед за В. С. Соловьёвым в своей «Философии истории» Л. П. Карсавин утверждает тезис о том, что «исторический процесс есть процесс Богочеловеческий» [Карсавин 1993, 335]. Как и Блаженный Августин, Карсавин видит ось мировой истории в событиях от творения мира до Второго пришествия Христа и Всеобщего воскресения (De civ. Dei. XX). История не мыслима вне

временных координат. Ежи Топольски по этому поводу делает пояснение: «В постмодернистском романе автор не беспокоится о хронологических координатах. Он свободно путешествует по времени. Историк же, напротив, всегда и даже в случае синхронного нарратива, должен реферировать к временным датам. Он связан временем» [Даманска 2010, 191]. Он «видит изучаемые факты в темпоральной перспективе» [Там же].

Время остаётся единственным общим детерминантом, определяющим ход мирового исторического процесса в параметрах разных этносов, культур и цивилизаций. Как заявляет В. В. Ильин, «в мире нет единой цивилизации, хотя есть общие закономерности мирового развития» [Ильин 2003, 265]. Он утверждает, что «цивилизационно человечество не едино» [Там же], что «человечество не едино ни по вере, ни по технологиям, ни по расовым, ни по этническим, ни по национально-государственным признакам» [Там же, 266–267]. Универсальный характер государственного, экономического и культурного развития не отменяет цивилизацинной уникальности в судьбе конкретного этноса, страны и государственного образования, переживших аграрную и затем индустриальную эпохи и вступивших в эпоху научно-технической революции и урбанизации. В результате каждый народ, каждое государственное образование приспосабливаются и выживают, как могут. «Мир разделён на блоки, сферы, зоны влияния, национальные государства, противоречия внутри которых и между которыми усугубляют расизм, шовинизм, гегемонизм, глобализм [Там же, 278]. Мир находится в состоянии глубокого политического, экологического, культурного и духовно-нравственного кризиса.

Вызывающий алармистские настроения термин «глобализация» означает в интерпретации В. И. Добренькова «естественно-исторический процесс становления единого человечества» [Добреньков 2014, 7], т.е. процесс «объединения человеческого общества во всемирном масштабе, интеграции стран и народов в единое общепланитарное целое» [Там же]. Идея всеобщего единства человечества провозглашается в текстах Откровения и в традиции учения Церкви, для которой единство всего рода человеческого должно актуально осуществиться под единым возглавлением владыки всего творения Христом. Современный же нерелигиозный, либеральный и морально распущенный Запад стремится к глобализму на двух крыльях, одним из которых является исторический прогресс, а другим — гуманизм. Однако идея прогресса не является в этическом отношении вполне безупречной, поскольку в парадигме диктатуры принуждения обрекает ныне живущие поколения на ущербное существование во имя благоденствия в каком-то необозримом «светлом будущем» новых поколений. Неполноценность же гуманизма проявляется, во-первых, в том, что в нём не предусматривается забота о духовно-нравственном состоянии человеческих душ, которые вне живого религиозного опыта становятся духовно мёртвыми и не способными созерцать Божественный свет, а, во-вторых, в том, что гуманизм в своём отрицании бессмертия человеческой личности по самой своей нигилистической природе не способен проявлять заботу об ушедших поколениях людей, оставшихся, как отмечал А. Ф. Лосев, без всякой надежды вернуться обратно в сферу тварного становления, чтобы своей верой и образом жизни оправдать после смерти вхождение в Царство Божье. Без теологического христианского компонента гуманизм обречён оставаться бесплодной смоковницей. Поэтому не в одной лишь гармонизации «взаимоотношений народа и власти» [Ильин 2003, 278], как полагает В. В. Ильин, заключается смысл русской идеи, а в том, что на исходе XX века Россия заявила вновь о своей традиционной, тысячелетней православно-христианской культурно-цивилизационной идентичности.

В событиях всемирной истории, в том, что Благая Весть пришла в пределы Средиземноморской ойкумены, в том, что христианская вера была актуализована в институте Церкви, которая стала вселенской, т.е. всемирной Церковью, сохранившей свою идентичность до настоящего времени, в том, что Церковь призвана освящать Божественной благодатью все сферы личной, общественной и государственной жизни, от самых высочайших вершин до самых далёких и скромных, но всё-таки ценных периферийных реальностей бытия, и, наконец, в том, что Церковь через веру, молитву, таинства и праведную жизнь вводит все народы вселенной в царство вечной Божественной славы, заключается смысл и назначение всемирной истории. История — это реализованное человечеством временное пространство, где в системе культурных, смысловых, и ценностных координат народы мира, включая каждую конкретную человеческую личность, актуально осуществили путь своего свободного творческого становления, представив достоинство своих деяний на суд Божий в конце всех веков человеческой цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадью 2016 — Бадью А. Век. М., 2016.
2. Барт 1902 — Барт П. Философия истории к социология. СПб., 1902.
3. Бердяев 1993 — Бердяев Н. А. О назначении человека. М., 1993.

4. Величко 2017 — Величко А. М. Византийская «симфония». М., 2017.
5. Гегель 1936 — Гегель Г. Философия истории // Гегель Г. Сочинения. Т. 8. М., Л., 1936.
6. Гердер 2013 — Гердер И. Г. Идеи к философии истории человека. М.,— СПб., 2013.
7. Гоголь 1889 — Гоголь Н. В. Сочинения. Т. 5. М., 1889.
8. Грицанов 2007 — Грицанов А. А. Истина // Посмодернизм. Новейший философский словарь. Минск, 2007.
9. Гумилёв 1993 — Гумилёв Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1993.
10. Гуревич 1993 — Гуревич П. С. Человек в авантюре саморазвития // Фромм Э. Психоанализ и этика. М., 1993.
11. Даманска 2010 — Даманска Э. Философия истории после постмодернизма. Интервью с Х. Уайтом, Ф. Анкерсмитом, Ежи Топольски, Й. Рюзеном. М., 2010.
12. Добреньков 2014 — Добреньков В. И. Рахманов А. Б. Социология глобализации. М., 2014.
13. Достоевский 1984 — Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 26. Л., 1984.
14. Ильин 2003 — Ильин В. В. Философия истории. М., 2003.
15. Сказкин 1967 — История Византии в 3 томах. Под редакцией С. Д. Сказкина. Т. 1. М., 1967.
16. Карсавин 1993 — Карсавин Л. П. Философия истории. СПб., 1993.
17. Левицкий 2008 — Левицкий С. А. Трагедия свободы. М., 2008.
18. Мейендорф 2003 — Мейендорф Иоанн, протопресвитер. История Церкви и восточно-христианская мистика. М., 2003.
19. Рикёр 2017 — Рикёр П. Философская антропология. М., 2017.
20. Тиллих 1995 — Тиллих П. Избранное. Теология культуры. М., 1995.
21. Тураев 1913 — Тураев Б. А. История Древнего Востока. Ч. 1. СПб., 1913.
22. Уайтхед 1990 — Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии. М., 1990.
23. Фромм 1992 — Фромм Э. Душа человека. М., 1992.
24. Чистякова 2007 — Чистякова Э. И. Символизм // Русская философия. Энциклопедия. М., 2007.
25. Юнг 1994 — Юнг К. Проблемы души нашего времени. М., 1994.
26. Ясперс 1991 — Ясперс К. Смысл иназначение истории. М., 1991.
27. Beguin 1939 — Beguin A. L Ame romantique et le Reve. Essai sur le romantisme allemande et la poesie francaise. Paris: Corti, 1939
28. Toynbee 1963 — Toynbee A. Civilisation on Trial and the World and the West. New York, 1963.
29. Wallis 1972 — Wallis R. T. Neoplatonism. New York: Charles Scribner s Sons, 1972. P. 48–50.
30. Wrigh Edward 2000 — Wrigh Edward J. The Early History of Heaven. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 202.

© Саврей Валерий Яковлевич (vsvry@icloud.com).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МГУ им. М. В. Ломоносова, главное здание

ПРОБЛЕМА ВЫЯВЛЕНИЯ СУЩНОСТИ МИФА В РАМКАХ АПОФАТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

THE PROBLEM OF IDENTIFYING THE ESSENCE OF MYTH WITHIN THE APOPHATIC PARADIGM

I. Sarkisyan
Yu. Poleva

Summary. The paper studies the problem of determination the essence of mith in the context of apophatic paradigm. We have considered the difference of using apophetic paradigm in humanitarian and natural sciences. The need to study of using apophetic method for definition multiplexing concepts in the context of humanitarian sciences is justified. Within the compass of apophetic paradigm such essential features of mith as personhood, symbolism, metaphoric are considered. Impossibility of consideration mith out of sociocultural space is proved. It is argued that the apophatic principle of identifying the essential nature of the myth, removing the usual list of essential features attributed to the myth, not only does not limit the circle of its defining features, but also allows to understand them in a new way, which not only does not contradict the dialectical tradition of understanding the nature of the myth, but continues and develops it. The fit of myth into social space requires the actualization of an interdisciplinary approach in the analysis of the problem of mythusiness. At the intersection of philosophy, history, sociology, psychology, the problem of forming a single method of study of myth is of particular importance, which actualizes consideration of the undeniable merits of the apophatic paradigm.

Keywords: mith, apophetic paradigm, sociocultural space, dialectics, induction through illumination.

Саркисян Ирина Феликсовна
К.ф.н., доцент, ФГБОУ ВО «Волгоградская государственная академия физической культуры»
Domuvokzala57@mail.ru
Полева Юлия Владимировна
К.и.н., старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Волгоградская государственная академия физической культуры»
poleva_yuliya@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема определения сущности мифа в рамках апофатической парадигмы, а также исследуется различие использования апофатической парадигмы в гуманитарных и естественных науках, обосновывается необходимость использования апофатического метода для определения сложных, неоднозначных понятий в рамках гуманитарных наук. Утверждается, что апофатический принцип выявления сущностной природы мифа, снимая привычный перечень приписываемых мифу сущностных черт, не только не ограничивает круг определяющих его черт, но и позволяет по-новому их осмыслить, что не только не противоречит диалектической традиции постижения природы мифа, но продолжает и развивает её. Вписанность мифа в социальное пространство требует актуализировать междисциплинарный подход при анализе проблемы мифотворчества. На стыке философии, истории, социологии, психологии особое значение обретает проблема формирования единого метода исследования мифа, что актуализирует рассмотрение несомненных достоинств апофатической парадигмы.

Ключевые слова: миф, апофатическая парадигма, индукция через элиминацию, социокультурное пространство, диалектика.

Самой высокой мудростью мифологических или ритуальных текстов Древних Вед считалось умение задать такой вопрос, на который никто не смог бы ответить [3; 156]. Многие мифологические персонажи, в различных социокультурных пространствах, были поставлены перед необходимостью решать неразрешимые загадки. Но миф оказался мудрейшим из всех вопрошающих. Проблема определения мифа — задача из задач, поставленная перед человечеством. В данной работе нам хотелось бы обозначить и обосновать основные сложности, наблюдаемые при попытке справиться с этой задачей.

Первичный подход к определению мифа предполагает обращение к этимологии этого понятия: миф /греч. mýthos/ — сказание. Очевидно, что этимология мифа утаивает его сущностную специфику. Ведь при таком подходе мы имеем дело лишь с указанием на форму явленности мифа, причем эта форма столь объёмна по содержанию, что может заполняться любыми другими, подходящими под это содержание формами, или просто приравниваться к ним, вбирая при этом все функции весьма произвольно включенных понятий. Так, если миф — сказание, то ему автоматически приписываются такие черты как схематичность, аллегоричность, фантастичность образов, при этом природа мифа может оказаться поэтической, религиозной или даже метафизической. Позволим предположить, что такое ничем не оправданное безапелляционное упрощение навязывает мифу ту специфику, которая не только искажает, но исключает понимание его сущности.

Именно в силу невозможности приблизиться от непосредственной этимологии мифа к постижению его сущ-

ности в философии намечается совершенно иной, апофатический /греч. apophaticos — отрицательный/, путь его определения. Этот путь прекрасно выверен и исчерпывающе пройден А. Ф. Лосевым в работе «Диалектика мифа» [2; 22–186]. Хотелось бы отметить особую значимость такого пути: его выбирают, когда определяемое — исключительно многозначно, сложно, а соотношение его сущности — с конкретным проявлением не поддаётся привычной логической процедуре отождествления. Апофатический путь определения понятия предполагает, что только в процессе отрицания того, что может быть противопоставлено определяемому понятию, мы приближаемся к его сущности. Для подтверждения значимости такого пути напомним, что именно апофатическая парадигма вступала в силу, когда средневековые теологи обнаруживали невыразимость Бога в позитивном значении и переходили к отрицательным определениям.

Следует отметить, что истинная природа апофатического постижения сущности исследуемого явления со временем претерпела трансформацию к универсализации и упрощению. Так, в Новое Время, апофатическая парадигма представлена методом индукции через элиминацию, разработанным Ф. Бэконом. При таком подходе отрицание свершается в целях ограничения круга явлений, которым присуще то или иное наблюдаемое свойство. К «таблице присутствия», в которой перечисляются все известные исследователю случаи, подтверждающие наличие в явлении изучаемого свойства, добавляется «таблица отсутствия», которая фиксирует те явления, где это свойство отсутствует, а также таблица «степеней» выраженности в явлениях исследуемого свойства [1; 70–73].

Можно утверждать, что назначение апофатического приёма в естественных — и гуманитарных исследованиях столь различно, что не позволяет говорить о единой цели его применения. В гуманитарных исследованиях к апофатической парадигме прибегают в силу исключительной неоднозначности исследуемого понятия, его особой зависимости от соотношения «воспринимающий субъект — и социум». Тогда как естественнонаучные исследования используют апофатическую составляющую по тому же принципу, что и утверждающую. При этом объект исследования должен обладать условной однозначностью в той степени, которая предполагает его независимость от субъекта исследования.

Гуманитарное звучание апофатической парадигмы не только не сужает круг возможных сущностных черт определяемого, но, отрицая одни характерные особенности — открывает иные проявления остающихся.

Очень яркое подтверждение сказанному наблюдается при исследовании мифа.

Итак, что же не есть миф, какие особенности могут сопутствовать развёртыванию мифической реальности, но при этом не являются его сущностными чертами? Иначе говоря, чтобы приблизиться к пониманию мифа следует развенчать устойчивый миф о некоторых неотъемлемых, сущностных связях, усматриваемых в самом понятии мифа:

1. Миф, аналогично сказанию, может являть собой яркий образный ряд, но миф не есть выдумка. Миф выступает как реальность для человека, находящегося в пространстве мифа. Выход за пределы этого пространства и превращает миф — в миф. Для человека такой переход означает не что иное, как обретение реальности в пространстве иного мифа. Реальность человека — это всегда пространство мифа.

2. Миф, как и сказание, может заключать в себе сверхчувственные образы, что может спровоцировать обнаружение единой природы мифа и метафизики, но миф не есть метафизика. Метафизику следует понимать как соотношение сверхчувственного — и чувственного, выраженное в рациональной форме. Миф же оперирует с яркими, эмоционально нагруженными образами.

3. Развитие мифа не ведёт к науке. Развитый миф, ни в каких своих проявлениях, не приближается даже к неразвитой форме науки, не говоря уж о развитой её форме. Направленность науки предполагает унификацию отношений между явлениями, тогда как миф таит вариативность смыслов и их воплощений.

4. Как и в сказании, в мифе может быть усмотрена схематичность построения и аллегоричность, но миф не есть ни схема, ни аллегория. Схема предполагает приоритет сущности над внешним её проявлением, аллегория акцентирует внешнее в отношении к сущности. В мифе мы наблюдаем равнозначность сущности и её проявления, что скорее определяет его как с символ.

5. Как и в сказании, в мифе может быть усмотрена поэтичность, но, по своей сущности, миф — не поэзия. Поэзия предполагает отрешённость воспринимающего субъекта от текста, пространство мифа — открыто для включения субъекта в реальность мифа, более того, о мифе нет и речи, пока его нереальность не становится реальностью субъекта.

Итак, какие сущностные особенности остаются за мифом:

Миф личностен, поскольку его пространство предполагает жизненную включенность субъекта в пространство мифа. И эта сущностная особенность уже содержит

в себе и эмоционально-образный, и вариативно-смысловой потенциал мифа.

Миф символичен, что определяется относительной самодостаточностью эмоционально нагруженных образов, их реальной жизнью в пространстве мифа: внешнее проявление образа тождественно его сущностной природе.

Миф метафоричен, так как предполагает определённую степень ассоциативной свободы при формировании его смыслового восприятия субъектом.

Но, самое главное: миф вписан в социальное пространство, и именно в силу этого он личностен, символичен, метафоричен, герои его реальны, а для находящегося в пространстве мифа — мифа нет, есть заданная реальность.

Основываясь на этом утверждении, можно продолжить отрицание тех черт, которые обычно приписываются мифу как сущностные. Но таковыми не являются.

6. Именно с этой позиции можно определить отношение миф — религия и уяснить, что религия может быть расценена как миф, но миф не есть религия по своей сущности. Так, религия всегда есть пространство мифа, и с этим легко согласится атеист или тот, кто оценивает определённую религиозную позицию, находясь вне её — глазами иноверца. Но эмоционально нагруженные образы мифа — всегда реальность, так как предполагают включенность человека в миф.

7. Чтобы осмыслить отношение миф — история следует указать на отношение исторического факта — к слову, его утверждающего или оставляющего без внимания. Здесь, на наш взгляд, и скрыта мифическая сторона истории. Субъект исторического познания отбирает исторические факты, выстраивает их, придаёт особый смысл тем или иным историческим событиям, а иногда не пренебрегает и эмоционально нагруженными образами, т.е. создаёт пространство мифа, а вернее — продолжает то пространство, в котором сам уже существует. Но история предполагает рационализацию, схематичность построения фактов и, что особенно важно, не требует непременной включенности субъекта исторического познания в фиксируемую череду исторических событий. Более того, история претендует на то, чтобы утвердиться как наука, и, уже поэтому, миф не есть история по своей сущности.

Таким образом, мы приходим к кажущемуся бесспорным определению мифа: «Миф есть форма целостного массового переживания и истолкования действительности при помощи чувственно-наглядных образов, считающихся самостоятельными явлениями реальности» [1;644].

Но на деле, за видимой точностью определения, мы можем не разглядеть основного парадокса мифа: с одной стороны, чтобы почувствовать, действенно включиться в переживание мифа, т.е. чтобы миф выступил во всей своей определённости, необходимо быть внутри мифа, в его пространстве и, более того, воспринимать его как реальность; а с другой стороны — только выйдя из пространства мифа, мы можем определить его как миф, хотя, в этом случае, реальность мифа теряет свою главную сущностную особенность: жизненность эмоционально нагруженных образов, а значит и задействованность, включенность субъекта в миф как единственно подлинную реальность.

Миф как бы ускользает и от понимания, и от определения. Субъект находится перед дилеммой: либо жить в пространстве мифа, быть погруженным в его реальность, но быть не в силах отстраниться, чтобы определить миф; либо выйти из пространства мифа, определить миф как таковой, но при этом потерять его жизненность, уйти от силы его эмоционального воздействия.

Миф есть чудо, являющее собой непредсказуемость, непредвиденность, неожиданность и поджидающее субъекта на перекрёстке пространств различных миров, или, иначе, мифов, несопоставимых друг с другом. Именно на этом перекрёстке свершается утрата прежних смыслов — и обретение новых, именно с этим переходом, сменой мифов связаны все основные духовные взлёты и падения человека.

Чудодейственность мифа таится в противопоставленности мифа — реальности. Все сущностные основания реальности остаются за пределами мифа. Так, объективированный миф не имеет предназначения, / бескорыстен/, а значит, удерживая смысл, не ограничен этим смыслом. Миф существует как потенциальная реальность, остающаяся свободной от какого-либо конкретного воплощения. Если миф ограничить реальностью — он не миф, если вынести за границы реальности, он — мёртвая конструкция, вымысел.

Лишь в рамках апофатической парадигмы миф остаётся живым, поскольку даже при самом тщательном отрицании всегда есть место недосказанности. Тогда как любое устойчивое определение мифа не способно ни в коей мере отразить его неотъемлемую сущностную черту — миф непременно предполагает пространство смыслов, а значит — воспринимающего субъекта.

Миф есть чудо в силу того простого факта, что ни один субъект, постигающий природу мифа и пытаю-

щийся адекватно его определить — не может назвать его конкретного творца, потому что сам и является этим творцом. Миф свершается в диалоговом пространстве «я» — «я — иное», а значит субъект является сотворцом мифа, создавая и воплощая смыслы в едином социуме. На границе различных социо-культурных пространств миф мотивирует или даже провоцирует к отрицанию одних смыслов — во имя других.

Чтобы ответить на вопрос о сущности мифотворчества, стоит обратиться к анализу проблемы становления эмоционально — образной системы в рамках социокультурного пространства. Именно взаимодействие философского, социально-исторического и психологического подходов, на наш взгляд, может приоткрыть тайну мифа. При этом, как ни банально прозвучит, философия определит метод восхождения к сущности исследуемого, социология и история обеспечит фактическим материалом, а психология подвергнет многоуровнему анализу самого воспринимающего субъекта. Как часто повторяется эта формула, предрекающая магический успех междисциплинарным исследованиям! Но не находимся ли мы в своих надеждах в пространстве мифа о возможности преодоления границ, выстроенных как будто раз и навсегда избранными приоритетами эмпирических — и социально-гуманитарных наук?

Приоритетность философии в объединении обозначенных выше дисциплин требует от неё определиться с единым методом постижения как сущностной природы мифа, так и самого процесса мифотворчества. И здесь особое значение имеет рассмотрение соотношения апофатической — и диалектической парадигм. На наш взгляд, утверждение сущностных черт мифа посредством отрицания черт характерных, но не относящихся к сущностным может носить и диалектический характер. В таком случае, актуальность применения апофатической парадигмы в исследовании сложных, неоднозначных понятий бесспорна и требует дальнейшей разработки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бэкон Ф. Великое восстановление наук. Сочинение в двух томах. Т. 1.—М., «Мысль», 1977.— 567 с.
2. Жбанков М. Р. Миф / Всемирная энциклопедия: Философия под ред. А. А. Грицианова.— М.: АСТ, 2001.— 1312 с.
3. Лосев А. Ф. Философия, мифология, культура.— М.: Политиздат, 1991.— 525 с.
4. Хёйзинга Й. Homo ludens. Человек играющий.— СПб.: «Азбука-классика», 2007.— 400 с.

© Саркисян Ирина Феликсовна (Domuvokzala57@mail.ru), Полева Юлия Владимировна (poleva_yuliya@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Мамаев курган, г. Волгоград

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ СУЩНОСТИ И ОСОБЕННОСТЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ СПЕЦИАЛИСТА В СФЕРЕ АДАПТИВНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

TO THE QUESTION OF DETERMINING THE ESSENCE AND FEATURES OF THE PROFESSIONAL-PERSONAL SELF-REGULATION OF A SPECIALIST IN THE FIELD OF ADAPTIVE PHYSICAL CULTURE

E. Yakovleva

Summary. The article explores approaches to the definition of the concept of «professional-personal self-regulation». The author approaches this problem by identifying the frequency of semantic attributes of the concepts of «self-regulation», «professional self-regulation», as well as identifying the specifics of semantic attributes depending on the approach. The article analyzes the specifics of professional and personal self-regulation of a specialist in the field of adaptive physical education. The author's refined definition of the term «professional self-regulation» in the context of personal self-realization in this professional field is given.

Keywords: professional and personal self-regulation, concept and definition, approaches to definition, frequency of semantic attributes, specificity of professional activity, specialist in the field of adaptive physical education.

Яковлева Екатерина Викторовна
К.б.н., Доцент, ГОУ ВПО Луганской Народной Республики «Луганский национальный университет имени Владимира Даля»
yakatyav@gmail.com

Аннотация. В статье исследуются подходы к определению понятия «профессионально-личностная саморегуляция». Автор подходит к решению данной проблемы путем выявления частотности семантических признаков понятий «саморегуляция», «профессиональная саморегуляция», а также выявлению специфики семантических признаков в зависимости от подхода. В статье выполнен анализ специфики профессионально-личностной саморегуляции специалиста в сфере адаптивной физической культуры. Приведено уточненное авторское определение понятия «профессиональная саморегуляция» в контексте самореализации личности в данной профессиональной области.

Ключевые слова: профессионально-личностная саморегуляция, понятие и определение, подходы к определению, частотность семантических признаков, специфика профессиональной деятельности специалист в области адаптивной физической культуры.

Становление будущего специалиста в сфере адаптивной физической культуры осуществляется на этапе начальной профессиональной самореализации. Профессиональный успех личности специалиста во многом определен действенной способностью самой личности в управлении собственным состоянием, способностью к эффективной профессиональной саморегуляции [3; 6; 7].

В настоящее время дискурс проблематики определения понятия «профессионально-личностной саморегуляции» определен различными научными подходами.

С позиций психолого-педагогического подхода профессионально-личностная саморегуляция определяется как способность субъекта деятельности к осуществлению функции управления, направленного на собственное состояние [7].

Однако, тем не менее, с точки зрения психофизиологии, данное управление нельзя сводить только к самоконтролирующим действиям со стороны субъекта. Например, важно бывает не только определить возникающее состояние эмоциональной усталости. Необходимо обладать навыками, техниками, компетенциями в сфере снятия эмоционального напряжения и восстановления гармоничного для личности равновесия, в процессе пребывания, в котором личность будет способна как можно дольше противостоять эмоциональной нагрузке.

В рамках психофизиологического подхода определение саморегуляции как фономена достижения определенной степени «гомеостазиса» рассматривается в спектре важнейших составляющих психики человека, раскрывающихся в свойствах систем организма в результате реакций, которые оказывают компенсаторное действие в ответ на внешние влияния. Психофизиологический подход к определению профессиональной саморегуляции связан с прогнозированием и оценкой создавшейся или назревающей ситуацией и корректировкой своей профессиональной активности и самовыражения непосредственно самой личностью.

Частотность семантических признаков в определении понятия «личностная саморегуляция» в рамках психологических подходов варьируется в следующем лексемном диапазоне: преобразование состояния; восстановление сил и работоспособности; преобразовательная деятельность; функция сознания (Василюк, 1984; Выготский, 1984; Головин, 2001); психический механизм оптимизации; особые средства контроля за деятельностью; специальные приемы самовоздействия (Головин, 2001; Деркач, Зазыкина, 2003; Габдреева, 1981; Габдреева, Юсупов, 2013); обеспечение целостности психики в норме; единство всех психических явлений (Ганзен, 1984); выработка эффективной жизненной ориентации; онтологическая приемлемость, цельность, самоуважение (Кон, 1981); частные процессы управления; самодетерминация; регулирование личностных свойств, поведения, деятельности; управление активностью (вниманием, мышлением, свойствами памяти и пр.); (Моросанова, Коноз, 2000; Конопкин, 1957; Осницкий, 2008); процессы инициации и выдвижение целей активности самим субъектом; индивидуальный стиль; сознательная мотивируемая организация действий (Зейгарник, Холмогорова, Мазур, 1989); волевое поведение в условиях мотивационного конфликта; порождение новых смыслов; сознательная перестройка (Зейгарник, 1989) и др. [1; 2; 4; 5].

Профессионально-ценностный подход актуализирует в исследовании профессионально-личностной саморегуляции проблему изменяющейся личности в трансформирующемся окружающем мире, чем обусловливает достижение поставленных целей в процессе различных видов деятельности (Асмолов, 1990; Бояринцев, 1989; Рубинштейн, 1976; Абульханова-Славская, 1991). Активизация аутопсихических ресурсов в профессиональной самореализации и саморазвитии личности обеспечивает комплексный регулятивный механизм профессиональной деятельности специалиста любой сферы [4].

Тем не менее, следует отметить, что независимо от подхода к определению, феномен саморегуляции рассматривается неразрывно от такого качества как «польза». Эта константа сохраняется и в рамках исследования понятия «профессиональная саморегуляция» с позиций гуманистического и культурно-деятельностного подходов, в рамках которых актуализируются такие признаки данного феномена как формирование гуманистической позиции личности к себе, осознание собственной значимости, формирование общей культуры профессионала, актуализация ресурсов в процессе самоисследования и т.д. (Чернявская, Успенский, 2012). Это говорит о том, что детерминанты частотности семантических признаков понятия неразрывно связаны со спецификой той деятельности, в которой личность профессионально самоактуализируется. В связи с этим, необходимо отметить, что сфера профессиональной самореализации специалиста адаптивной физической культуры является сферой повышенной социальной ответственности и нервно-психической напряженности. Это обусловливает необходимость учета таких особенностей в профессионально-личностной саморегуляции как компетентность, являющая совокупностью знаний и целеполагания, основанных на потребности личности осознавать значимость своей роли повышении качества жизни лиц, имеющих отклонения в состоянии здоровья и особые потребности в увеличении количества и качества здоровья. Помимо этого, управление собственным состоянием специалиста в данной области будет подразумевать: 1) повышенный контроль эмоций, речи, движений и пр.; 2) более тщательный анализ профессионального поведения и эмоций на основе саморефлексии, оценки роли своего участия в жизни других людей, с которыми осуществляется сопровождающая, профилактическая, реабилитационная и т.д. деятельность; 3) регуляция собственного состояния в системе «разрядка-рефлексия-управление-контроль».

Таким образом, профессионально-личностная саморегуляция специалиста в сфере адаптивной физической культуры будет заключаться в способности к результативному проектированию собственного профессионального поведения в управляемой компенсаторной образовательной среде посредством активизации психофизиологических механизмов обеспечения физического, психического, психофизиологического постоянства функций организма, обеспечивающих положительную адаптацию, профессиональную социализацию и ценностное самовыражение в профессии, побуждающее специалиста к непрерывному профессиональному самосовершенствованию и раскрытию у себя гуманизирующего потенциала, реализуемого на основе социальной ответственности и осознания нравственных императивов среды социально-профессионального взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Габдреева, Г. Ш. Самоуправление психическим состоянием / Г. Ш. Габдреева. — Казань: Изд-во КГУ, 1981. — 64 с.
2. Габдреева, Г. Ш. Саморегуляция психических состояний: психологические технологии и диагностика: Учебное пособие / Г. Ш. Габдреева, М. Г. Юсупов. — Казань: Отечество, 2013. — 154 с.
3. Крылова, Н. Н. Саморегуляция как ресурс самообразовательной деятельности студента / Н. Н. Крылова // Вестник Пензенского государственного университета. — 2013. — № 1. — С. 3–8.

4. Лемещенко, М. Ю. Саморегуляция личности специалиста как психологическая проблема [Электронный ресурс] / М. Ю. Лемещенко // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии: сб. ст. по матер. XXVII междунар. науч.-практ. конф.— Новосибирск: СибАК, 2013.— Режим доступа: https://sibac.info/conf/pedagog/xxvii/32645
5. Осницкий, А. К. Аспекты исследования осознанной саморегуляции и функциональной асимметрии мозга / А. К. Осницкий, С. А. Корнеева // Научный результат. Педагогика и психология образования.— 2015.— № 1 (3).— С. 31–39.
6. Ткачева, Е. Г. Формирование опыта профессионально-личностной саморегуляции будущего педагога в процессе физкультурной деятельности: Дис… канд. пед. наук / Е. Г. Ткачева.— Волгоград, 2010.— 196 с.
7. Чернявская. А. П. Профессионально саморазвитие. Саморегуляция: Введение в психолого-педагогическую деятельность (учебное пособие) [Электронный ресурс] / А. П. Чернявская, В. Б. Успенский.— Режим доступа: https://psy.wikireading.ru/30584
8. Шагивалеева, Г. Р. Значение саморегуляции в профессиональном становлении будущих педагогов [Электронный ресурс] / Г. Р. Шагивалеева, В. Р. Бильданова, Г. К. Бисерова, Е. М. Юсупова.— Режим доступа: https://docviewer.yandex.ru/view/0/?page=7&*

© Яковлева Екатерина Викторовна (yakatyav@gmail.com).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Луганский национальный университет имени Владимира Даля

НАШИ АВТОРЫ

Afanasev N. — Candidate of philological Sciences, associate Professor, North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov, Yakutsk
n.v.afanasev@mail.ru

Antonova V. — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov, Yakutsk
antonova.venerochka@mail.ru

Baishev I. — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov, Yakutsk
ii.baishev@s-vfu.ru

Chetverikova A. — Chief specialist of security service, JSC «Moscow regional power grid company»
alenachetverikova@yandex.ru

Efimova L. — Doctor of Philology, North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov, Yakutsk
Ludmilaxoco@mail.ru

Gatich L. — Graduate student of the Peoples' Friendship University of Russia, Moscow
belka1690@bk.ru

Glavatskikh M. — Candidate of psychological Sciences, associate Professor, Izhevsk state medical Academy health Ministry of the Russian Federation
ni-hao@mail.ru

Grigorian M. — Applicant, Russian Presidential Academy Of National Economy And Public Administration; General Director of «Akmeonika"
marinapobeda@bk.ru

Kodama N. — Peoples' friendship university of Russia (Moscow)
nkodama@mail.ru

Li Mengdie — Postgraduate, Eastern federal University
663038125@qq.com

Meshcheryakov D. — Associate, Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the Russian National Guard Troops (SVKI VNG Russia), Saratov, Russia
dma21051980@mail.ru

OUR AUTHORS

Nikiforova S. — Clinical psychologist, head of the Ecology of Beauty studio, Krasnoyarsk
583050@mail.ru

Openkov M. — Doctor of philosophy, Professor, Nothern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Russia, Arhangelsk
kotobarz@gmail.com

Penkov V. — Doctor of philosophical Sciences, associate Professor, Belgorod State National Research University
penkov@bsu.edu.ru

Poleva Yu. — Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Volgograd State Academy of Physical Culture
poleva_yuliya@mail.ru

Pomazan I. — Graduate student, Kuban State University
4632164@mail.ru

Pomytkina T. — Candidate of psychological Sciences, Izhevsk state medical Academy health Ministry of the Russian Federation
lampa27-3@mail.ru

Protopopov S. — Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov, Yakutsk
ssprotopopov@mail.ru

Sarkisova D. — Peoples' friendship university of Russia (Moscow)
sarkisovadaria@mail.ru

Sarkisyan I. — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Volgograd State Academy of Physical Culture
Domuvokzala57@mail.ru

Savrey V. — PhD in philosophy, Moscow State University
vsvry@icloud.com

Shkurko N. — Candidate of Philosophy, Associate Professor, North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov, Yakutsk
shkurko@mail.ru

Sokolovskaya I. — Russian state social University
iesokol@yandex.ru

Stoyanova E. — K.pskh.n., assistant professor, Krasnoyarsk State Medical University. prof. VF Voyno-Yasenetsky of the Russian Federation Ministry of Health
chernova@yandex.ru

Tetenkov N. — Candidate of philosophy, Associate professor, Nothern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Russia, Arhangelsk
tenibo@yandex.ru

Vertyagina E. — Associate professor, Saratov State Law Academy, Saratov
helen_vertyagina@mail.ru

Volochkov I. — Perm national research Polytechnic University
me@volochkov.ru

Vorkina K. — Peoples' friendship university of Russia (Moscow)
ksenya_japan@mail.ru

Voroncova J. — Graduate student, Moscow State Pedagogical University
jl.voroncova@gmail.com

Yakovleva K. — Candidate of biological sciences, associate professor, State educational institution of higher professional education of the Luhansk people's Republic «Luhansk national University named after Vladimir Dahl»
yakatyav@gmail.com

Yermolaev V. — PhD, Associate Professor, Moscow State Pedagogical University
evv21@mail.ru

Yu Zhenyuan — Ph.D, State University of Management
Zhenyuan888@rambler.ru

Zhivaeva J. — K.pskh.n., assistant professor, Krasnoyarsk State Medical University. prof. VF Voyno-Yasenetsky of the Russian Federation Ministry of Health
yul-zhivaeva@yandex.ru

Zhizhina M. — Candidate of pedagogical sciences, associate Professor, Saratov State University of N.G. Chernihiv's
Zhizhina5@mail.ru

Ziatina A. — Graduate student, Kuban state University
igor7011891@rambler.ru

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе "Антиплагиат".

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением ".doc", или ".rtf", шрифт 14 Times New Roman.
- Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).